

Ф. Хуземанн
Об образе и смысле смерти

Friedrich Husemann.
Vom Bild und Sinn des Todes
1954 Verlag Freies
Geistesleben GmbH, Stuttgart
Издательство "Энигма", 1997
ISBN 3-596-25510-4
ISBN 5-7808-0043-X

ОГЛАВЛЕНИЕ

[Предисловие](#)

[Образ смерти в сознании ранних эпох](#)

Древняя Индия
Персидская эпоха
Шумер - Вавилон
Египет
Греция
Начало нового времени

[Проблема смерти в эпоху естествознания](#)

Витализм и материализм
Биология на границе познания
Можно ли перейти границу познания?

[Образ и смысл смерти в свете духовной науки](#)

Полярность жизни и сознания
Дифференциация и смертность
Ритм и сознание
Память и воспоминание как метаморфозы жизни
Теории причины смерти
Процесс смерти как физиологическая основа свободы
Душа в старости
Панорама жизни
Перевоплощение и судьба
"Я" как ядро существа и целостная функция
Самоубийство и преждевременная смерть
Преодоление сознания смерти

Предисловие

Собранные в настоящей книге статьи о проблеме смерти восходят отчасти к публичным лекциям, отчасти к ежедневной работе с пациентами, в ходе которой мы сообща искали пути разрешения загадок жизни. Именно эта лекционная работа побуждает меня, несмотря на некоторые сомнения, издать книгу в настоящем виде. Ведь я постоянно ощущал, сколько людей ныне испытывают потребность в ответе на эти вопросы, до какой степени их выздоровление, а подчас сама возможность дальнейшего существования зависят от решения этих вопросов.

Эта в широчайшем смысле терапевтическая точка зрения, собственно, и привела меня к изданию книги.

Стоит ли говорить, что при этом я не мог не думать и о своих коллегах? Мы, врачи, всю жизнь стараемся облегчить жизнь других, продлить ее насколько возможно, а между тем как часто, увидев тщетность наших усилий, мы потрясенно спрашиваем: в чем смысл смерти?

А когда мы, сопереживая страданию близких, сами не знаем ответа, время жизни год от года становится все тяжелей, и в конце концов мы начинаем ощущать себя безвольными, бесцельными в общем потоке событий. И тогда уже не можем никому по-настоящему помочь.

Это, естественно, не означает, что практикующий врач должен вести с пациентами мировоззренческие беседы: у добросовестного практика для этого просто нет времени - в санатории же, напротив, это зачастую необходимо. Но даже практикующий врач не может быть хорошим врачом, если он не стремится хотя бы самому себе разъяснить эти вопросы - в противном случае рутина быстро поглотит его. Коль скоро мы хотим исцелять других, мы должны прежде всего исцелить самих себя. Если эта книга пробудит желание внести ясность в подобные вопросы, ее цель достигнута. В мои планы не входило давать "только правильные ответы". Такая попытка, как мне кажется, уже сама по себе парализует активность читателя. А ведь именно к проблеме смерти следует подходить с высочайшей внутренней активностью - ни в коем случае не с пессимизмом и не с сентиментальными настроениями.

Наше время, может быть, в еще большей степени, чем прежние эпохи, требует ясного прозрения тайны смерти. Без труда можно понять, что те сильные потрясения, которые выпали на долю человечества в последние десятилетия, не могут быть внутренне преодолены им потому, что сознание его ограничено пределами рождения и смерти. Сущность же человека выходит за эти границы. И если пытаться регулировать жизнь, исходя из сознания, ограниченного рождением и смертью, в результате неизбежно возникнут такие же осложнения, как если бы, к примеру, взрослый человек вздумал придерживаться правил питания, годных лишь для младенцев. Вследствие такого поведения, говоря языком врачей, должны развиваться болезненные явления. От таких явлений происходит неуверенность в жизни, которую сегодня очень часто можно найти в глубинах человеческих душ и которая влияет на мысли и решения людей. Здесь кроется глубинная причина растущей "нервозности" человечества. Если сравнить в этом плане жизненные настроения минувших эпох, можно прийти к неожиданному результату: внутренняя неуверенность перед лицом жизни и в особенности проблемы смерти появились в сравнительно новое время, и чем больше мы углубляемся в прошлое, тем менее загадочной представляется людям смерть. Сознание этого в первый момент может смутить, но вместе с тем оно, как никакое другое, способно помочь постижению глубинных связей развития человечества и прежде всего вдохновить нас на изучение проблемы смерти - с помощью всех современных средств познания.

Общепризнано, что среди всех современных способов познания наибольшим доверием пользуется естественнонаучный. Однако дальнейшие рассуждения покажут, что как раз применительно к проблеме смерти этот способ познания не дает никаких ответов по существу. На мой взгляд, ответ здесь может дать лишь духовная наука, основанная Рудольфом Штайнером в продолжение естественнонаучного метода. В этой книге предпринята попытка воспользоваться предложенными им методами и точками зрения.

Насколько возможен и научно оправдан такой подход, я попытался представить в моей книге "Гёте и врачевание" ("Goethe und die Heilkunst" 1935; 2. bearb. Aufl. Stuttgart 1957). В связи с этим в данном контексте я могу отказаться от методологических рассуждений. Определенную трудность настоящего изложения я вижу, правда, в том, что в первой части не все понятия могли быть последовательно выработаны с той ясностью, какая желательна для полного понимания. Поэтому я постарался построить описание отдельных эпох так, чтобы читатель сумел "вжиться" в историю проблемы. Только во второй части

дается систематическое изложение. Поэтому, быть может, после прочтения ее имеет смысл еще раз вернуться к первой.

Несмотря на эту трудность, я не решился опустить историческую часть, хотя помимо всего прочего у меня возникали сомнения в достаточности моих специальных знаний в данной области, и чем дольше я работал над этой частью, тем очевиднее для меня становился ее фрагментарный характер. К тому же я сознавал, что специалистам, как правило, недостает нужных точек зрения. Кроме того, полагаю, что только благодаря историческому рассмотрению проблема смерти предстанет в той духовной перспективе, которая позволит нам ясно осознать свою позицию относительно этой проблемы. Как мне кажется, в духовной области происходит нечто подобное тому, что произошло с чувственным восприятием нашего культурного ареала в XIV-XV вв. Тогда европейский менталитет освоил перспективное видение, которое с тех пор стало для нас естественной предпосылкой.

Нечто похожее мы переживаем сегодня с этими проблемами: нам уже недостаточно смотреть на них только с "нашей" точки зрения, мы хотим рассматривать их в историческом развитии, чтобы таким образом получить для нашей точки зрения правильные перспективы.

Также и для изложения естественнонаучных проблем это стало сегодня уже само собой разумеющимся, хотя в большинстве случаев при этом принимается "точка зрения Вагнера": "В конце концов, как же здорово мы продвинулись". Историческое рассмотрение не плодотворно, если относится к воззрениям прежних эпох лишь как к устаревшим, как к отражению примитивной ступени развития или к курьезу. Мы занимаем по отношению к историческим явлениям во многом такую же позицию, какую естественные науки до возникновения учения об эволюции занимали по отношению к великому многообразию форм животного мира: все регистрируется, описывается, собирается, но не прослеживается никакой внутренней связи.

Подобно тому как современный естествоиспытатель не удовлетворяется описанием формы и развития отдельно взятого живого существа, но рассматривает различные состояния как наглядные воспоминания об общем развитии - основной биогенетический закон Геккеля, - так и мы пойдем себя, только когда проникнем в воззрения прежних эпох и увидим в них стадии развития наших собственных воззрений.

Но тогда мы вплотную подойдем к тому, чтобы вместе с Лессингом ("Воспитание рода человеческого") признать, что мы сами развивались во времени, пребывая в различных культурных эпохах. И, постигая прошлое, мы понимаем, как прав был Платон, когда говорил, что мы можем постичь только то, что уже однажды знали, а потом забыли: прошлое кажется поблекшим воспоминанием. Историческое познание становится расширенным самопознанием.

Так мы расширяем наше духовное пространство. Современный способ познания более не кажется нам ограниченным своей исторической обусловленностью и тем самым в конце концов обесцененным, но, познавая прежние воззрения в их правомочии и необходимом ограничении, мы можем ощутить и свои воззрения как носитель и перспективный аспект развития человечества.

Образ смерти в сознании ранних эпох

Древняя Индия

Вступая в духовный мир древнеиндийской эпохи, словно вдыхаешь простор и покой высокогорья. Как путник, добравшийся до вершины, разом озирает волнистые силуэты хребтов и окутанные холодным туманом долины и, может быть, наблюдает, как появляется из тумана альпинист и какое-то время идет в сиянии яркого солнечного света,

чтобы снова скрыться в тумане и снова показаться по прошествии нескольких часов, - так перед взором индийского мудреца зримо простирается ряд повторных земных жизней.

В Упанишадах (Катха-упанишада) описывается сцена, которая скорее, чем теоретические рассуждения, даст нам возможность взглянуть на душевную организацию в Древней Индии*.

* Описание хотя и отмечено буддистским элементом, однако к нему применимо то, что можно сказать о многих документах ранних культур в основе своей оно восходит к древнейшим временам, но было записано сравнительно поздно и поэтому испытало на себе позднейшие влияния.

По религиозным причинам отец предаёт смерти мальчика Начикетаса. Его переход в мир иной сопровождается следующей медитацией:

Погляди назад, на прежних [людей],
погляди вперед, на будущих -
Подобно зерну, созревает смертный,
подобно зерну, рождается он вновь*

* Катха-упанишада, I, 6 Перевод А. Я. Сыркина

Сравнение с зерном ясно показывает, что имеется в виду: возвращение человеческой души во всех новых земных жизнях. Человеческое мышление в эту эпоху еще тесно связано с природой; наблюдение за процессами, происходящими в природе, непосредственно пробуждает душу к познанию. В твердой уверенности, что много жизней осталось позади и много предстоит, душа ступает на путь смерти. Для брахмана Начикетаса на этом пути нет ничего страшного: он видит в смерти превосходную возможность обрести познания, иначе недоступные человеческому духу.

Далее описывается, как Начикетас, перешагнув порог смерти, проводит три дня в ее жилище непринятым и непризнанным гостем. Тем самым бог смерти допускает неучтивость по отношению к юному брахману и в качестве возмещения обещает ему выполнить три его желания.

Очевидно, что это повествование не следует понимать буквально: в основе его лежит характерное для всех гимнических текстов образное облачение общих истин.* Это повествование не призвано дать слушателю или ученику теоретические знания, оно должно прежде всего научить его правильно поступать в данной ситуации. Знание есть указание пути**. "Когда тот, кто знает это, уходит из этого мира, его речь входит в огонь, его зрение - в солнце, его мысль - в луну, его слух - в страны света, его дыхание - в ветер. Став этим, став среди них тем божеством, коим он всегда желал стать, он уходит прочь"***.

* Рудольф Штайнер описывает, как человек, оставив физическое тело, три дня пребывает в созерцании своей прошедшей жизни, которая разворачивается передним в связной последовательности картин. В это время он живет целиком в себе, он не нуждается в "питании". Ср. раздел "Панорама жизни", с. 101 /

** Яснее всего это проявляется в текстах египетской и прежде всего тибетской "Книги мертвых".

*** Шатапатха-брахмана, X, 3,3. Перевод с санскр. В.В. Шеворошкина.

Начикетас проходит через врата смерти хорошо подготовленный: в его душе не живет ничего, что привязывало бы его к земле; никакое желание земной пищи не напоминает ему о покинутом теле. Поэтому он выходит победителем из полной соблазна ситуации, когда бог смерти Яма обещает ему исполнение трех желаний.

Его первое желание (чтобы Гаутама Будда был к нему мягок и добр) и второе (узнать дорогу на небо и получить знание о небесном огне) - исполнены. Трудности, однако, возникают, когда мальчик произносит третье желание: узнать, что происходит с умершими людьми.

[Начикетас сказал:] "Сомнение [возникает] после смерти человека - одни [говорят:] Он есть, - другие: Его нет. - Да узнаю я это, обученный тобой. - Вот третий дар из даров". [Яма сказал:] "Даже боги до сих пор сомневаются здесь, ибо не легко распознать это тонкое рассуждение. Выбери себе другой дар, Начикетас, не обременяй меня, освободи меня от этого".

(Начикетас сказал:] "Даже боги - и то сомневаются здесь, и ты, [бог] смерти, сказал, что [это] не легко распознать. Не найти другого наставника в этом, равного тебе. Нет никакого другого дара, равного этому".

(Яма сказал:] "Выбери себе [в дар] сыновей и внуков, что проживут сотню лет; множество скота, слонов, золото, коней; Выбери себе [во владение] обширные угодья на земле и живи там [столько] осеней, сколько хочешь. Если ты считаешь это равным даром, выбирай себе богатство и долгую жизнь; Процветай, Начикетас, на великой земле, я сделаю тебя обладателем [всего] желанного.

Какие ни бывают Труднодостижимые желания в мире смертных - проси себе вволю все, что желаешь. Вот красавицы на колесницах, сопровождаемые музыкой, - такие недоступны людям.

Пусть, подаренные мною, они служат тебе, Начикетас, - не спрашивай только о смерти".

[Начикетас сказал:] "Преходящи [эти удовольствия] у смертного, о Антака, они иссушают силу всех чувств, Да и жизнь-то вся коротка. Пусть же [остаются] у тебя повозки, танцы, пение. Не должен человек радоваться богатству: разве сможем мы владеть богатством, если увидим тебя? Будем ли мы жить, пока ты правишь? Лишь этот дар следует мне избрать. <...>"*

* Катха-упанишада, I, 20-27. Перевод А.Я. Сыркина.

Затем в этом и в других местах следуют поучения о том, что есть "Самость", однако остается впечатление, что индийский мудрец, хотя проникновение как в чувственный, так и в духовный мир дает ему уверенность в возвращении человеческой души к новым земным жизням, все же жаждет познания "я" - но именно оно и ускользает от его взора. А поскольку он не может достичь этого знания в жизни, он ищет его в смерти; смерть - великий учитель, верховный зачинатель. Ведь смерть, как ее понимает обыденное сознание, есть величайший обман чувственного мира, который стал миром Майи, когда человечество утратило способность созерцать духовный мир. Чье же духовное зрение осталось ясным, тот видел за мрачным образом смерти истинную действительность - солнечный дух, который призывает к себе души с земли и вновь заставляет их "умирать" в духовном мире, с тем чтобы они заново "родились" на земле.

В Шатапатха-брахмане так говорится об этом: "Тот, кто там горит (солнце), есть воистину смерть. Поскольку он есть смерть, существа, которые находятся по эту сторону от него, смертны. По ту сторону от него - боги, они бессмертны. Словно натянутые поводья, его лучи побуждают все существа к дыханию жизни".

Человек, который мог так говорить, еще проникает зрением сквозь внешнюю оболочку смерти и видит за нею струящуюся от солнца и к солнцу жизнь. Когда люди умирают, они возвращаются к своему подлинному существу, переходят в иное состояние. Смерть - это врата, через которые происходит возвращение к жизни.

Может быть, самым захватывающим свидетельством внутреннего переживания индийской души является медитация йога в час смерти, в том виде, в каком ее передает нам Иша-упанишада. Умиравший взывает к Пушану, который ведет души: Золотым кругом Закрыто лицо истины. Открой его, о Пушан, Дабы я, верный истине, узрел его. О Пушан, о единственный риши, о Яма, о Сурья, О потомок Праджапати, раскинь [свои] лучи, собери [Воедино свой] жар! Я вижу твой прекрасный облик. [Пусть] ветер [войдет] в бессмертное дыхание. Ом. А тело это [пусть найдет] конец в пепле*.

* Перевод с санскр. М. Хельзиг.

Древняя жизнь духа находит отзвук в этой молитве. Солнце воспринимается еще абсолютно как врата к истине; его внешняя физическая форма обусловлена земным телом, Майей. В тот миг, когда ослабевает власть земного, умирающий подходит к истине. Лучи расходятся, истинный свет становится откровением духовной сущности солнца - той самой, которая спустя тысячелетия говорила в теле Иисуса: "Я свет миру".

Индиец переживает в час смерти величайшее счастье своей жизни: он созерцает дух солнца и знает: его "я" идет к нему. Тело же обращается в прах и разносится ветром. Смерть - тень, действительность - в свете.

Для души, которая словно полуденным солнцем освещена знанием духовной действительности, в смерти не может быть ничего пугающего. И когда в

древнеиндийскую эпоху врач видел, что болезнь неизлечима, он не брался за больного, а советовал ему "идти по узкой тропе, к невидимому северо-восточному мысу, питаться водой и воздухом, пока земная оболочка не спадет и душа не соединится с богом". Для индийца смерть - врата в иной мир, но эти врата не закрыты для него: он смотрит через них в духовный мир.

Персидская эпоха

Как всякий живой процесс, развитие человечества совершается ритмично. Культуры проходят стадию становления, достигают расцвета и гибнут - либо застывают в пустых формах. Новой ступени человечество достигает лишь в новой культуре. Древнеиндийская эпоха с ее почти не замутненной перспективой духовного мира еще не умела развить любовь к земле. Только в Персии, под строгим водительством Заратуштры, человек научился смотреть на землю как на свою родину и ощущать труд на ней как содержание своей жизни.

В священных текстах персов говорится: "О Создатель плотского мира, праведный! Кто четвертым эту землю наибольшим ублагоделением ублагоделает?" - И сказал Ахура-Мазда: "Когда больше всего, о Спитама-Заратуштра, возделывает зерна, пастбищ, растений, в пищу пригодных, когда безводное - орошает, заводненное - осушает". - "О Создатель плотского мира, праведный! Что является зерном маздаяснийской Веры?" - И сказал Ахура-Мазда: "Когда усердно возделывают хлеб. Кто хлеб возделывает, тот возделывает Истину. Тот Веру маздаяснийскую вперед продвигает; тот Веру маздаяснийскую приумножает сотней поселений, тысячью укреплений, мириадам молитв. (Чтобы зерно было в достатке), пусть произносят Слово: Никто из неедящих не может, бессилён, Истине служить, бессилён на пастбище, бессилён к деторождению"*.

* Видевдат, 3. Перевод В.Ю. Крюковой.

Поэтому персидская религия до мельчайших деталей упорядочивает ежедневные дела, регламентирует полевые работы, разведение домашних животных, равно как борьбу с вредителями и их уничтожение.

Петух ранним утром поднимает людей на работу и предупреждает их о демоне сонливости, внушая им следующее: "Не проспи трех лучших вещей: хорошо обдуманной мысли, хорошо сказанного слова, хорошо сделанного дела!" Работа, порядок и чистота во всех отношениях были практическими идеалами персидской эпохи.

Но в соответствии с внутренней закономерностью чем больше человек проявляет интерес к физическому миру и чем больше растёт его дееспособность в земных условиях, тем скорее он должен утратить способность проникать взглядом в духовный мир. Вот почему и переживания персидской души после смерти оказываются более ограниченными и скудными, нежели в индийскую эпоху. Переживания в земном мире, представления, связанные с телом, отбрасывают свою тень и по ту сторону порога смерти, рисуя душе духовный мир гораздо более похожим на земной, чем он есть на самом деле. Строго различаются - как всегда в персидскую эпоху - также жребий души "праведника", с одной стороны, и "грешника", с другой.

Спросил Заратуштра Ахура-Мазду: "Ахура-Мазда, Дух Святейший, творец миров телесных, праведный! Когда умирает праведник, где в ту ночь находится душа его?" - И сказал Ахура-Мазда: "Около головы она восседает, произнося Гату Уштаваити, вызывая о блаженстве <...>. В эту ночь столько удовольствия испытывает душа, сколько все [удовольствие, испытываемое] живым миром"*.

* Здесь и далее Яшт 22. Перевод К.Г. Залемана

То же повторяется и на вторую, и на третью ночь. Таким образом, и в Персии живет представление об особой значимости первых трех дней после смерти, в течение которых совершается ретроспективный обзор прошедшей жизни. Затем душа начинает воспринимать свой новый внешний мир.

По истечении третьей ночи, на рассвете, душа праведника носится перед растениями и благовониями. Ей навстречу является ветерок, веющий с южной стороны, с южных стран, благовонное иных ветров. И воспринимая этот ветер ноздрями, душа праведника рассуждает: "Откуда этот ветер веет, самый благовонный из всех, какие я когда-либо воспринимал?" В сопровождении этого ветра является собственная его Вера, с телом девицы прекрасной, блестящей, белорукой, плотной, стройной, статной, великорослой, с выдающимися грудями и славным станом, благородной, с сияющим лицом, пятнадцатилетней по возрасту, и столь прекрасной телом, как прекраснейшие из созданий. И ей сказала, спрашивая, душа праведника: "Кто ты, о девица, которую я узрел прекраснейшею по телу из девиц?" А ему ответила его собственная Вера: "Я, о юноша благомыслящий, благотворящий, благодетельствующий, благоверный, собственная твоя Вера в настоящем ее виде. Всякий любил тебя за такое величие, доброту, красоту, благотворение, победоносную силу и противоборство, какие ты замечаешь во мне. Ты меня любил, о юноша..." и т. д.

Очевидно, что теперь для праведной души начинается "рай", который в своей форме, без сомнения, обусловлен еще связанными с земной жизнью желаниями и воспоминаниями души и, таким образом, обнаруживает "люциферовы" черты. Теперь душа может двигаться дальше только с помощью тех сил, которые она обрела благодаря нравственной жизни.

Первый шаг сделала душа праведника, и стала на Хумате [добрых мыслях]; второй шаг сделала душа праведника, и стала на Хухте [добрых словах]; третий шаг сделала душа праведника, и стала на Хварште [добрых делах]; четвертый шаг сделала душа праведника и стала на вечных светилах.

Так же наглядно представлена участь "грешника" после смерти. Его душа шатается около головы, в отчаянии повторяя: "В какую направлюсь я страну, куда пойду обратиться?" В течение этой ночи душа видит столько же печали, сколько за все время жизни... По прошествии третьей ночи душе грешника начинает казаться, что она в пустыне и различает зловония. Ее путь заканчивается в "беспредельном мраке". Ариман, бог тьмы, приказывает: "Да поднесут ему пищу из яда и вонючего яда! Вот пища для юноши зломыслящего, злоговорящего, злодействующего, зловерного, после издыхания". Души же праведных поднимаются к "золотым тронам Ахура-Мазды и бессмертных святых", вступают в духовный мир.

Шумер - Вавилон

Когда род людской создавали боги,
Смерть они приказали роду людскому,
И в своих руках жизнь сохранили*.
Фрагмент эпоса "Гильгамеш", ок. 2000 г. до Р.Х.

Следующий шаг на пути покорения земли и овладения ею люди делают в шумеро-вавилонскую эпоху. Взглянуть на душевный уклад этой культуры позволяет эпос о Гильгамеше. В нем описывается дружба Гильгамеша и Энкиду (Эабани), которая обрывается со смертью последнего.

И тут можно наблюдать нечто замечательное: это событие превращается для Гильгамеша в потрясающую загадку. Похоже, Гильгамеш был первым человеком за всю историю развития человечества, из уст которого в плаче о покойнике зазвучал трагический тон:

Эабани, мой друг, мой брат, пантера пустыни,*
Вместе бродили мы, вместе всходили на горы,
Победили Хумбабу, хранителя чаши кедровой,
И небесного быка умертвили,

Что за сон овладел теперь тобою,
 Почему омрачен ты и мне не внемлешь?
 Но Эабани очей на друга не поднял,
 Сердца коснулся его Гильгамеш, и сердце не билось.
 Тогда он упал на друга, как на невесту,
 Как рыкающий лев, он рванулся на друга,
 Как львица, детенышей которой убили, -
 Он схватил его неподвижное тело,
 Рвал одежду свою, проливал обильные слезы...

Гильгамеша охватывает страх, что и его может постигнуть та же участь:

Гильгамеш по Эабани, своем друге,
 Горько плачет и бежит в пустыню: Я умру!
 Не такой же ль и я, как Эабани?
 Грудь моя исполнена скорбью,
 И боюсь теперь смерти и бегу в пустынное поле,
 Надо мной тяготеет предсмертное слово друга.
 Как, о, как я утешусь? Как, о, как я заплачу?
 Друг возлюбленный мой грязи теперь подобен,
 И не лягу ли я, как он, чтоб вовек не подняться?

*Отрывки из "Гильгамеша" приведены в переводе Н. Гумилева.

Гильгамеш не может постичь участи друга, потому что его духовный взгляд уже не преодолевает порога смерти. Его душа уже настолько прочно вжилась в земную жизнь, что сила прозрения утратила ясность.

В надежде разрешить загадку смерти он направляется к своему праотцу: он знает, что у того еще нет потребности переживать смерть как нечто ужасное. А это означает, что он идет по пути посвящения в древние мистерии, по пути, который позволяет душе обрести духовную связь с предками. Здесь обнаруживается, что жизнь на земле, собственно физическая родословная, к этому времени уже настолько значительно повлияла на структуру души, что обусловила ее способ познания: вместо того, чтобы непосредственно проникнуть взглядом в духовный мир, она должна идти "дорогой предков". Во время своих скитаний Гильгамеш встречает у моря богиню Сидури, виночерпия богов. К ней обращается он, чтобы узнать о дороге к предкам, но она не может подать ему никакой надежды, ведь: ...Никто с древнейших времен не плыл через море; Шамаш это совершил, и никто не решится снова. Затруднен переход, тяжела дорога, Глубоки воды смерти, заградившие подступ!

Когда же наконец Гильгамеш после долгих странствий получил доступ к праотцу, тот вынужден сказать ему:

Навсегда ли мы строим дома?
 Трудимся навсегда ли?
 Навсегда ли друг с другом расстаются братья?
 Навсегда ли ненависть входит в сердце?
 Навсегда ли реки заливают равнины?
 Навсегда ли птицы увидели солнце?
 Нет с давнишних пор на земле бессмертья,
 Мертвый и спящий друг с другом схожи,
 Оба не знают лика смерти.
 Властелин и слуга равны перед нею,
 Аннунаки, великие боги, ее скрывают,
 Мамету, госпожа судеб, управляет с ними,
 Жизнь или смерть они указуют,
 Не дают указать смертного часа!

Когда Гильгамешу наконец удастся заклятиями вызвать своего друга Энкиду из подземного царства, тот боится поведать другу страшную правду:

Не скажу я, друг мой, не скажу я!
 Если бы закон земли сказал я,
 Сел бы ты тогда и заплакал! -
 Что же? Пусть я сяду и заплачу!
 Скажи мне закон земли, который ты знаешь. -
 Голова, которой ты касался и которой радовался сердцем,
 Точно старую одежду, червь ее пожирает!
 Грудь, которой ты касался и которой радовался сердцем,
 Точно старый мешок, полна она пыли! Все тело мое пыли подобно! -
 Того, кто умер смертью железа, ты видел? -
 Видел! Он лежит на постели, пьет прозрачную воду. -
 А того, кто убит в бою, ты видел? -
 Видел! Мать и отец его голову держат, над ним наклонились. -
 А того, чье тело брошено в поле, ты видел? -
 Видел! Его тень не находит в земле покоя. -
 А того, о чьем духе никто не печется, ты видел? -
 Видел! Остатки в горшках и объедки с улицы ест он.

Мы видим: для Гильгамеша смерть вообще бессмысленное событие. Это, собственно говоря, должно казаться странным, поскольку ему все же удается, проникнув в мир мертвых, увидеть душу своего друга в ее потустороннем состоянии. Но загадка смерти для него тем самым не разрешается; кажется, что смерть разлучила друзей навсегда.

Столь же неутешительна картина подземного царства, набросанная в "Хождении Иштар":

К стране, откуда нет возврата, к мрачной стране
 Обращает Иштар, дочь луны, свою мысль.
 Дочь луны обращает мысль
 К жилищу мрака, обители Иркалласа,
 К жилищу, которое никто не покидает,
 кто однажды ступил туда,
 К пути, по которому нельзя вернуться,
 К жилищу, обитатели которого не видят света,
 Где земля их жалкая пища, глина их еда,
 Где они не видят света, живут во мраке;
 Где они одеты, как птицы, в крылатое платье;
 Где зверь и засов покрыты пылью...

Подобные примеры можно приводить во множестве; названные вполне позволяют понять, сколь значительная перемена совершилась в человеческой душе по сравнению с древнеперсидской эпохой. И даже если шумеро-вавилонская культура изначально была ориентирована космически-духовно - как это, на мой взгляд, совершенно ясно показал А. Йеремиас, - то с течением времени, очевидно, наступил упадок. Люди все больше и больше утрачивали понимание духовной действительности, и "вместо звездного духа на первый план выдвигалась звезда, а вместо других духовных существ - их земные отображения"*.

* Ср.: Штайнер Р. Очерк тайноведения. Ереван, 1992.

Было бы интересно задаться вопросом, почему и каким образом вавилонская культура, несмотря на изначально высокоразвитое духовное учение*, оказалась в полном духовном упадке. Создается впечатление, что это культурное течение, берущее начало в Индии, целиком основанное на духовном зрении и направленное на реализацию увиденного, приходит в Вавилоне к временному концу, словно оказываясь в тупике. Правители, вначале мудрые, превращаются в тиранов; жрецы, вначале посвященные, коснеют в

догматизме и вырождаются в суеверии и шарлатанстве. Что послужило причиной такого падения? Вызвано ли это внешними факторами или Вавилон погиб в силу внутренней необходимости?

* A. Jeremias: Handbuch der altorientalischen Geisteswissenschaften.

Насколько мало внешние факторы, пусть даже весьма могущественные, значат для подъема или упадка культуры, показывает пример греков. Более того: когда пробил час, зовущий культуру, народна мировую авансцену, им на помощь приходят силы, которые, похоже, часто используют именно внешние препятствия, чтобы осуществить историческую необходимость.

А стрелка мировых часов в эпоху вавилонской культуры указывала вниз: человечество должно было еще глубже погрузиться в связь с земным миром. Эта внутренне необходимая тенденция проявляется в Вавилоне для начала в восхождении примитивного материализма, который вопреки всему теоретически сохраняет знание о духовном мире. И, как всегда, когда вместе действуют оба этих фактора, в Вавилоне быстро разрастается сорняк магии и колдовства, который означает решительную смерть всякой подлинно духовной жизни. Вавилонянин хочет овладеть землей - и это укладывается в смысл развития человечества, но он хочет достичь этой цели напрямую, пытаясь навязать земле свою волю магическими средствами; и он ищет в земном мире видимые образы своего духовного мира, к примеру созерцая печень, чтобы использовать его для достижения своих личных целей.

Такое внутренне противоречивое и определенно эгоцентрическое духовное поведение должно было, естественно, рано или поздно само себя изжить; оно должно было - и в Египте произошло нечто подобное - привести к гибели, поскольку, как мы видим сегодня, цель развития человечества состояла прежде всего в формировании мышления. Это могло быть достигнуто только посредством воспитания духа в земном мире. Но вавилонянин уже не видел мир в его духовном облике, поскольку подлинное ясновидение угасло; однако он еще не мог воспринимать его и в чисто земной форме, поскольку та была скрыта от него косными, установленными традицией представлениями. Он смотрел на мир сквозь пелену догмы и суеверия.

И все же вавилонянин не был неправ, думая, что нашел определенные "окончательно верные" истины! Ведь то, что нашло выражение, к примеру, в возведении "вавилонских башен" (а их было много), есть не что иное, как фундаментальная структура всех гностических систем. Конечно, первоначально эти башни мыслились не столь наивно, как их описывает Библия, - некими физическими "лестницами в небо"; но кое-что верно уже и в этом семиступенчатом построении - и, кажется, также в семиступенчатой раскраске они являли собой наглядное изображение вавилонского мировоззрения и образно представляли связь "неба и земли". Кто сосредоточенно и благоговейно поднимался по этим семи ступеням, мог испытать внутреннее переживание, которое вводило его во внутренне реальную, соответствующую времени связь с духовным миром.

Однако, несмотря на это, именно в возведении таких башен Библия по праву усматривает знак человеческого высокомерия. Связанная с этим строительством претензия на исключительное обладание истиной, фиксация мировоззрения с помощью видимого образа должны были со временем явиться тормозом для дальнейшего развития. Вавилонская теология не смогла создать мировоззрение, годное для всего человечества. Прежде всего человечество должно было научиться выражать истину на многих "языках". Поскольку Вавилон не понимал этого, он, несмотря на свою мудрость, по сей день остается для нас символом духовного поведения, которое своей высокомерной ограниченностью приговорило себя к духовной слепоте и гибели.

Ясно, что такое развитие сознания не могло не помешать пониманию духовного мира и проникновению в загадку смерти. Мы понимаем, что вавилонянин все больше и больше видел в смерти страшное и непостижимое событие, на которое предпочитал бы закрыть глаза. В связи с этим было, очевидно, утрачено и знание о возвращении души в повторных

земных жнзнях, хотя мышление вавилонянина склонно делать акцент на многократном возвращении. А. Йеремиас назвал этот способ мышления "круговым (циклическим) мышлением". "Утраченное не возвращается" - "египетская" мысль. "Утраченное возвращается", время конца (хотя также понятого относительно) должно быть и временем начала, - "шумерская" мысль.

Тем более бросается в глаза, что знание о перевоплощении для вавилонского мышления потеряно - ведь то, что первоначально оно было ему присуще, на мой взгляд, не может быть поставлено под сомнение при такой близости Индии.

По словам Йеремиаса*, "гностические системы мировой религии не знают простого одноразового исторического водворения человека как божественной духовной сущности в земной жизни. Наоборот, общим для них является представление, что для врожденного собственного "я" человека земная жизнь - лишь один из многих его земных привалов, на которые он должен возвращаться каждый раз, будь то в смысле странствия душ вообще или только в повторении человеческих существований, пока он не продолжит путь, который возник из развития высших сфер, во внеземных существованиях, уже обладая капиталом земной жизни".

* A. Jeremias: Die Erioserwartung alter Volker, Berlin 1927.

Это же явление мы наблюдаем и в других культурах. Так, например, в германской древности представление о перевоплощении по крайней мере не было чем-то необычным*, и ко времени Христа оно, похоже, сделалось популярным в Палестине. "Как часто мы слышим, как в талмудах фарисеи спорят с саддукеями о воскресении, о перевоплощении же не слышно ничего, если не считать, что то тут, то там допускается предположение, что один и тот же человек может в разные времена выступать в земной истории под разными именами и в разных обстоятельствах, - представление, которое ко времени Иисуса стало, похоже, народным суеверием..."**

* E. Bock: Wiederholte Erdenleben. Stuttgart 1975.

** F. Delitzsch: System der biblischen Psychologie.

Во всяком случае, в Евангелиях сообщается, что иудеи до пришествия Христа ждали возвращения Илии; и Христос, как известно, подтвердил, что Илия снова являлся в Иоанне Крестителе.

Таким образом, мы должны считаться с тем фактом, что определенные истины на некоторое время исчезают из сознания человечества - или по крайней мере части его - и словно совершенно забываются. А то, что знание о перевоплощении человеческой души хотя бы временно должно было забыться, вполне понятно, если вспомнить, что человеку надлежало прийти к сознанию личного "я". Ведь этого можно было достичь лишь при условии настолько глубокого погружения души в телесное начало, что терялось всякое воспоминание о жизни до рождения, в духовном мире.

В этом смысле дохристианские культуры можно рассматривать как последовательные ступени процесса инкарнации человечества, а также можно понять, что в той самой мере, в какой душа проникала в телесное начало, она утрачивала прежнее естественное знание о духовном мире. В вавилонскую культурную эпоху душа сделала энергичный шаг к проникновению в телесное начало; за это она заплатила забвением части своей прежней мудрости. Человечество приготовилось идти по мрачной "долине смерти".

Египет

Ни одна из ранних культур не знакома нам в своих внешних проявлениях так хорошо, как египетская. Нет ни одной надписи, которую мы не могли бы прочитать, ни одного папируса, содержание которого было бы нам недоступно. И тем не менее: можно ли сказать, что мы действительно понимаем египтянина?

Конечно, нет, пока мы не поняли его позиции по отношению к смерти. Потому что для египтянина смерть не просто конец жизни - вся жизнь в Египте словно пронизана мыслью о смерти. Равно как и вся история. Все начинается с мощных пирамид, возведенных в

соответствии с космическими закономерностями, чтобы фараон мог найти в них достойное пристанище. Совершенно очевидно, что для строителя наиболее важно, чтобы тело покоилось в "правильной", т. е. космически устроенной обстановке, а не чтобы само оно сохранилось. В основе возведения пирамид лежит совершенно спиритуалистический образ мысли*.

* Cp.: E. Bindel: Die agyptischen Pyramiden als Zeugen vergangener Mysterienweisheit. Stuttgart 1975.

А в конце трех с половиной тысячелетий, которые охватывает египетская эпоха, край пустыни представляет собой буквально гигантское кладбище, заполненное бесчисленными трупами. Однако трупы не истлевают, как все, что оставлено жизнью, но благодаря таинственным, даже сегодня не до конца известным нам веществам избегают тления и словно пристально рассматривают нас в музеях, точно так же, как тысячелетиями всматривались они в темноту своих склепов.

Собственно говоря, разве не ужасна мысль, что трупы около 200 миллионов человек, чья жизнь составляла содержание трех с половиной тысячелетий египетской культурной эпохи, век за веком громоздились в песке пустыни или в тесных скальных гробницах, как снятые оболочки, которые никому больше не нужны, но сохранению которых бывшие хозяева придавали величайшее значение?

Смерть словно приковывает к себе замороженный взгляд египтянина. Приготовить красивую гробницу - его первая забота, как только он становится состоятельным. Он не может представить себе большего несчастья, чем остаться к приходу смерти без гробницы, соответствующей его положению!

Так, несмотря на совершенно здоровую и полноценную земную радость, настроение "всегда быть готовым" пронизывает всю жизнь египтянина. Мудрый Ани призывает своего сына постоянно думать о смерти: Твой вестник приходит к тебе, Он готовится против тебя. Не говори: Я еще молод! Ты не знаешь своей смерти. Смерть приходит и требует дитя, Которое лежит на руках у матери, Равно как старого мужа.

И мы восхищаемся прекрасными песнями, которые пели на пирах под аккомпанемент арф, песнями, которые призывали пирующих помнить о приближающейся смерти; при этом, по свидетельству Геродота, из рук в руки передавалось изображение покойника, чтобы напоминание о смерти вдохновляло на наслаждение быстротечной жизнью. Не во все времена в Египте мумифицировали трупы. В Древнем Царстве покойника поначалу сажали на корточки, в более поздний период располагали лежа. И только фараоны приблизительно пятой династии впервые велели бальзамировать свои трупы, а их примеру последовали подданные.

На первый взгляд этот обычай может показаться выражением примитивного эгоизма, желавшего и после смерти сохранить телесное "я". Если же вчитываться в тексты, которые декламировались во время церемонии бальзамирования, то невозможно отделаться от впечатления, что в основе этого обычая лежат более глубокие взгляды на духовные реальности и смысл его первоначально был чисто духовным. Ведущим соображением было не внешнее сохранение тела - нет, должна была быть установлена духовная связь между душой покойника и его телесным началом.

Также и шумер рассматривал тело как творение космоса (духовно мыслимого), как микрокосм; но труп и могила уже не интересовали его, и он вообще не хотел иметь никакого отношения к миру мертвых. И дальше на восток - индеец видел в теле лишь темницу души, которая мешает последней беспрепятственно воспринимать духовный мир; его целью поэтому могло быть только желание как можно скорее вырваться из оков тела с помощью йоги, т. е. тренировки. Очень многое от этого настроения живо еще и сегодня в Индии, Тибете, Китае и в измененной форме в Японии.

Внимание же древнего египтянина, напротив, благодаря бальзамированию убедительно обращалось на следующее: тело есть нечто чрезвычайно важное, его значение простирается за пределы смерти, в конце концов - в вечность. После смерти душа перейдет в духовный мир, но она очень легко теряет сознание, если - как во время

сна - остается без поддержки тела. Ведь египтянин ощущал тело, познавал его ежедневно со всеми его отдельными органами как пронизанное духовностью начало, а душе, если она погружалась в него, легко было придать самой себе форму и смысл. Разве душа не потерялась бы в бессознательном состоянии, если бы тело в своем разумном строении не обеспечило ей порядок и членение душевной жизни?

Так для египтянина возникла проблема: как обеспечить душе телесную опору после смерти, чтобы она могла двигаться, слышать, чувствовать, думать - одним словом, оставаться "человеком" в потустороннем мире? Эту проблему египтянин попытался решить с помощью консервации тела.

Впервые в истории человечества здесь проявилась воля к сохранению от смерти личного сознания в том виде, в каком оно развилось в земной жизни. Ассириец покорился этой участи; индеец именно в личном сознании видел корень всякого зла, а потому хотел растворить "я", чтобы раствориться в Брахмане, мировой душе. Египтянин же хочет сопротивляться смерти; таким способом он надеется избежать прекращения жизни души. Исходя из сегодняшнего сознания, эту попытку можно счесть безумной, но придется согласиться, что в этой идее есть нечто грандиозное: с помощью человеческого интеллекта как-то перехитрить смерть. И какая огромная воля к сохранению духовного существования обнаруживается в этом! Впервые в истории человечества в человеческой душе рождается стремление к индивидуальному бессмертию.

Однако, чтобы не счесть это бессмысленным, мы должны поближе познакомиться с представлением египтянина о сущности тела. Ему было ясно, что тело не могло возникнуть в результате внешних, чисто земных процессов; но также и душа в своей слабости и несовершенстве сама никогда бы не смогла создать такое искусное творение, как тело, и сделать его столь совершенным орудием духа. Сами боги создали модель тела, духовный организм, наделенный силой, наполненный жизнью, - саму жизнь в совершенной форме: египтяне называли его "Ка" человека. Это Ка всякий человек получает при рождении, поскольку так велит Ра, бог солнца.

Тем самым ясно выражено, что земное тело как таковое не несет в себе жизнь - она непосредственно связана с силами солнца. И человек живет, по египетским представлениям, пока он "господин Ка", пока он "ходит со своим Ка". Поэтому то, что предстает в земном мире как человеческое тело, - не собственно действительное тело, но Ка, которое невидимо действует в теле, регулируя питание, рост, здоровье. Однако мы истолковали бы категорию Ка слишком узко, если бы захотели отождествить ее с "жизненной силой" виталистов; ее сущность намного шире. И хотя египтяне не оставили нам никакого определения, существенное явствует из контекста, в котором употребляется это понятие.

В этом отношении мы не должны ждать от египтянина точных в современном понимании представлений, так как его мышление едва только начало выходить из раннего состояния древнего ясновидческого образного сознания. Развитие египетского письма из письма образов и понятий в письмо в современном смысле, т. е. фонетическое письмо, позволяет еще яснее понять путь, проделанный сознанием.

Итак, мы должны научиться толковать наглядные изображения Ка. Ка изображается как "двойник" человека, всегда в соответствии с размерами и внешним видом тела: у ребенка маленькое Ка, у взрослого - большое. Если расшифровать египетский образный язык, это означает: две эти части человеческого существа так переплелись между собой, что налагаются друг на друга и внешне кажутся одним. Посредством этого выражается также отношение к росту.

Рост, питание и размножение для египтянина - не внутрителесные проблемы, но макрокосмические: нечто от мира превращается в субстанцию человеческого тела. Как это возможно? Благодаря тому, что духовное существо солнца, первоисточника жизни, создает себе земной образ: Ка бога солнца Ра рождает из себя людские Ка. Но мы не вправе считать, что египтянин выдумал это, а затем воплотил в образе. Более того, все

указывает на то, что происходило как раз наоборот: то, что египтянин обозначает как Ка, основывается первоначально на ясновидческом восприятии и лишь позже становится понятием. И если бы мы захотели это слово, которое, собственно, дает ключ к зданию египетского мировоззрения, перевести с языка египетского мышления, мы должны были бы сказать "световое тело" или "световая форма" - как мы и будем делать в дальнейшем. Потому что в красках и движениях солнечной ауры египтянин видел вначале первооснову всей жизни на земле, как телесной, так и духовно-душевной. Образное сознание воспринимает их как различные "формы".

Один древний миф повествует как раз о том, что бог солнца Ра имеет не одно, а четырнадцать Ка, чьи имена дошли до нас в иероглифической традиции, но значения их расшифрованы еще далеко не безусловно*. Тем не менее представим себе важнейшие среди них: "Пища, Вкус, Процветание, Свежая сила, Крепость, Могущество, Зрение, Слух, Познание, Блеск света, Великолепие". Таким образом, с одной стороны, мы видим соотнесенность с процессом питания, с другой стороны - с процессом сознания. В этих двух сторонах для египтянина раскрывается существо света: в солнце - причиннодейственное, в человеке - подражающе-рефлектирующее. Этот происшедший из божественного солнечного духа световой организм, Ка, выступает посредником во всех отношениях между человеком и миром, как духовно-душевных, так и физически-телесных. Таким образом, люди живут потому, что духовное существо солнца создало себе земной образ, световое тело, носителя жизни. Не человек питает себя, но солнце питает его.

* F.W. von Bissing: Versuch einer neuen Erklärung des Ka'i der alten Agypter. Sitzungsber. d. Kgl. Bayr. Akademie d. Wissensch., Munchen 1911.

Поэтому египтянин почитает солнечные силы в тайне питания, а также в молитве, обращенной к Ра: "Поклоняюсь тебе, мой бог, который создал меня, который назначил мне благо; мой хранитель, который дает мне пищу, который своим Ка поддерживает меня".

С другой стороны, Ка является также носителем духовно-душевной сущности человека и тем самым его "имени". В искусстве это представлено так: от головы Ка поднимаются вверх две руки, согнутые в локтях под прямым углом. Эти вытянутые вверх руки, собственно, и есть обозначение для Ка: его тесная связь с душой и религиозным почитанием находит здесь прямое выражение. И, может быть, первоначально этот иероглиф значил: "то, чему поклоняются", ибо это как раз и есть Ка, световая форма бога. Такое понятие, как Ка, трудно дается современному мышлению, поскольку мы слишком привыкли мыслить организм бездуховным, а дух неорганизованным. Египтянин же не знает "всеобщего духа", он знает только конкретные духовные существа с индивидуальными формами. Поэтому он говорит и о "Ка богов". Осирис, к примеру, - Ка бога солнца Ра (Ра более древнее божество, чем Осирис). Это значит: Осирис раскрывает в своем облике сущность бога солнца. "Осирис, первый из западных, ты - глаз, который любит Ра-Атум, ты его световой облик..."

Этим словом я заменил "откармливание".

И разумеется, верующий поклоняется именно этому Ка бога, его сверхчувственному явлению, а не его земной форме. Так значится это в гимнах Атону, в которых описывается пробуждение жизни на восходе солнца и восхваляется удивительное действие, которое солнечный свет оказывает на людей:

Тела освежив омовеньем, одежды надев
И воздев молитвенно руки,
Люди восход славословят*.

* Перевод В. Потаповой.

Однако все то, что между землей и солнцем под влиянием небесных сил поднимается и опускается, для чего существа Ка в какой-то мере являются "золотыми ведрами", охватывает и растительную, и животную природу: "Вся земля принимается за свою работу. Весь скот радуется траве, деревья и травы зеленеют. Домашняя птица и дичь вылетает из гнезд, даже их крылья взывают к твоей световой форме".

Из понятия Ка вырастает также понимание сущности египетской царской власти. Фараон для египтянина - тот самый единственный человек, чье Ка прямо связано с божественно-духовным миром, поскольку все его существо пронизано справедливостью: "Величавый, прекрасный, сияешь высоко. Лучами обняв рубежи сотворенных тобою земель..." Царь почитается не как личность, а как носитель совершенной световой формы: "Ты - дневное светило, Атон всемогущий; Ты - жизни источник для множества стран и народов..." Даже вражеские народы покоряются фараону, потому что бог внушил им, что "На небосклоне восточном блистая,/ Несчетные земли озаряешь красотой./ Над всеми краями...".

Ка царя также носит его имя Хора, которое он получает лишь в момент вступления на престол и которое присоединяется к его личному и тронному имени. А это для правителя самое важное имя, поскольку в нем выражено его духовное достоинство, его отношение к божественному миру.

Сегодня нам кажется дерзким, что фараон называет себя "Хором", т. е. сыном Осириса. Но мы должны помнить, что это делалось не сразу, а оказывалось возможно лишь после тщательной и сопряженной со многими лишениями подготовки. Фараон был - по крайней мере в "хорошие" времена египетской культурной эпохи - посвящен в мистерии, он управлял царством, сообразуясь с духовными необходимостями; он не только официально, но и в действительности был "верховным жрецом". А быть носителем имени Хора предполагало, конечно, в первую очередь не удовлетворение человеческого тщеславия, но нечто гораздо большее: обязательство, ответственность перед духовным миром, готовность к жертве. Поэтому следует представлять себе отношение египтянина к своему царю как в высшей степени внутреннее, основывающееся на душевной связи. Царь и народ были как бы проникнуты единой духовной сущностью, ведь именно так каждый в отдельности ощущал свою связь с лучезарностью царя.

Духовную же сущность, в которой, как он чувствовал, словно покоится световое тело, он переживал в образах сновидений как Исиду: как добрая душа-мать обнимала она царя и народ. В образе Исиды египтянин реально переживал воздействие материнских сил народной души на его световое тело.

Это необходимо представлять себе, если хочешь понять нежную любовь египтянина к родине, чему мы находим в литературе прекрасные и трогательные свидетельства. Нет для египтянина большего несчастья, чем умереть на чужбине, и ни одно сокровенное желание не воодушевляет его больше, чем быть по крайней мере погребенным в родной земле. Только так, представлялось ему, найдет он и в ином мире "правильный путь". Потому что со смертью значение царя для души не утрачивалось, так как оно основывалось на сверхчувственных связях. Если он еще при жизни был единственным человеком, у которого был действительный доступ к богам, чью помощь он мог передавать как посредник, - в насколько большей мере следовало поручить себя его посредничеству по ту сторону, когда особое значение придавалось добросовестному посмертному жертвоприношению. И насколько конкретно эта связь воспринималась изначально и после смерти, показывает именование тех жертв, которые приносили родственники покойного; вплоть до позднейших времен они назывались: "жертвенный дар, который дает царь".

Через свою световую форму египтянин ощущал себя гражданином космоса и частью своего народа; каждую ночь он чувствовал себя под защитой крыл Исиды. Днем же, когда переживания души обусловлены и ограничены земным телесным началом, когда дыхание* снова превращается в инструмент индивидуального чувства и восприятия, он ощущал себя отдельной личностью. Тифон-Сет - поскольку этот образ мифологически отражал дыхание - умерщвлял зрение божественного мира и его светового духа, Осириса. Вот почему высочайший идеал египтянина - сделать личную жизнь души настолько чистой и прекрасной, чтобы она стала подобием царящих в световом теле сил Исиды, чтобы он когда-нибудь мог сказать: "Я делаю то, чего хочет мое Ка".

* Ср. раздел "Полярность жизни и сознания", с. 84.

Тогда душа могла надеяться, что и сила Осириса милостиво соединится с ней, как некогда она из духовного мира низошла на Исиду, чтобы породить дитя Хора. Если когда-нибудь из души благодаря взаимодействию сил Исиды и Осириса родится новый человек, цель жизни - самому стать Хором! - будет достигнута.

Хор, росток становящегося "я", ощущался как действие сил Осириса на царящие в световом теле народные силы Исиды.

Тем не менее только после своей смерти, благодаря лучу из потустороннего мира, Осирис произвел Хора. В этой черте мифа выразился основной характер египетской душевной организации: душе представляется невозможным достичь духовной цели жизни в этом мире; самое существенное для египетской души находится по ту сторону врат смерти. И характерно, что в течение тысячелетий все многочисленные и могучие образы мира египетских богов почти полностью были поглощены центральными образами Осириса и Исиды с их более узким окружением, так что до нас практически не дошло следов мифов о таких гораздо более древних фигурах, как мемфисский Птах или фиванский Амон. Здесь нашел отражение акцент на потустороннем начале в египетском мировоззрении, а он со временем только усиливался. Ведь, как мы уже видели: для египтянина само собой разумеется, что смерть не только конец, но одновременно и начало нового существования. Человек лишь иным образом участвует в мировом процессе, но ничуть не менее интенсивно.

Ведь Ка и душа сохранялись, и душа могла пользоваться световым телом так же, как пользовалась здесь, на земле, двойной сущностью: земным телом и световым телом. Теперь, чтобы понять египетские обычаи, связанные со смертью, исключительно важно принять во внимание, что все молитвы и жертвы были предназначены "для Ка" умершего. Если состоятельный человек может позволить себе отвести по завещанию надел земли, повелев, чтобы для него "вовсеки" совершались посмертные молитвы и жертвоприношения, то все эти усилия обращены к Ка, а ведающий этой процедурой жрец называется "служителем Ка".

Без сомнения, первоначально в основе этих обычаев лежало спиритуалистическое мировосприятие, которое, однако, с течением времени становилось все более и более материалистическим. И если в конце концов с мумией стали хоронить всю ее хозяйственную утварь с продовольствием и миниатюрными копиями слуг - один богач взял с собой 365 таких слуг, по одному на каждый день года, - если на могильных камнях все чаще высказывается просьба к посетителю гробницы произнести молитвенную формулу: "Тысячу хлебов, (кувшинов) пива, коров и гусей для N.N.", чтобы благодаря волшебной силе молитвы все это досталось покойному, то, естественно, это не что иное, как грубый материализм, которому с течением времени совершенно аналогичным образом покорились все представления о жизни после смерти.

Ведь фантазия обывателей предпочитала во все времена и предпочитает до сих пор представлять себе духовный мир как можно более похожим на земной. Итак, можно было бы набросать и картину примитивной веры египтян в загробную жизнь, в которой почти ничего не осталось от подлинно спиритуалистического мировосприятия. Потому что там так же, как здесь, земледелец пашет "поле Иару", на котором растет ячмень и спелта высотой в семь локтей, он жнет и устает, а вечером сидит со своими товарищами под сикомором и играет в шашки. Можно до мельчайших подробностей описывать эту возвращенную примитивным суеверием картину материализованного египетского мировоззрения.

Конечно, обратное действие таких материализованных воззрений на настроение души по отношению к смерти не заставило себя ждать, и не приходится удивляться, что до нас дошли "застольные песни", которые призывают людей перед лицом неуверенности в загробной жизни беззаботно наслаждаться земным существованием.

Никто не приходит оттуда,*

Чтобы рассказать, как им живется,
 Чтобы рассказать, что им нужно,
 Чтобы успокоить наше сердце,
 Пока вы сами не придете туда, куда они ушли...
 Будь же еще веселей,
 Не давай устать своему сердцу,
 Следуй за своим сердцем, преследуй свой удовольствие
 Исполняй свое дело на земле
 И не терзай свое сердце,
 Пока не придет к тебе тот день скорбного вопля.
 Ведь Осирис не слышит твоего плача,
 И жалобы никого не спасают от могилы.
 Поэтому праздной радостный день
 И не уставай -
 Ведь никому не позволено
 Брать с собой свое добро,
 И никто из тех, кто ушел, не вернулся!^{*}

* Сокращенно по: Erman-Ranke "Agypten".

Эрман по этому поводу справедливо замечает: "Вера в радости в царстве Осириса, должно быть, давно уже была поколеблена, если о смерти дозволялось говорить в таком тоне"^{*}.

* Подрыв веры в Осириса связан с трагическими переживаниями, которые выпали на долю посвященных в поздний период египетской эпохи. Они уже не могли достичь прежнего чистого восприятия Осириса. Правда, они переживали духовный мир, но Осирис ускользал от их взора, а Исида отвечала молчанием на их вопросы. "Кто принял посвящение и вновь вернулся в физический мир, у тех было серьезное, но разочарованное мировоззрение. Они знали ее, священную Изиду, но они чувствовали себя сыновьями вдовы". (R. Steiner: Die Mysterien des Morgenlandes und des Christentums, GA 144, Dornach 1960. В этих лекциях он обстоятельно проследил глубокие связи этих процессов с развитием человечества и мистерией Христа. Также ср.: E. Bock. Das alte Testament und die Geistesgeschichte der Menschheit. Stuttgart 1934.)

До усталости от жизни, до пресыщения жизнью доходит душа, безнадежно взирающая на страдания этого мира, в "Беседе разочарованного со своей душой", о котором сообщает Эрман: "Он тоскует о смерти и все же боится ее; потому что у него, оставленного всеми друзьями и родственниками, нет никого, кто бы исполнил для него посмертные обряды. Но его собственная душа, к которой он обращается за этой дружеской услугой, пытается подвести его к иным мыслям, рисуя угрюмую смерть: Когда ты думаешь о похоронах, это что-то печальное, Это что-то, что вызывает слезы и наводит на человека тоску...

Потом ты уже не встанешь, чтобы увидеть солнце!..

Но уставший от жизни не дает переубедить себя, он говорит: "Нет больше никакого закона и никакого порядка в мире"; "Всякий грабит добро своего ближнего, кротость погибает, сила торжествует повсюду; нет справедливых, земля - образец злодеяний". Итак, у него остается лишь надежда на смерть:

Смерть стоит сегодня передо мной,
 Как если больной выздоравливает,
 Как исход после падения.
 Смерть стоит сегодня передо мной,
 Как благоуханье мирры,
 Как если сидишь под парусом в ветреный день.
 Смерть стоит сегодня передо мной,
 Как благоуханье цветов лотоса,
 Как если сидишь и пируешь на берегу.
 Смерть стоит сегодня передо мной,
 Как путь под дождем,
 Как возвращение домой на военном корабле.
 Смерть стоит сегодня передо мной
 Как желание человека снова увидеть свой дом,
 Человека, который много лет прожил в тюрьме.

"Наконец душа исполняет желание уставшего от жизни человека, и вместе они теперь обретут одно пристанище" (Эрман).

Эта душа еще привязана к традиции погребальных обрядов, и страх, что они не будут исполнены, - это единственное, из-за чего последний шаг представляется ей сомнительным; но вера, позволявшая египтянину уверенно смотреть на загробную жизнь, вера в то, что Осирис выведет его из могилы и покажет свет солнца, больше не живет в ней. Лишенная надежд, она впадает в отчаяние.

Однако эта песня, похоже, единственное в египетской эпохе свидетельство столь мрачного настроения, и мы не можем делать из нее выводов об общем настроении в древности - как не можем и позволить "материалистическому закрашиванию" ввести нас в заблуждение относительно существенного в египетском мировоззрении. Мы должны сделать то, что часто со столь неожиданным успехом проделывали со многими памятниками минувших эпох: мы осторожно постукиваем по извести и побелке, они отслаиваются, и под ними показывается подлинная картина, свидетельство художественно и спиритуалистически высокоразвитой эпохи!

Так же, мне кажется, должна быть "реставрирована" и картина египетского мировоззрения. Рудольф Штайнер во многих лекциях, особенно о "Египетских мифах и мистериях", дал нам для этого инструменты познания. Правда, в настоящей работе их можно применить лишь в самом общем виде; подробное изложение неизбежно вышло бы за рамки нашего исследования.

Одной из существеннейших точек зрения Р. Штайнера я считаю, однако, ту, что все развитие египетской культурной эпохи - особенно первой ее половины - совершалось под руководством посвященных в мистерии жрецов; это они создавали мифы, чтобы через образы передать народу познания, для восприятия которых он еще не созрел. Дошедшие до нас титулы жрецов указывают на их способность к интуитивному космическому прозрению - жрец Гелиополя, например, назван "великим в прозрении", тем, "кто прозревает тайну неба"*.

* Ср.: Erman-Ranke: Agypten. - Но и в шумерских текстах жрецу и, соответственно, царю-жрецу приписывается "широкий ум" и "открытое ухо", а на картинах их изображают с чрезмерно большими ушами, на мой взгляд, А. Йермеис с полным правом толкует это как "посвящение".

Или еще пример: царь, обеспокоенный голодом, просит совета и помощи у своего бога, а затем говорит: Когда я спал, сердце мое пребывало в жизни и счастье, я видел бога, стоящего напротив меня. Я радовал его, поклоняясь ему и почитая его. Он открылся мне и сказал: Я - Хнум, который создал тебя. Мои руки за тобой, чтобы лечить твое тело и делать здоровыми твои члены*.

* Ср. место о голоде в кн.: Boeder. Urkunden zur Religion der alten Agypter.

Взору посвященных была открыта связь сменяющих друг друга культур. Они управляли событиями, понимая необходимости, выходящие далеко за рамки их собственной эпохи. Рассмотрим с этой точки зрения миф об Осирисе. Осирис умер, - но лишь в результате смерти раскрылась его собственная сущность: он царь в царстве душ, в "царстве западных". Перед ним должна предстать душа, оставившая земной мир. Когда она выдержала встречу с псом преисподней, когда в испытании перед сорока двумя судьями над мертвыми все нечистое было истреблено в ней, сердце умершего кладут в присутствии Осириса на мировые весы, и становится ясно, каким духовным весом обладает душа в мировой взаимосвязи*. Это образы, отсылающие человека к его внутреннему миру. Ведь каждый человек еще в земной жизни может ощутить в себе легкий толчок этих весов: это голос совести. И ранние эпохи еще знали, что этот сокровеннейший процесс в душе использует определенный орган тела: сердце. Ведь в то время, как мозг есть орган воображения и мышления, в сердце осуществляется синтез всей душевной жизни: мысль, чувство, воление сходятся здесь вместе. И в сердце человек чувствует, чего стоят его мысли: могут ли они стать целями для воления или нет; потому что здесь решение выносит совесть, а не рассудок. Это знание о духовном значении сердца прослеживается во всех египетских текстах.

* Неожиданные созвучия обнаруживаются здесь с древноревской песней об Олафе Астесоне.

Осирис для египтянина, таким образом, - макрокосмический образец силы совести. С помощью этого образа египетской душе внушается: то, что является в душе как совесть, то, чем часто хочется пренебречь как чем-то чисто субъективным, обладает мировым значением, которое обнаружится только после смерти.

Итак, образ Осириса, судьи души, дан египтянину, идущему по пути к индивидуализации, как направляющая сила в его странствиях. Во всех метаниях, к которым этот путь неизбежно приведет душу, образ Осириса должен сопровождать его, словно компас души.

Египтянин чувствовал: то, что в нем живет как совесть, - это луч Осириса. И, таким образом, каждый стремится уподобиться Осирису. В течение жизни, правда, он должен чувствовать себя "гробницей Осириса", потому что для души, обращенной к земному, высшее сознание мертво. Когда же Исида окружает заботой расчлененный труп Осириса, рождается высшая природа, Хор, который может достичь бытия Осириса. "Макрокосмический мировой процесс Осириса должен микрокосмически повторить в себе человек, стремящийся к высшему бытию. В этом смысл египетского "посвящения", инициации". Ведь тот, кто посвятил свою жизнь храму, мог пройти через это "посвящение", в результате которого низшая природа быстро и интенсивно умерщвлялась и хоронилась, давая возможность подняться высшей природе. И тот, кто достигал цели, мог признаться*: Меня влекла бесконечная перспектива, в конце которой лежит совершенство божественного. Я почувствовал, что сила этого божественного заключена во мне. Я предал могиле то, что задерживало во мне эту силу. Я умер для земного. Я был мертв. Как низший человек умер я. Я был в преисподней и вступал в общение с мертвыми, т. е. с теми, что включены уже в кольцо вечного мирового порядка. После пребывания в преисподней я воскрес из мертвых. Я победил смерть, и вот теперь я стал иным. Я не имею больше дела с преходящей природой. Она проникнута во мне Логосом. Отныне я принадлежу к тем, что живут вечно и воссядут одесную Осириса. Я сам буду истинным Осирисом, единенный с вечным миропорядком, и суд над жизнью и смертью будет в руке моей.

* Ср.: Штайнер Рудольф Христианство как мистический факт. Ереван, 1991.

Отсюда видно: то, что миф описывает как макрокосмическое событие, в результате посвящения становится личным, сокровенным переживанием. И миф в конечном счете не что иное, как сознательно организованная образная структура, которая в каждую воспринимающую ее душу внедряет зародыш превращения в Осириса.

Но какое отношение к этой тенденции мистериального процесса, которая направлена исключительно на развитие внутреннего мира человека, имеет бальзамирование? Если рассматривать бальзамирование как чисто внешнее мероприятие, то оно, похоже, окажется в противоречии с вышеизложенным. Однако это противоречие исчезает, если принять во внимание указание Штайнера: перед египетской культурной эпохой в большей степени, чем перед предыдущими, стояла задача прочнее связать человеческую душу с земным миром, пробудить в ней еще более глубокий и прежде всего личный интерес к земной жизни; и эту задачу поняли египетские посвященные и сознательно взяли за ее выполнение.

Подумать только: если бы свое действие оказывал лишь миф об Осирисе, отчуждение души от земного мира было бы, несомненно, слишком велико. Сюда же относилось, как мы видели, и древнее знание о духовной сфере. Было известно о существовании световой формы. Если ясновидческое зрение древнейшего периода непосредственно наблюдало ее, то позднейшие поколения знали о ней из древней традиции, которая внушала им доверие. Но все это скорее способствовало ослаблению интереса к земному миру, заставляло воспринимать физическое тело в его бренности как нечто малозначительное.

К этому следует прибавить, что египтянин чувствовал свою связь с телом еще далеко не в той мере, в какой мы ощущаем ее в нашей "компактной грубости". Ведь еще Гильгамеш, представитель параллельно развивающейся шумеровавилонской культуры,

описывается как смешанное существо: на две трети бог и лишь на одну треть человек! И хотя египетская культура не оставила нам подобного "индекса воплощения", тем не менее на основании египетской скульптуры и живописи мы можем утверждать, что тело египтян всегда было стройным, а у женщин, без сомнения, нежным и тонким. Даже тело греков представляется нам более массивным и приземистым, чем тело египтян. Ввиду этого бальзамирование воспринимается как мероприятие, которое призвано компенсировать слишком выделяющееся потустороннее начало, а с другой стороны, как культурно-воспитательная мера во благо будущего.

Посвященные рассчитывали на перевоплощение души в более поздние периоды, может быть, в совершенно иных внешних и телесных условиях. С помощью бальзамирования они хотели пробудить в душе более живой интерес к телесному началу, чем у нее был до сих пор. Только так можно понять смысл бальзамирования.

С другой стороны, предпосылкой для такого понимания является приписываемая египетскому мудрецу способность видеть тело насквозь, наделяя его более глубоким смыслом, так что каждый отдельный орган он представлял себе частью большого целого и понимал тело, микрокосм, как отражение макрокосма. Примечательно, что в систематическом отношении таких указаний дошло до нас даже больше из шумерской культуры, чем из египетской. Однако то, что было известно в Вавилоне, знали, естественно, и в Египте. Кроме того, имея дело со всеми древними культурами, следует помнить, что разумеющееся само собой чаще всего не записывалось.

Если мы хотим понять смысл бальзамирования, мы должны попытаться войти в мир представлений египтянина. Для него все тело - конечности, органы чувств, внутренние органы - есть порождение осмысленного духовного целого. Но только в дифференциации тела он видит основу земного личного сознания. Сознание же надо было сохранить у мертвого как можно дольше. Поэтому дифференциация доводилась до его сознания посредством ритуала бальзамирования; ведь египтянин убежден, что слово жреца достигает души умершего.

За счет консервации тела должен был достигаться тот эффект, при котором структура его еще некоторое время сохранялась как образ для светового тела, так что душа дольше, чем при разложении тела, могла сохранять личное сознание в неизменном виде. Мумия превращалась в своего рода иероглиф, с помощью которого можно было вспоминать о прошедшей жизни. Личное сознание, жизненный опыт должны были быть взяты в путь к Осирису. Тем самым бальзамирование было попыткой сделать жизнь после смерти осознаннее или, другими словами, придать ей форму "посвящения". То, что обычно было по силам только тем, кто прошел суровую и многолетнюю школу мистерий, на этом пути должно было стать доступно всем людям.

Ритуал бальзамирования

Рассмотрим теперь подробно процедуру бальзамирования*. Бальзамирование следует представлять себе как торжественную церемонию, которая во времена, когда такие вещи воспринимались еще всерьез, осуществлялась под строгим надзором жрецов. Церемониал строго регламентировал и положение тела на каждом этапе процедуры, и месторасположение жреца, и произнесение необходимых при этом слов; также бальзамирование совершалось попеременно несколькими жрецами, которые должны были взаимодействовать по определенным правилам.

Дошедший до нас текст сообщает в первую очередь об умощении головы. Как раз этот текст, очевидно, неполон. Только в одном месте среди неясного смысла словно бы появляется просвет, там, где говорится: "Твоя душа опускается в божественной стране на твое тело". Тут становится ясно, что ритуал должен служить установлению какой-то связи между душой умершего и его телом. С другой же стороны, покойнику снова и снова напоминают о его духовной цели, обращаясь к нему как к "Осирису" (затем следует его имя).

* К сожалению, в дошедших до нас текстах отсутствует как начало, так и конец ритуала, что, естественно, очень мешает пониманию обряда в целом. Для общего понимания препятствием служит также то, что названия различных масел, жиров, смол и смесей еще точно не

идентифицированы; поэтому в нижеследующих цитатах я буду опускать их перечни (кроме того, по соображениям объема текст пришлось существенно сократить) Следует, однако, постоянно помнить, что каждое вещество использовалось под космическим углом зрения Одна смола, к примеру, называется "выделение Ра", серебро происходило из костей бога солнца, золото - из его плоти, лазурит - из его волос: каждое вещество некогда было солнечной субстанцией, в то время, когда еще правил Ра-Осирис. Вскрытие трупа, извлечение внутренних органов и обработка тела консервирующими средствами осуществлялись специально обученными служителями, которые жили рядом с кладбищем. Это были, по всей видимости, весьма примитивные парни, которые, оставаясь без надзора (судя по мумиям), охотно выполняли пожелания близких родственников покойного или проказничали на свой страх и риск, - к примеру, набивали животик тощому старику и т.п.

Если бы мы в этой связи захотели перевести обращение "Осирис" на привычный нам язык, то, вероятно, должны были бы сказать "духовный человек".

После умащения головы то же совершается и со всем телом, "с головы и плеч его до подошв его". К покойнику при этом обращаются со словами: О Осирис [следует имя], прими праздничное умащение, которое сделает твои члены прекрасными... чтобы ты соединился с великим богом солнца; он соединяется с тобой и укрепляет твои члены; и ты соединяешься с Осирисом в великом зале.

Далее труп перекалывают на живот, чтобы обработать позвоночник. При этом говорится: О Осирис N.N., возьми это масло, возьми эту мазь, возьми эту жидкость жизни... К тебе приходит бальзам, что происходит из Финикии, к тебе приходит смола, что происходит из Библоса. Они украшают твоё погребение на кладбище; они дают тебе ноги в тайных областях (в мире душ); они ускоряют твою поступь в зале поступи; они освящают твои шаги в зале поступи. К тебе приходит золото и серебро, лазурит и малахит... К тебе приходит одеяние из храма Собка. Оно ведет тебя в первичных водах* и украшает своей красотой твои члены, так, чтобы ты был как Ра, когда он поднимается и опускается, и не прекращался вовеки.

* В тексте. "Нун" мыслится одновременно как стихия и божественная субстанция, нечто вроде: "пронизанные духом первичные воды".

Теперь мумию осторожно кладут на спину, лицом к небу, "как было до того", и золотят ногти. При этом произносится следующее: О Осирис... ты получишь твой ноготь в золоте, твои пальцы в благородном металле, ногти на ногах в янтаре. Выделение Ра подступает к тебе, воистину божественные члены Осириса. Ты идешь на своих ногах в дом вечности и поднимаешь свои руки к месту бесконечности...

После этого мумию пеленают, причем пелены соотносятся с различными божествами соответственно частям тела. Для этого они исписаны изречениями, которые жрец должен проверить, прежде чем они будут использованы. Каждая часть тела - лоб, голова, рот, ухо - получает пелены строго определенного количества и разновидности. При этом жрец говорит, сидя под головой мумии: О ты, могущественная почтенная богиня, повелительница Запада, владычица Востока, приди и войди в уши Осириса N.N. О ты, могущественная, божественная, великая повелительница Запада, владычица Востока, приди и вдохни дыхание в голову Осириса N.N. в мире душ. Сделай так, чтобы он видел своим глазом, слышал своим ухом, дышал своим носом, говорил своим ртом, судил своим языком в мире душ.

Это и другие места ясно показывают, что вовсе не на труп должны подействовать заговоры, но на находящееся в духе

ном мире подлинное существо человека, его световую форму и его душу. Теперь в соответствии с ритуалом жрец вновь обращается к голове и говорит под головой мумии: О Осирис N.N.! Прими свою голову в Западном царстве, чтобы выступать среди просветленных и великолепных. Твоя могила Запада прекрасно устроена, и твоё убранство на кладбище великолепно выполнено. Твое имя уважаемо у набальзамированных, и у тебя есть имя у просветленных и почтенных. Твоя голова приходит к тебе, чтобы не быть вдалеке от тебя; она идет к тебе и не разлучится с тобой вовеки.

Похоже, что здесь ритуал слишком сильно перекликается со сферой обыденного земного сознания. Но для этого есть основание, ведь именно для личного сознания голова необходима как орган, посредством которого мы можем осознать себя как "я" и дать себе "имя". Для египтянина же имя" было, так сказать, полностью тождественно личности*. Мы понимаем, что с помощью настойчивого обращения к имени и к голове умершего

должна была укрепиться память о прошедшей жизни, чтобы приобретенное в течение жизни личное сознание могло лучше сохраниться.

* Поэтому святейшим долгом ближайших родственников было "сохранить имя умершего живым" посредством регулярного повторения молитв о покойном.

Теперь в соответствии с совершенно точными предписаниями в тридцати шести разделах - по числу богов, с которыми душа поднимается на небо, и соответственно таким же числом областей, в которых являются формы Осириса, - готовится сначала левая, затем правая рука. При этом умерший с помощью рисунков отсылается в первую очередь к богу Нила и к Исиде: О Осирис N.N., Нил, великий среди богов, приходит к тебе, чтобы наполнить твою жертву прохладной водой. Он дает тебе воду, которая приходит от Элефантины; Нил, который приходит из двух источников; первичные воды, которые приходят с двух гор; первичные воды, которые приходят из пещеры; водоворот, который приходит из прохладного потока. Ты пьешь из них и насыщаешься из них. Твое тело насыщается свежей водой, твой гроб наполняется потоком, твое горло затоплено - ты Нун, живущий в первичных водах, старейший, отец богов...

Очевидно, что здесь собраны все привычные для египтянина образы, чтобы вызвать как можно более конкретное представление о воде. С помощью запечатленных памятью образов умерший должен сформировать имажинацию о воде, поскольку вода - образ эфирного мира, куда ему предстоит теперь вступить. Это представление должно помочь ему сориентироваться в новом окружении, так как "вода" для него теперь такая же основа бытия, как перед смертью был земной мир'. Таким же образом, как левая рука, консервируется теперь правая. На пелены зеленой краской наносятся изображения Исиды и Нефтиды, а также фигуры Ра и Нуна. На одной пелене черной краской пишется: "Ты берешь солнечный свет и хватаешь луну", затем пелена сворачивается двенадцать раз и вкладывается в правую руку покойника, "чтобы он схватил солнце и луну, а также их сестер, Исиду и Нефтиду, и удержал их в правой руке, как если бы он был еще на земле". При этом ему говорится: Эфирное начало может "воплотиться" в земном мире лишь посредством воды; жизненные процессы протекают только в присутствии воды. Важно также и то, что именно левая рука связывается с водой, поскольку левая сторона тела отличается определенным перевесом эфирного начала над физическим, в то время как правая сторона обнаруживает перевес физического над эфирным.

Ты берешь своей правой рукой Ра как прекрасный солнечный свет днем, и ты хватаешь луну ночью. Ты показываешься днем как прекрасный солнечный свет Ра, который всходит над всякой страной. Ночью ты всходишь как прекрасная луна, чтобы после солнечных лучей принести покой. Ты блистаешь на небе как особая звезда, ты Орион на теле Нут*. Твои лучи падают на землю, как лучи луны... Исиды как Сириус с тобой на небе и не уйдет от тебя вовеки.

* Нут - богиня небосвода.

В последнюю очередь бальзамируются ноги. На пелены для правой ноги наносится изображение Анубиса, для левой - изображение Хора. Затем жрец обращается к покойнику со словами:

О Осирис N.N., священное масло приходит к тебе, чтобы легким сделать твой путь... чтобы уши твои слышали по всей стране.

Твой путь велик на земле, твой шаг могуч на земле.

Ты идешь к своему месту в мире душ; ты поднимаешься и дышишь в Абидосе.

Платье богов касается твоих рук, и великие одежды богинь касаются твоих членов, так что твои руки становятся крепкими, а ноги сильными...

Ты почитаешь могучего бога в Шедну и поднимаешься с ним в лодке солнца.

Ра всходит над тобой в своей часовне и рассеивает свой свет своими лучами.

Ты идешь по земле из серебра и по полу из золота, ты умываешься на камне из серебра и на полу из золота, тебя хоронят на малахитовом склоне...

Ты видишь свое имя во всех областях, душу на небе, тело в преисподней, статуи в храмах.

Ты живешь вечно и все время молод. О Осирис N.N., пусть эти имена пребудут великолепными в храме Амона-Ра, царя богов, священного образа, верховного повелителя всех богов вовеки!

Если требуется еще доказательство того, что этот ритуал мыслился изначально как в высшей степени духовный, т. е. как руководство душой на пути в духовной области, можно обратиться к изречениям внутри пирамид, на внутренних стенках и в "Книге мертвых", которые сообщают о дальнейшей судьбе умершего. Они звучат как свершения и антифоны ритуала бальзамирования.

"Он улетает от вас, люди; его нет больше на земле, он в краю блаженных", потому что туда поместила его Нут, небесная царица, "как вечную звезду". И когда он приходит туда, о нем сообщают богу солнца: "О Ра-Атум, твой сын идет к тебе, вечный световой дух; позволь ему жить у тебя. Ты вечно заключаешь его в своих объятиях, своего телесного сына". И бог солнца принимает нового небожителя и говорит: "Я даю тебе твой язык и твоё тело, и ты получаешь образ бога", и "он заставляет его тело светиться", как тело обитателей неба.

Потому что египетская вера заключается в следующем: "Пока живет Осирис, будет жить и он; пока не умер Осирис, не умрет и он; пока Осирис не истреблен, не будет истреблен и он".

И умерший говорит: "Я огненный бог, брат огненной богини; я Осирис, брат Исиды".

Греция

Кто знает, не есть ли жизнь умирание,
А то, что мы зовем смертью, не значит ли жизнь?
Еврипид

"Нет ничего более ненавистного для грека, чем смерть и ворота Гадеса. Ведь именно жизнь, эта милая жизнь в солнечном свете, именно она исчезнет в момент смерти; все равно, что будет после". Эрвин Роде, из чьего обстоятельного рассказа о греческом культе души и вере в бессмертие в книге "Псюхе" взят этот отрывок, может, без сомнения, надежно свидетельствовать о настроении и мировоззрении грека. В царство Гадеса спускается умерший, или скорее его "псюхе". Но как же грек понимает псюхе?

Данное имя рисует ее, как и названия "души" в языках многих других народов, как нечто воздушное, легкое, обнаруживающееся в дыхании живого человека. Она вылетает изо рта, а может, и из зияющей раны умирающего - и тут, освободившись, она получает также имя "образа" (eidolon). На краю Гадеса Одиссей видит, как "безжизненно веют тени усопших"*. Эти образы, бестелесные, не дающиеся в руки живому человеку, как дым ("Илиада"), как тень ("Одиссея"), должны тем не менее передавать черты некогда жившего человека: Одиссей сразу узнает среди таких теней свою мать Антиклею, недавно умершего Ельпенора, своих товарищей по Троянской войне. Псюхе Патрокла, являющаяся ночью Ахиллу, полностью похожа на умершего размерами, фигурой, выражением глаз... Согласно гомеровскому представлению, человек присутствует двояко: в осязаемой форме и в невидимом образе, который освобождается только в момент смерти. Это - и ничто иное - есть его псюхе.

*Перевод В Жуковского.

Роде с полным правом подчеркивает, что грек подразумевает под "псюхе" не то, что мы понимаем под "духом", поскольку все функции духа, согласно греческому представлению, осуществляются лишь при жизни человека.

Псюхе, едва оставив тело, впадает в бессознательное состояние; ведь она - подобно мертвому телу - не является хранительницей духа.

Сходство понятий "псюхе" с тем, что египтянин называл "Ка", сразу бросается в глаза. Но истоки этих переживаний, бесспорно, различны. Что касается египетского понятия Ка,

то оно явно уходит корнями в древние воззрения; его изображение в виде двойника внешней формы, его тесная связь с солнечным светом указывают на это. Ка - явление макрокосмической природы. Египетская культура вообще не может быть понята без категории Ка; если это понятие опускается, исчезает почва, на которой выросла египетская культура, и все явления приобретают какой-то призрачный характер, они словно повисают в воздухе. Ведь египтянин ощущает свой центр тяжести еще с духовной стороны _мира, для которой земная сторона есть лишь выражение.

Понятие "псюхе", напротив, происходит из переживания дыхания, с которым, как чувствовал грек, связана его душевная жизнь; это понятие, таким образом, относится к микрокосму. Также и мысли в гомеровское время переживались вне связи с мозгом, но как связанные с "сердцем и диафрагмой". Как показал Р. Штайнер, это выражение служит не для обозначения ощущений органов в современном смысле - нет, как земная основа переживаются ритмы, связанные с сердечной и дыхательной деятельностью душевного начала. На гармоническом созвучии этих ритмов основывается греческое ощущение жизни: быть человеком.

Собственно говоря, в греческую культурную эпоху земные и космические силы впервые переживаются в соразмерности; во всех предшествующих культурах преобладало, как мы видели, сознание космической сущности человека*. С этим связано также, что остатки ясновидческих способностей, еще заметные в начале этой эпохи, а именно в гомеровских поэмах, относительно скоро исчезают.

* Если бы возникло желание по примеру вавилонского эпоса установить и для других культур "индекс воплощения", то следовало бы, вероятно, сказать Гильгамеш был на две трети богом, на одну треть человеком, египтянин был примерно на семь двенадцатых божественным существом, на пять двенадцатых - человеческим, у грека божественная и человеческая силы находились в равновесии Но это, естественно, всего лишь схема

В ранний период, однако, понятие "псюхе" еще вполне обладает образным нюансом: псюхе умирающего становится видимой, превращается в "эйдолон" и короткое время - часто всего несколько дней - доступна взору земных обитателей*. В течение этого времени и грек пытается средствами культа вступить в связь с мертвым. Так Гомер описывает тризну Патрокла, во время которой Ахилл, кроме великого множества животных, закалывает для своего друга двенадцать благородных троянских юношей.

* Именно различия в формировании понятий Ка и псюхе позволяют понять глубокую разницу между двумя эпохами вообще У египтянина переживание Ка вызывается по существу феноменами жизни молодым, здоровым человеком, процессами роста и питания, греку, напротив, псюхе является лишь в момент смерти. Египтянин, кроме Ка, довольно точно различает душу и внешне изображает ее в виде птицы, грек чувствует только внутренне, дыханием, и затем переносит понятие "псюхе" на то, что становится видимым после смерти. Но это не душа, а эфирное тело Однако последнее грек переживал в таком слиянии с физическим телом, что, например, Гиппократ приписывает целебные свойства - которые, главным образом, исходят от эфирного тела - "фюсис" (физической природе) Так с течением времени смещаются понятия, и сдвиги эти невозможно понять без духовнонаучного исследования

В основе всего рассказа лежит представление, будто с помощью текущих потоков крови, возлияний и сжигания трупов людей и животных можно ободрить псюхе недавно умершего человека и смягчить ее злобу. Во всяком случае, считали, что, пока она пребывает рядом с жертвами, она досягаема для человеческих молитв. <...> После полного сожжения тела, как сама псюхе Патрокла сообщает Ахиллу, псюхе отправляется в Гадес, чтобы никогда не вернуться. (Роде)

Кто непредвзято посмотрит на эту сцену, должен будет согласиться: тот культ мертвых, который предназначался /ходящим в мир иной в Египте, стоит на более высокой, изначально совершенно спиритуалистической ступени. Никогда мы не услышим там о насильственных человеческих жертвоприношениях, об использовании крови для заклинания духа.

Но греческое сознание чувствовало также, что здесь таится опасное заблуждение; что лучше отказаться от всего древнего ясновидения, чем приемами черной магии вызывать на короткое время к жизни его смутные, затухающие ютатки. Миф об Эдипе ясно выражает это: явление Сфинкса не что иное, как вырывающийся из подсознания грека из древнего ясновидения, который в Египте еще побуждал к творчеству, а теперь, отжив свое время, заставляет душу цепенеть перед демоническим взглядом Медузы. Ведь египтянин еще с полным правом ощущал и представлял человека в его связи с животным миром. Словно вспоминая о минувшем райском периоде развития, он мог изобразить душу в виде птицы, мужественного человека - как богиню Хатор с львиной головой, а в образе

Сфинкса почувствовать ответ на вопрос: что есть человек? Грек же знал: он должен создать чисто человеческое. И возникающие в его душе древние образы уже не давали ему ответа, но ощущались им как помрачение сознания. Эдип умел освободиться от них, лишь когда пришел к пониманию: древний мир образов обретает смысл и цель только через человека. Не от этого мира следует ему ждать ответа на вой вопрос, нет, он должен пронизать его познающим взглядом, должен в противовес его хаотическому волнению утвердить ясную цель: "человека".

Не по волшебству сфинкс бросился в пропасть - это древнее образное сознание должно было в силу внутренней необходимости исчезнуть в тот самый момент, когда человечество решилось на сознательное, управляемое волей мышление. И скалистая пропасть, куда Эдип сбросил Сфинкса, есть не что иное, как земное телесное начало. Выражаясь языком египтянина: Ка оказалось настолько внутренне связанным с физической организацией, что его силы уже не проявлялись в душе в виде образов. Они действовали теперь в полном созвучии с силами физического тела и находили выражение именно в том, что характеризует греческую эпоху: в пластическом чувстве. Вся греко-римская культура в своей внутренней сущности возникла из архитектонико-пластических сил человеческой организации.

Снова и снова мы удивляемся, какое богатство образов она оставила нам; наверное, художникам того времени еще не приходилось бороться с материалом так, как это выпало на долю, скажем, Микеланджело.

То, что мы называем греческой философией, берет начало "з того же источника. Натурфилософы начиная с Ферекида еще ощущают тесную связь человеческих сил с силами внешних элементов. Поэтому как в них смешиваются элементы, так они и философствуют; натурфилософия, как показал Рудольф Штайнер, - это философия, рождающаяся из темперамента, т. е. смешения элементов*. Таким образом, Фалес понимает мир исходя из своего флегматического - водного - темперамента, холерик Гераклит - исходя из огня.

* Rudolf Steiner: Die Ratsel der Philosophie. GA 18, Dornach 1968.

У Платона, однако, пластические силы так глубоко проникают в телесное начало, что он воспринимает их пластику уже не как рельеф, а лишь как тень. Но он знает: этой тени соответствовало некогда светящееся начало - однако переживалось это до рождения, в духовном предсуществовании. Как заходящее солнце часто еще отражается в восточной части небосвода, так выглядит мир мыслей Платона.

Аристотель же появляется после захода солнца. Он освещает вещи лучом собственной мысли, потому что вокруг стемнело. Он открывает архитектуру мира мыслей - и называет ее логикой. Философия восстает как птица Феникс из могилы сфинкса. В своем сочинении "Как древние изображали смерть" Лессинг говорит нам, что греки представляли смерть не как скелет, но как крылатого юношу, "который в задумчивой позе, заведя левую ногу за правую, стоит рядом с трупом, опустив правую руку и голову на перевернутый факел, который опирается на грудь трупа, а в левой руке, обхватившей факел, держит венок с бабочкой". Чаще всего рядом с ним находится еще урна с прахом. Лессинг настойчиво подчеркивает, что почти все изображения представляют фигуру юноши со скрещенными ногами; у трупа, напротив, ноги лежат параллельно.

Несмотря на всю проницательность, Лессингу не удалось объяснить это изображение смерти; оно осталось для него аллегорией. Учитывая вышеизложенное, можно без сомнения утверждать, что речь здесь идет не об аллегории, но образно-реальном представлении происходящего в момент смерти. В образе юноши мы видим "псюхе" - эфирное тело, которое только что оставило физический образ. Перевернутый же факел указывает на область сердца - место, где в момент смерти эфирное тело отделяется от физического. Жизненный огонь не угас, но изменил свое направление: он стал физически невидимым. Что же осталось от физического тела, хранит урна с прахом. На дальнейшую судьбу эфирного тела указывает венки: он остается в эфирном мире, как говорится в

песнях Миньоны: Свою недолгую отсрочку Я там спокойно пролежу И сброшу эту оболочку, Венок и пояс развяжу*.

* Перевод Б. Пастернака.

Тем самым человек отдает миру эфирных жизненных :ил то, что позаимствовал у него на время воплощения и по не перешло еще в полную его собственность: растительно-эфирное.

Затем поднимается освобожденная "бабочка" - оболочка души; ее крылья разрастаются в мировую ширь, и вся пыльца и блеск, которыми отяжелел их солнечный свет, снова сверкают в душевном мире и, угасая, оставляют след для очередного воплощения. Что же означают скрещенные ноги? Пережитое у постели больного дало мне ответ на этот вопрос. Один художник, расписывая церковь, получил тяжелое отравление свинцом, которое с годами вызвало неизлечимое заболевание. Когда я увидел его в первый раз, он уже давно был прикован к постели: ноги отказали. Он сообщил об удивительном явлении: у него часто появлялось ясное ощущение, что его левая нога лежит на правой, перекрещиваясь с ней; когда же он смотрел на ноги, то, к своему удивлению, обнаруживал, что они лежат параллельно. Я сумел растолковать это явление только таким образом, что эфирное тело уже в значительной степени отделилось от ног и что больной ощущал именно его, а не физическое тело. И в других случаях наблюдалось это явление, в частности, у одного ракового больного в последние дни перед смертью. Поэтому можно, вероятно, сказать: эфирное тело, когда оно частично выходит из физического тела, обнаруживает тенденцию к внутреннему перекрещиванию*.

* Благодаря эвритмии мы знаем, что это жест Е, который совершается, когда "я" переживает себя в эфирном теле. Тем самым проясняется наш вопрос: человек, чье эфирное тело частично вышло из физического, бессознательно совершает в этой части перекрещивание, чтобы сохранить сознание. Ведь если часть эфирного тела вышла, постоянно существует опасность полного его выхода, а в результате этого потери сознания и глубоких нарушений. Посредством перекрещивания, совершаемого эфирным телом, человек оберегает себя от растекания в эфирном мире.

Это, по всей вероятности, знали греческие художники, которые изображали "смерть", т. е. собственно оставляющую тело сверхчувственную сущность человека, с перекрещенными ногами. Основывалось ли это знание на собственном сверхчувственном видении или уже стало традицией, с нашей точки зрения, не имеет значения; в том, что первоначально такое видение должно было быть, нет никакого сомнения. Итак, описанное Лессингом изображение смерти имеет символический характер, но при этом зиждется на реальных основаниях.

Такие связи художественного переживания с событием смерти, очевидно, могут обнаруживаться гораздо чаще при целенаправленном рассмотрении. Так Рудольф Штайнер, говоря о своих лекциях "Пути к новому архитектурному стилю", обратил внимание на происхождение коринфской капители. Он упомянул анекдот Витрувия, согласно которому Каллимах получил толчок к созданию этой капители, увидев акант, растущий на могиле девушки. На первый взгляд этот рассказ совершенно материалистично объясняет возникновение этого мотива, и так его до сих пор понимали почти все искусствоведы.

Рудольф Штайнер, напротив, называет это понимание совершенным заблуждением: существенно в рассказе то, что Каллимах увидел растение именно на могиле, ведь дело здесь в том, что в форму анекдота лишь облекается сверхчувственное переживание Каллимаха, который увидел, как над могилой девушки вознесся солнечный мотив в борьбе с земным мотивом, а выше увидел девушку, парящую в чистом, эфирном теле*. Каллимах при этом видении вновь непосредственно оживил в себе уже ставший традиционным символ - мотив земли и солнца - и затем как художник воплотил его в мотиве коринфской капители**.

* Rudolf Steiner: Wege zu einem neuen Baustil. Stuttgart 1957.

** Ф. Кемптер в своей книге "Акант" (F. Kempfer: Akanthus) рассмотрел возникновение этого мотива, обратившись к многочисленным античным изображениям. Интересно, что и в египетском искусстве встречаются многочисленные изображения "древа жизни", растущего из могилы Осириса. Тема "древа жизни" была поднята проф. Каруцем в книге "Но от древа познания..." (Prof. Dr. Karutz: Aber von dem Baume der Erkenntnis..., Stuttgart 1930.) Однако переживания, подобные переживанию Каллимаха, были в классической греческой эпохе, очевидно, единичны. Развитие греческого сознания по направлению к чувственному освоению внешнего мира и формированию сознания личного "я" шло энергичными шагами и неизбежно должно было отснить мир подобных переживаний. Таким образом, сфера, связанная с миром мертвых, постепенно полностью оказалась за пределами поля зрения грека. Поэтому он с полным правом обозначает ее как "Аид", "Гадес", т. е. нечто невидимое. Грек любит видимый мир тем больше, чем больше скрывается во мраке мир потусторонний. Смерть он представляет себе как начало безнадежной пустоты.

Только мистериальные культы еще подводили ищущих к познаниям о вечной природе человеческой души, и оттуда те проникали в философию и искусство, а через них в повседневную жизнь*. Особенно философия Гераклита, как показал Рудольф Штайнер**, вообще не может быть понята без фона мистерий; она и есть мудрость мистерий, отраженная своеобразной личностью.

* Уже И.Я. Бахофен тонко почувствовал большое значение мистериального фона античного погребального искусства. Повинуясь мановению его метафизической волшебной палочки, многие символы мира могил открыли ему свою тайну. Однако, направив свое исследование на духовную сферу, он не смог преодолеть сопротивление ученого филистерства - что, впрочем, соответствовало его ожиданиям. См. J. J. Bachofen: *Urreligion und antike Symbole*. Neu hrsgg. von C. A. Bernoulli.

** Штайнер Р. Христианство как мистический факт.

Гераклит постиг бренность всех вещей в природе, и сама человеческая жизнь в ее разнообразных формах для него только видимость, за которой скрывается непреходящее вечное начало: "Одно и то же жизнь и смерть, бодрствование и сон, юность и старость; это, изменяясь, становится тем, а то снова этим". Как новое состояние должно всегда значить смерть старого, так со смертью земной жизни открывается бытие вечной жизни: "Жизнь и смерть содержатся как в жизни нашей, так и в нашем умирании".

Гераклит, по всей видимости, был человеком необыкновенно сильного внутреннего напряжения; это явствует из образов, в которые он облакает свои мысли и среди которых огонь занимает центральное место. "Дух растворяет мысли о чувственном, расплавляет их. Он - пожирающее пламя. Таков высший смысл мысли Гераклита, что огонь является Первоосновой всех вещей... Для Гераклита дух обитал и в обыкновенном огне"*.

Тот самый дух, который, как он чувствовал, действует в нем самом как "демон", для которого земная личность есть только одна внешняя форма из бесконечно многих возможных. "Он может превращаться из личности в личность. Из предпосылок Гераклита возникает, как нечто само собой разумеющееся, великая идея перевоплощения. Но не идея только, а и непосредственный опыт о таком перевоплощении. Мысль лишь подготавливает к этому опыту"**.

* Штайнер Р. Христианство как мистический факт

** Там же

Гераклит прозревает бренность вещей и мнимость смерти. Но создается впечатление, что в нем проявляется еще древнее знание. Кажется, что в Гераклите вся мудрость прошлого, словно вызванная к новой жизни душевным огнем сильной личности, еще раз вспыхивает в огромном огненном столбе.

Сократ, напротив, первый, кто чувствует: если философствовать в основе своей значит не что иное, как хотеть освободиться от видимости чувственного мира, то те, "кто правильно занимается философией, должны, разумеется, не заметить для других, стремиться только к одному: умереть и быть мертвым". Он первый, кто видит имманентное значение смерти для всей философии, кто знает: смерть имеет для души значение фермента, который порождает из ее бренного бытия сознание вечного. Правда, обремененному неуклюжим телом Сократу не суждено было пользоваться глубоким духовным взглядом, который при более благоприятных телесных условиях, если учесть его зрелость, был бы вполне возможен. Таким образом, он должен шаг за шагом прокладывать путь к фундаментальным истинам философии.

Но своей смертью Сократ посвятил философию в мистерию. "Он умер, как может умереть только посвященный". Луч Осириса, наверное, когда-то проник в его душу. И дитя Хор улыбнулся в его сердце, когда служитель принес чашу с цикутой.

От мистерий и от школы Пифагора пошло также учение о возвращении души в повторных земных жизнях, и оттуда заимствовал его Платон. Однако теперь речь идет уже об учении, о котором можно спорить, а не об убеждении, которое владеет душой или признано всеми. Все древние истины постепенно скрывались от взора проснувшегося молодого "я". Так и должно было быть, поскольку те истины, которыми душа могла овладеть в будущем, она хотела получить в полном сознании, как существо "я", в результате собственной работы на пути мышления. Ведь это "я" было гордым: оно не признавало никакого авторитета, кроме собственного мышления.

Поэтому оно и к идее перевоплощения отнеслось как к вопросу археологии. Великолепная идея Платона вскоре стояла так же одиноко, как заброшенные храмы Пестума, - не признанная массой, хотя и регистрируемая учеными, но не оказывающая никакого определенного влияния на развитие духовной жизни.

Сама идея вечной жизни, казалось, погребена или изгнана в "мир иной". Лишь через две тысячи лет она отпраздновала свое воскрешение у мыслителей Запада.

Начало нового времени

Посмотри на скелет,
И ты увидишь смерть.
Посмотри внутрь костей,
И ты увидишь воскресителя.
Рудольф Штайнер

Лишь одна связь с миром сверхчувственного остается у человека после утраты ясновидения: идея*. Происхождение слова еще указывает на его связь с древним видением; однако его содержание уже не доступно видению, оно доступно теперь только мысли.

* Собственно, видимое; лат. *videre* (видеть), нем. *wissen* (знать). Изменение значения - следствие изменения сознания.

Как бы то ни было, со времен Платона и до XIV века у людей в процессе мышления не возникало переживания субъективной деятельности, а лишь ощущение: "Я принимаю участие в мире мыслей". Человек этой эпохи не думает - он воспринимает мысли. И эти мысли переживаются не как что-то субъективное, но как выражение объективного духовного мира, из которого произошли человек и мир. Такое мышление еще могло дать ему ответы - воспринимаемые как законные - на вопросы о смысле жизни, о загадке смерти. Оно еще связывает его со всем живым и видимым, так как обладает собственной жизнью. У этого мышления есть еще и социальная сущность, поскольку люди с таким мироощущением чувствовали себя в одной общей для всех "атмосфере мыслей"*.

* По лекции Р. Штайнера от 1 7.1924. В кн.: *Esoterische Betrachtungen karmischer Zusammenhangs*, Bd. 3 (GA 237).

Однако в глубинах души уже заявляет о себе новый поворот; художники чувствуют это и сразу же находят для этого верное и окончательное выражение: начиная с XIV века они изображают смерть как скелет. До сих пор им служил для этого образ усохшего трупа; затем он преобразовался в остов без плоти, которому дали косу и песочные часы, следуя Откровению Иоанна. Как же изменилась человеческая душа, если вместо живого образа смерти, какой знал еще грек, у нее остался мертвый остов?

Глубокое превращение произошло с ней, и связано оно с тем, что, как мы уже видели, развитие человечества совершается не только в духовно-душевной сфере, но одновременно представляет собой прогрессирующий процесс воплощения. Люди прежних культур с их духовно-душевной сущностью еще не полностью проникали в тело; они переживали его через дыхание. Индеец называет свое высшее духовное бытие "атман". Грек ощущает себя в теле, собственно, только благодаря ритму пульса и дыхания, в "сердце и диафрагме".

Только к началу нашей эпохи душа приходит к внутреннему ощущению костной системы, к тому пределу, где процесс жизни сам находит свой конец в отложении извести. Это дает ей чувство и понимание материального, наделяет ее способностью и стремлением и во внешнем мире видеть и понимать мертвое начало. А понимание мертвого начала, собственно говоря, как раз и характерно для естествознания, которое подвергает природные явления измерению, подсчету и взвешиванию. Его расцвет коренится в фундаментальном переживании новой эпохи: внутреннем ощупывании костной системы. С этим связана способность и явная склонность человека мыслить в механических формах, изобретать технические орудия и машины. Ведь машина в

конечном счете - это приспособленная к внешним задачам метаморфоза спроецированной на внешний мир механики костной системы.

Глубокое проникновение в тело вплоть до внутреннего ощупывания костной системы, с другой стороны, приводит к тому, что деятельность внешних чувств многое теряет от своей прежней живости, в какой-то мере цепенеет.

Особенно отчетливо можно проследить это на примере развития чувства цвета. Согласно исследованиям, проведенным глазным специалистом Хуго Магнусом и другими, не может быть сомнения в том, что в истории развития человечества было время, когда глаз был лишь органом восприятия света, чувство же цвета полностью отсутствовало; лишь впоследствии оно развилось из чувства света.

Так, в описаниях природы у Гомера бросается в глаза, что он не выделяет зеленый цвет, но говорит лишь о световых эффектах. Впрочем, он употребляет слово, которое позже использовалось для обозначения "зеленого" (chloros), однако у Гомера оно значит совсем не то, что "зеленый" в современном понимании. Это ясно уже из описания меда или когда Гомер использует его, чтобы подчеркнуть бледно-зеленый оттенок лица испуганного человека. Бледно-зеленый цвет молодых побегов также обозначается словом chloros. Таким образом, это слово изначально, без сомнения, значило "желто-зеленый", "желтый", всегда в сочетании с характером "бледного". Только в позднегреческую эпоху желтый и зеленый стали четко различаться, откуда явствует, что восприятие зеленого лишь постепенно выделилось из восприятия желтого. То же самое относится к восприятию синего. У Гомера синие цветы и синее небо определяются теми же словами, что темные волосы, черные траурные одежды, серые облака. Из этого можно заключить, что во времена Гомера ощущение синего не обособилось от ощущения черного. Еще пифагорейцы насчитывали четыре цвета: черный, белый, красный, желтый. Плиний сообщает, что в древние времена художники пользовались при создании картин только красной краской, из-за чего картины назывались "монохромата"; позже стали использовать четыре цвета: белый, черный, красный, желтый.

Приведенные факты, которые составляют лишь малую часть огромного материала, ясно показывают, что человечество в течение долгого времени обретало современное чувство цвета*.

* Здесь можно сослаться на наблюдения за перенесшими травму мозга людьми, у которых наступила цветовая слепота. По мере выздоровления восприятие цветов у них постепенно восстанавливается, причем аналогично описанному для греческой эпохи развитию чувства цвета. Таким образом, налицо случай онтогенетического повторения филогенетического развития, что означает индивидуум повторяет развитие общего рода. Однако развитие в данном случае заключается не в превращении формы, но в превращении восприятия качества. Развитие же человечества не заканчивается с завершением формы, оно продолжается в развитии качеств и последнее связано с постепенным погружением души в телесное начало, с "индексом воплощения". С другой стороны, любой процесс выздоровления есть в какой-то мере повторение процесса инкарнации.

Но именно в том, на что мы указали выше, состоит закон всякого развития: новые способности приобретаются только с исчезновением старых. Поэтому в той мере, в какой покорялся мир чувственного восприятия, отступало древнее ясновидение.

Знакомясь с древнеиндийской эпохой, мы уже обратили внимание на то, что сознание тогда не было еще в столь значительной мере обусловлено физическими органами чувств, как в наши дни. Это связано с тем, что у человека той эпохи вообще не было таких резких и статичных чувственных восприятий, как у современного человека. Всякое чувственное восприятие есть в то же время жизненный процесс в организме. На внешне воспринятый цвет глаз реагирует внутренне продуцируемым "противоцветом", на красный - зеленым и т. д. Эти внутренне продуцируемые цвета мы, впрочем, вообще не воспринимаем, поскольку они заглушаются интенсивностью внешнего цвета. Однако существуют люди, у которых "внутренний цвет" настолько активно вторгается во внешнее восприятие, что в результате последнее заметно меняется в своем качестве. Такие люди видят, например, желтый рядом с ярко-красным как "зеленый", поскольку внутренне вызванный красным зеленый до некоторой степени заглушает находящийся рядом с ним желтый.

Похожее состояние раньше было, очевидно, всеобщим, и проявлялось оно так, что в ранние эпохи внешний и внутренний цвета достигали равновесия. Тогда вообще не могло быть никакого восприятия цветов, а только восприятие света, связанное, однако, с влиянием его действия на жизненный процесс. Предпосылкой для этого было то, что

человек переживал жизненные процессы в собственном организме так же интенсивно, как те процессы, которые во внешнем мире составляют основу чувственного восприятия*.

* На таком, пусть даже смутном ощущении жизненных процессов, которые вызывались в организме чувственным восприятием, основывалась и способность с первого взгляда на растение оценить его целебное значение или ядовитость. Наивные историки полагали, что примитивные люди древней эпохи перепробовали одно за другим (как делают сегодня) все растения и таким образом исследовали их действие. В действительности же, кроме описанной выше инстинктивно-диагностической способности, подобных опытов у древних народов никто никогда не наблюдал.

Как указывает Рудольф Штайнер, такое положение сохранялось вплоть до греческой культурной эпохи - при этом оно неуклонно сходило на нет, поскольку душа все интенсивнее вступала в связь с телесным началом. Грек раннего периода еще в весьма значительной мере жил в процессе восприятия; у человека нового времени остались лишь готовые образы восприятия. Дюрер, когда смотрит на мир, ощущает застывшую перспективу. И в качестве перспективной точки схода в сущности принимается спроецированный вовне образ переживающего себя в теле "я". Как этот центр чисто линейно связывается с деталями художественного пространства, независимо от того, связаны ли они между собой по своей сути, так и человек нового времени ощущает себя одиноким среди предметов пространства, не ощущая внутренней связи с ними. Математическое отношение вытесняет отношение сущностное.

Отсюда понятно, когда люди этой эпохи чувствуют: все знание отныне надо перевести на другую основу. Уже нельзя довольствоваться тем, что осталось в наследство от прежних эпох, поскольку у древнего знания о бытии идей, "софии", были иные предпосылки. Человечество осознало существование мертвой материи и впредь не сможет пренебречь этим фактом. Нет никакого смысла противиться такому развитию, поскольку основывающийся на восприятии мертвого вещества способ познания представляет собой в любом случае нечто новое по сравнению со всеми прежними возможностями познания; этот способ нагляден, он дает человеку свободу проявить в его рамках стремление к познанию, он основывается исключительно на существовании и активности индивидуума. Поэтому Декарт пытается оправдать мышление, исходя не из чувственно данного бытия, но, напротив, в мышлении видит он фундамент, на котором можно основать собственное духовное существование и свою позицию по отношению к миру. Превенная мудрость вытекала из участия в общей атмосфере мыслей; современное знание вырастает на почве восприятия мертвого начала, которое каждый носит в себе. В результате у него одновременно появляется сознание "я". Но именно в силу этого возникает возможность втянуть знание в область эгоизма.

Это обуславливает раздвоенное чувство людей этой эпохи по отношению к новому знанию: они и стремятся к нему всеми силами души, и боятся его. Они чувствуют: у человечества должны быть отняты и последние остатки древней софии, потому что должно возникнуть сознание "я". Ощущение этой необходимости заставляет средневекового человека содрогаться до глубины души. Почему люди отшатнулись от искусства книгопечатания как от дьявольской выдумки? Потому что они чувствовали: этот метод распространения знания нарушает связь с духом, дает человеку возможность немислимым прежде образом посредством знания проявить свой эгоизм.

Так человек новой эпохи сам роняет зерно смерти в судьбу своего духа. Из ощущения этого жизненного противоречия возникает образ Фауста, который прячет скелет в своем рабочем кабинете и, желая оставаться честным и мужественным мыслителем, должен в конце концов припасть к чаше с ядом. Самоубийство становится, похоже, метафизически необходимым.

Поэтому, когда Ганс Хольбейн и другие художники этого времени изображают скелет постоянным спутником человека любого возраста, в этом заключается нечто большее, чем просто капуцинада; это значит: смерть не событие, которое происходит с нами в конце нашей жизни, мы, собственно говоря, носим ее в себе на протяжении всей жизни - достаточно взглянуть, как подвижна костная система, и мы почувствуем, как танцует смерть.

Человек гомеровской эпохи еще различает *thanatos*, естественную смерть в старости, и *ker*, преждевременную роковую смерть. Средневековый человек, который рисует пляски

смерти, чувствует, что смерть - как составная часть жизни - связана с его сокровеннейшей сущностью; он ощущает ее как черное волокно, без которого не держались бы нити жизни и которое тем не менее превращает жизнь в "танец смерти". Люди начинают улавливать присутствие смерти в каждом переулке, отчетливее всего, очевидно, в центрах науки и образования

В Париже, а оттуда по всей Франции и Англии, в Базеле и в Германии, рисуют и воспевают "пляски смерти". "Я" приняло в себя смерть; оно пытается преодолеть ее с помощью философии, драмы и юмора. Не в "танце ли смерти" зарождается современная драма, как греческая драма вырастает из мистериальной игры?

Проблема смерти в эпоху естествознания

Витализм и материализм

Результатом изменения сознания в начале нового времени, как мы видели, стало естественнонаучное мышление. В неслыханном до сих пор масштабе оно покорило материальный мир. Это сознание, опирающееся на минеральный остов организма и связанные с ним органы чувств, - как ни одна из предшествующих форм сознания - приспособлено познавать минерально-физические связи в природе. То, что при этом другие стороны бытия оказываются обойденными, понятно и почти неизбежно.

Собственно, трагическое впечатление может создаться, если посмотреть, как естествознание тщетно пытается своими методами решить проблему смерти. Трагическое потому, что эта попытка с самого начала обречена на неудачу, поскольку она не считается с границами естественнонаучных методов.

Ведь они по сути своей могут дать только знание о материальных процессах, в то время как то, что, собственно, делает для нас смерть проблемой - духовно-душевные связи, - остается недоступным для естествознания.

Так, к примеру, Э. Коршельт, мой уважаемый учитель зоологии, в свою книгу "Срок жизни, старение и смерть" (E. Korschelt: Lebensdauer, Altern und Tod) свел все, что касается наблюдений в этой области - удручающее обилие фактов без детального рассмотрения их самих и, что самое важное, без "идейного" освещения совокупности этих фактов.

По Коршельту, смерть - "в какой-то мере обратная сторона жизни, с которой она неразрывно связана и которая должна ей предшествовать, поскольку без жизни нет смерти в биологическом понимании. То, что организмы живут, непосредственно относится к их сущности, и только это делает их таковыми. Даже если жизнь, непрерывно продолжаясь, обладает видимостью бессмертия, это, однако, не относится к отдельным индивидуумам, недолговечным и в большинстве своем обреченным на смерть". Мертвым представляется нам, по Коршельту, "организм, если то, что связывает воедино его части и приводит их в движение, обеспечивает и регулирует обменные процессы, обуславливает и поддерживает чувственные восприятия, является причиной ощущений и вызывает реакции, короче, то, что лежит в основе жизненных процессов, прекращает существование. Форма и структура, физические и химические процессы сами по себе этого не делают - жизнь основана на взаимодействии всех частей организма, и именно это взаимодействие представляется нам жизнью. Когда это взаимодействие прекращается - безразлично, идет ли речь об одноклеточных или многоклеточных организмах, - жизнь кончена, организм мертв. Составные части и структуры налицо, но они больше не работают вместе, отсутствует руководящий принцип; вскоре рушится и взаимосвязь; части разрыхляются и расходятся

между собой; форма и структура стираются как внешне, так и внутренне и разлагаются; в конце концов организм распадается на составные части".

Собственно говоря, Коршелльт приходит к следующему выводу: сущность жизни - быть живым, а сущность смерти - быть мертвым. Но разве описывать процесс жизни, как это делается выше, и видеть сущность мертвого в том, что лежащее в основе жизненных процессов "прекратилось", не признавая, что как раз в этом и состоит проблема: куда в момент смерти девается то, что лежит в основе жизненных процессов, - разве не означает это закрывать глаза на проблему смерти. Прискорбно видеть, как столь заслуженный ученый там, где все зависит от мужественного шага в мышлении, кружит в таких ничего не говорящих определениях. Чрезвычайно интересная книга оказывается бесплодной, потому что в ней нет творящей силы идеи. Наука о смерти остается мертвой и должна остаться таковой, если намерена пользоваться средствами познания лишь из мертвой области. Чтобы понять сущность смерти, нужно сначала понять, что такое жизнь. Эпоха, предшествовавшая наступлению естествознания, не видела здесь никакого затруднения. Парацельс и ван Гельмонт говорили еще об "архее" и разумели под этим понятием жизнь в ее автономности. Однако то, как они говорили об этом, показывает, что они еще обходятся с "археем" как с предметом сверхчувственного восприятия. Если, напротив, в более позднее время "виталисты" говорят о "жизненной силе", о "spiritus vitalis", "эфире" и т. д., то делают они это, исходя из совершенно другой духовной ситуации. Жизненный принцип, который они имеют в виду, известен им уже не как результат опыта, они открывают его посредством мышления. Однако при этом не осознают, что стоят на границе познания, и потому должны решить, к какому виду действительности они хотят отнести "жизненную силу".

Ошибка многих виталистов заключается в том, что они наивно понимают жизненный принцип по аналогии с человеческой душой. Эрнст Георг Шталь, например, видит в душе, "anima", причину жизни. Верное наблюдение за действием аффектов на кровообращение заставляет его предположить, что и болезнь вызывает нецелесообразное поведение души, чему можно привести самые разные доказательства. Но Шталь зашел, конечно, слишком далеко, приписав "anima" уже и жизненные явления как таковые. Тем самым он непозволительным образом стер границу между биологическими и душевными процессами. Ф.К. Медикус, напротив, четко проводил эту границу. В своей лекции "О жизненной силе" (1774) он ясно показывает, что душа переживает себя в мышлении и волеии и тем самым вызывает утомление тела, в то время как все функции, которые он приписывает влиянию жизненной силы на тело, как-то: сердечная деятельность, формирование и восстановление тела и т. д., - осуществляются без участия сознания. Очень верно подчеркивает он различие между душой и жизненной силой, которое заключается в том, что душа последовательно развивает свои способности и что это происходит не само по себе, как природный процесс, но лишь когда применяется "мыслительная сила". Область жизненной силы, напротив, недоступна для вмешательства человеческой воли: "Без его воли животная жизнь идет своим постоянным и неутомимым ходом, и человек здесь совершенный раб, который, кроме преступного разрушения, ничего над собой совершить не может".

Эти ясные директивы, к сожалению, не были поддержаны позднейшими виталистами. Почти повсеместно у них приходится наблюдать неумение четко разграничить область души и область жизни, или же они пускаются в абстрактные спекуляции. В этом отношении они производят впечатление последней предшествующей эпохи, когда душа с помощью мышления стремилась выделиться из данной в чувственном восприятии картины мира. Поэтому понятно, что эти мыслители не из тех, кто дал сильный импульс развитию естествознания. Импульс этот исходил скорее от противников "жизненной силы".

Во второй группе виталистов можно наблюдать господство иной тенденции: они полагают, что жизненная сила максимально похожа на другие природные силы, они даже

объясняют ее, подобно Райлю, как свойство особым образом смешанной и оформленной материи, из которой состоят живые существа. Эти виталисты хотя и говорят еще о жизненной силе, однако мыслят уже в духе материализма и подготавливают его.

Если пытаться рассматривать развитие объективно, придется признать, что подлинного успеха, естествознание могло добиться, только решив раз и навсегда искоренить остатки древнего способа мышления и признать только то, что доступно *ego* методам познания. Этот шаг сделали материалисты прошлого столетия: они вообще отказались от представления о жизненной силе. И хотя мы сегодня никак не можем ограничиться тем, что говорили о сущности жизни какие-нибудь Биша, Дюбуа-Реймон, Гельмгольц, Вирхов и др., мы, однако, должны признать, что историческая необходимость состояла в том, чтобы отказаться однажды от всего метафизического духовного наследия прошлого и совершенно честно и трезво сосредоточиться на всем, что поддавалось чувственному наблюдению. В этом смысле в усилиях противников витализма можно усмотреть даже попытку оздоровления, своеобразную пробу сил: разгадаем мы с помощью нового способа мышления загадку жизни или нет?

Для французского физиолога Клода Бернара эта проблема определила его духовную судьбу. Сначала он пытался понять жизнь лишь "как разновидность природных явлений вообще", но после десяти лет изучения этого феномена вынужден был (1878) внести поправки в свою точку зрения и признать: "Представление, будто некая причина руководит цепью жизненных явлений, - без сомнения, первое напрашивающееся нашему духу, и от него никуда не деться, если рассматривать строго упорядоченную эволюцию столь многочисленных и хорошо продуманных реакций, с помощью которых животное и растение оказываются в состоянии сохраниться... Этой причине, понятой как руководящая сила, можно дать имя "живая сила", или "физиологическая душа", при условии, что она будет описана и к ней не будут примеряться никакие свойства, которые не присущи ей". И далее: ""Живая сила", жизнь принадлежат метафизическому миру; их формирование - необходимость духа."

Тем самым Клод Бернар четко сформулировал проблему: он осознал, что невозможно понять жизнь с помощью физико-химических категорий, поскольку она принадлежит "метафизическому миру"; он же со своим мышлением может подойти только к границе проблемы и должен по крайней мере сформулировать ее.

Похожее становление прошел немецкий биолог и философ Ганс Дриш. И он, подчиняясь духу времени, попытался сначала понять органический процесс с механистических позиций. Но вскоре, прежде всего в результате собственных биологических экспериментов, ему стало ясно, что это невозможно. Затем Дриш философски осмыслил общий результат экспериментальной биологии и тем самым сделал важный шаг к решению проблемы.

Как показывает Герман Поппельбаум в своей книге "Тело формирующих сил живых существ"* , проблематика современной биологии концентрируется в двух вопросах: о *сущности формообразования* и о *наследственности*. Основанная ей механика развития пытается раскладывать сущность организма на отдельные процессы до тех пор, пока они не станут понятны исходя из физико-механико-химических законов. Правда, этой цели она до сих пор не достигла, однако упорно идет в этом направлении. Так, например, экспериментально исследуется влияние определенных солей на форму морских животных, температуры на скорость развития, света на направление роста растений и т. д., чтобы в конечном счете понять форму живых существ вообще "как продукт связанных с пространством факторов развития". Механика развития, таким образом, все еще следует первоначальной программе К. Бернара: понять жизнь "как разновидность природных явлений вообще".

* Hermann Poppelbaum: *Der Bildkraftelieb der Lebewesen*, Stuttgart 1924. В дальнейшем я буду прибегать к его прекрасному изложению и заимствовать из этой книги нижеследующие цитаты.

Аналогичным образом усилия науки о наследственности направлены на то, чтобы разложить явления наследственности на отдельные наследственные факторы, которые

опять-таки относят к гипотетическим материальным носителям, так называемым "генам" в хромосомах. Для такого понимания организм представляет собой результат суммарного действия материально мыслимых наследственных факторов. И механика развития, и учение о наследственности ищут, таким образом, причину жизненных процессов в конечных материальных частях, соответственно в конечных процессах, действие которых подчинено законам неживой природы, в обоих случаях преследуется цель понять организм как продукт действия этих конечных частей и частичных процессов, и в том и в другом случае исходят из негласной предпосылки механика развития рассматривает образование формы как сумму понятных с механико-химической точки зрения отдельных процессов, а учение о наследственности рассматривает наследственность как суммарное действие отдельных структур, связанных с материальными носителями

Выступая против таких попыток, Поппельбаум, на мой взгляд, справедливо указывает, что подобные представления разрушают целостное понимание рассматриваемых процессов. Ведь основной вопрос учения о наследственности - *воспроизводство живой формы у потомства* - за изучением частных вопросов был потерян из виду.

На вопрос о том, можно ли вообще понимать организм как сумму конечных частей, Дриш ответил своими экспериментами, результаты которых были обнародованы уже более сорока лет назад. Он, к примеру, делил яйца морского ежа во время сегментации (начала деления яйцеклетки) и получал из каждой половины яйца целую личинку; даже клетки, разделенные на восемь и шестнадцать частей, давали целые организмы.

Тем самым было ясно показано, что будущий организм в клетках этих ранних стадий не может быть заложен материально - иначе разделенные клетки должны были бы образовывать части: четверть клетки - четверть организма, восьмая часть - восьмую часть организма и т. д. Но поскольку из каждой клетки возникает целый организм, к обычной причинности неживой природы, по мнению Дриша, присоединяется новый вид причинности в органическом мире: "причинность целого". Суть ее состоит в том, чтобы "из данного ей материала произвести целое. Это целое - выше частей. Оно использует части для своего производства".

Дриш приходит к важному выводу, что здесь "вообще нет никакой причинности, основанной на пространственной конфигурации".

То что обнаруживает свое действие в образовании целого, само, таким образом, не обладает никаким пространственным расположением своих частей! Но, несмотря на это, оно в состоянии породить из себя такое расположение, причем вполне определенное! Таким образом, он вынужден признать некое действующее начало, которое само не имеет пространственного характера, но распространяет свое действие на пространство "Непространственный определитель природы", как говорит Дриш, лежит в основе указанных процессов, производящих целое

В результате этого для объяснения нормального развития стала непригодна не только машинная теория, но и всякое возведение эволюции к какому бы то ни было, пусть даже очень пестрому, смешению химических веществ Потому что такая смесь никогда бы не сумела произвести целое, после того как ее произвольно раздробили, разделили пополам, на четыре части и т. д. В любом случае с этой смесью должно быть связано какое-то деятельное начало, которое после нарушения в ней восстанавливает целое. Из самой себя она не может породить никакого независимого от общей массы порядка. (Поппельбаум)

Это начало, производящее целое, Дриш назвал аристотелевским термином "энтелехия". Под ним он понимает совокупность возможностей для образования формы, восстановления и приспособления, возможность производить ближайшее и все последующие поколения и т. д. Вопрос о собственном существовании энтелехии Дриш отклоняет: "Об энтелехии вообще нельзя представить ничего наглядного: непосредственное никогда не сможет быть представлено в пространственных образах".

Теперь следовало бы ожидать, что Дриш открыто признает, что здесь пролегает граница возможностей человеческого познания, и поставит - в общем виде - вопрос о методах преодоления этих границ.

Но, очевидно, Дриш боится сделать такое заключение и на вопрос, - откуда у энтелехии все эти свойства, отвечает следующим образом: "Они есть у нее, потому что мы даем их ей в смысле расширенной действительности, и мы даем их ей, потому что мы должны дать их ей. Мы должны дать их ей, потому что нас вынуждает к этому возникающее в противном случае непонимание определенных рядов органических феноменов..." "Все непонятное, к примеру логическое начало и опыт в действиях, сохранение гармонии в образовании форм, мы возлагаем на конструируемые природные факторы, чтобы понять это непонятное исходя из них; теперь природный фактор, в особенности природная константа объясняет прежде непонятное".

Биология на границе познания

Схематичный, ориентированный на проблему бытия ход мыслей позволяет признать наличие феномена души, всеобщее неосознание которого, как мне кажется, коренится в негласном сговоре современных мыслителей, в основе которого *страх признания не постигаемой посредством чувственных ощущений реальности, страх перед осознанием пограничного мышления.*

Дриш скорее предпочитает обесценить результат исследовательской работы всей своей жизни изобретением "сконструированного природного фактора" - хотя он знает, что тем самым навлекает на себя подозрение, как он сам говорит, в "наглядном самообмане", - чем заключить, что здесь надо делать решительный шаг в новую область.

И у Коршельта - упомянем еще один пример - мы сталкиваемся с той же тенденцией. Ведь одних только признаков органического, которые он приводит в своем процитированном выше определении, было бы вполне достаточно, чтобы, мысля последовательно, осознать сущность жизни. Коршельт совершенно ясно видит, что форма и структура, физические и химические процессы не охватывают сущности организма, которая основана на взаимодействии всех его частей; что организм как целое сохраняется благодаря постоянному обмену веществ и т. д.

Собственно говоря, поэтому он и должен был сделать вывод: то, что объединяет части и превращает их в целое, не может быть доступно тем же средствам познания, что и сами эти части, воспринимаемые органами чувств. Поскольку организм стоит выше частей, его сущность должна находиться в вышестоящей по отношению к чувственному миру действительности; ее следует, таким образом, искать в сфере "сверхчувственного". А именно этого шага Коршельт испугался; он боится ощущения границ.

Едва ли стоит подчеркнуть, что я ни в коем случае не хотел этой характеристикой умалить великие заслуги этих ученых, а также и других исследователей развития и наследственности. Тенденция, которой покорились Дриш и Коршельт, распространена среди всех, и, пожалуй, никто не может полностью избежать ее влияния. Стоит только подумать, что осознал ее и преодолел в чем-то одном, как в следующее мгновение замечаешь, что в другой области уже снова подпал под ее влияние.

Еще одну, на первый взгляд противоположную тенденцию можно наблюдать в наше время: стремление стереть границы между понятиями.

Всякий нормально чувствующий человек может, скажем, понять, что минерал, растение, животное и человек - сущности, стоящие на разных ступенях. Растение заключает в себе минерал, но поднимает его до сферы жизни; у животного живой организм, но вдобавок он одушевлен и организован с учетом одушевленности; человек же сверх всего этого обладает способностью посредством мышления обособливаться от мира и ощущать себя как "я", с другой же стороны, мысленно превращаться во все предметы

мира, т. е. понимать их. У растения есть жизнь, у животного - душа, у человека - дух; всякая более высокая ступень в измененном виде включает в себе более низкую.

Эти соответствующие своим ступеням понятия тела, жизни, души и духа входят, как мне кажется, в сокровищницу древнейших знаний человечества, и они обязательно выстоят в борьбе с современными, но менее точными понятиями. Тем более странным покажется наблюдение: развитие человечества с течением времени привело к тому, что границы между этими понятиями были стерты.

Этот феномен уходит корнями в древность*. Если Павел, к примеру еще со всей определенностью подчеркивает разницу между "пневмой", духом, и "псюхе", душой, то уже в первые века христианства способность к различению этих понятий пропадает, и в 869 году собор в Константинополе постановляет ликвидировать это различие: душе присущи лишь некоторые духовные свойства. Рудольф Штайнер часто указывал на значение этого собора для развития сознания.

* Ср. раздел "Греция", с. 45.

Настоящее воодушевление по поводу стирания границ между природными сферами царит и в новейшем естествознании: любой учебник по биологии, ботанике или зоологии подтвердит это. Химики и биологи объединили свои усилия, чтобы показать, насколько несущественно различие между живым и неживым миром. Вводится, к примеру, понятие "растущего кристалла", хотя это очевиднейший произвол - использовать понятие роста там, где речь идет исключительно об увеличении объема неживого тела за счет накопления вещества, а не о росте и развитии живого организма, в основе которого лежит обмен веществ.

И как настойчиво проводится мысль, что некоторые низшие живые существа, такие, как бактерии и грибки шизомикеты, могут быть равно причислены как к растительному, так и к животному царству. Уже не говоря о прямо-таки экстагическом воодушевлении, спровоцированном попытками современного учения о развитии отнести человека к царству животных.

Особенно успешными в плане стирания границ были исследования недавно умершего индееца И. Г. Бозе, который, как известно, провел множество экспериментов, изучая возбудимость растений, и придерживался точки зрения о наличии у растений "нервной системы". Но и этого мало: он экспериментировал также с металлическими прутками и обнаружил, что механические или химические раздражения продуцируют в них токи действия, "сила которых, по показаниям гальванометра, никоим образом не уступает силе тех, которые вызывает в живых телах такое же раздражение. Эти металлические прутки обнаруживают признаки усталости от долговременных раздражений. Одними химическими веществами реакция может быть усилена, другими - ослаблена; яды способны полностью подавить реакцию. "Как можем мы, - заключает Бозе свой доклад в Королевском обществе (1901),- столкнувшись с такими феноменами, проводить границу и говорить: здесь кончается физическая область и начинается физиологическая? Таких абсолютных границ не существует"*. Конечно, это интересные феномены, но свидетельствуют ли они действительно о том, что усмотрел в них Бозе? Тот факт, что живое тело и металл на определенные воздействия реагируют электрическими токами, ни в коем случае не доказывает, что при этом в них происходят одинаковые внутренние - физиологические и душевные - процессы.

* Цит. по Жаке: Jaquet. Wissen und Glauben.

Но Бозе упорно повторяет эту элементарную ошибку в рассуждениях, например, когда он толкует как "усталость" тот факт, что металлические прутки уже не так сильно реагируют на повторное раздражение. Но ведь усталость - это биологическое понятие и, без сомнения, должно употребляться только тогда, когда состояние израсходованности *внутренне переживается* данным существом как спад напряжения и способности к действию; это, однако, как мы знаем, наблюдается только у одушевленных, наделенных нервной системой существ.

Совершенно в том же духе ведет себя биолог Ферворн, который приписывает неорганической материи "раздражительность", возбудимость и в доказательство приводит динамит, который взрывается в ответ на неадекватное раздражение! Его определение раздражительности, а именно: "Способность тела реагировать на внешние воздействия каким-либо изменением своего состояния - причем сила реакции не находится ни в каком определенном отношении к силе воздействия", - дает ему, правда, возможность так бессмысленно употреблять это понятие; с не меньшим успехом его можно применить и к мышеловке. Однако ее, по методу Ферворна, придется, вероятно, отнести уже к домашним животным.

Мы должны были довольно подробно познакомиться с тенденцией к стиранию границ, потому что в ней отразилось еще одно течение в современном естествознании. То, что в природе есть феномены, которые по праву воспринимаются как переходные явления, естественно, не может быть оспорено. Бросается в глаза лишь преувеличение их значения, в то время как в действительности они ограничены такой узкой зоной, что не могут играть приписываемой им роли в противостоянии ясным и принципиальным различиям между природными сферами.

Чтобы понять, что за умонастроение выражается в этом воодушевлении по поводу стирания границ, надо представить себе то изменение в мировоззрении, которое происходит в результате этого стирания' возникает *видимость великого единства* в природе. Однако это единство именно кажущееся, поскольку оно куплено ценой отказа от точного познания действительности. Конечно, в природе можно найти единство, но оно должно быть найдено не только *вопреки* всем различиям между существами и сферами. Оно вообще может быть найдено только тогда, когда мышление соблаговолит как идеально изучить великое многообразие природы, так и признать границы между различными природными сферами. Создается впечатление, что в основе этого стирания границ лежит какое-то неясное, скорее эмоциональное стремление постичь единство природы, единство, которое эти мыслители хотели бы найти в мире восприятий, а не в области идеального. Они - наивные реалисты с неосознанно-религиозными потребностями.

В каком-то смысле здесь наблюдается явление, противоположное описанному выше феномену страха. Но в то время, как вышеупомянутые исследователи боятся признать сверхчувственную реальность и держатся за материальное, эти хитростью добиваются опьяняющего ощущения единства в мире восприятий за счет неточности в употреблении понятий или за счет тенденциозного выделения частных и обусловленного этим стирания границ. В конечном счете и для этих исследователей именно страх перед ощущением границ является движущей силой к их стиранию. Оба направления, однако, закрывают себе путь к пониманию *всей* действительности, поскольку полагают единственно реальной лишь одну ее сторону, ту, что доступна чувственному восприятию.

Мне казалось необходимым уяснить, что истоки этих научных течений находятся не в мире объективных фактов, а, по сути дела, в неосознанно действующих душевных тенденциях.

Оба течения, в конце концов, основываются на материалистическом настроении. Совершенно закономерно, что оно - как и везде, где оно господствует, - ведет к тому, что душа либо замыкается в страхе перед духовной действительностью, либо сентиментально опьяняет себя псевдодуховностью. Оба течения без ведома их приверженцев являются препятствием на пути познания, стремящегося проникнуть в духовную действительность. Это становится особенно очевидно, когда речь заходит о смерти.

Можно ли перейти границу познания?

В распоряжении современного естествознания есть множество наблюдений, которые сами по себе могли бы стать прекрасной основой для устремляющегося в духовную сферу

познания природы и человека, если бы хватило мужества признать существование границ познания и сделать отсюда соответствующий вывод.

Впрочем, о мужестве сегодня говорят только тогда, когда оно проявляется в опасностях, связанных с внешним миром; о "мужестве мыслителя" говорить едва ли принято. Прежние эпохи, напротив, знали, что мужество необходимо не только для того, чтобы рисковать жизнью в спорте или сражении, но также оно требуется и в процессе познания, когда хочешь подняться на более высокую ступень.

Разве мужество не является внутренним элементом жизни любого изобретателя, любого первооткрывателя? Должен же он доверяться силе мышления, если хочет достичь своей цели. Лишь легкий мостик мысли ведет в новую страну. В этом мужестве нет необходимости, если речь идет о том, чтобы следовать такому развитию мысли, отдельные элементы которого присутствуют в мире восприятий: производить расчеты, высказывать суждение о научном эксперименте или описывать явления жизни под микроскопом. Здесь мышление может в любой момент найти опору в мире чувственных восприятий. А это - вид мышления, который с момента подъема естествознания постепенно становился общепринятым. Мышление уже не носит мыслителя, оно в состоянии лишь отражать внешний мир. Оно так глубоко погрузилось в мир чувственно воспринимаемых явлений, что потеряло свое "собственное колебание". Прежние эпохи, однако, еще знали - и схоластика совершенно сознательно практиковала это - внутренне свободно развивающееся мышление. Но мы знаем также, как односторонне формировалось это мышление и в какой мере оно было подвержено опасности спекуляции. Именно с учетом этих фактов становится ясно, какая великая задача по формированию строго методического мышления стояла перед естествознанием и была им выполнена.

Что же касается постижения сущности жизни, то связанный с чувственным восприятием современный вид мышления не может привести к цели. Тысячи подробностей жизненных процессов уже раскрыты и еще будут раскрыты. Но загадка жизни на этом пути никогда не будет разрешена, потому что в области чувственного наблюдения мы постоянно встречаемся лишь с проявлениями жизни.

Естествознание приходит к пониманию того, что сущность жизни заключается не во множестве явлений, но в целостности ее действия. Однако когда мы хотим представить многосложность организма как целое, это подводит нас к границе связанного с чувственным восприятием мышления (потому что целое не воспринимается чувственно) и мы замечаем, как у нас появляется внутреннее ощущение страха: мы каждый раз боимся расстаться с разнообразием, когда хотим осмыслить целое.

Осмысление целого требует от мыслителя оторваться от данного в чувственном восприятии разнообразия; требует внутренней концентрации мыслительных сил, которая сродни той собранности, какую мы подразумеваем, говоря о мужестве во внешней жизни. Подобно тому как человек в момент опасности напрягает все силы, чтобы прыгнуть через пропасть, так и мыслитель должен на границе познания сосредоточиться всем своим существом и набраться мужества перенести одиночество, которое он при этом ощутит. Ведь, по всей видимости, он не сразу получит ответы на свои вопросы; может быть, он даже почувствует себя полностью отрезанным от всех мировых связей.

Но если чувство одиночества не отпугнет его от того, чтобы снова и снова упражнять мысль в изучении пограничных проблем естествознания, он заметит, что в результате соприкосновения с границей познания он приходит прежде всего к определенному самоощущению: он ощущает себя как "целое", которое не зависит ни от чего, что существует вокруг него в чувственно воспринимаемом мире. Понятие целого, с которым он до сих пор сталкивался словно извне, пытаясь мыслью обосновать жизненные явления природы, превращается теперь в самоощущение. Мыслитель переходит от осмысления понятия к переживанию понятия. Теперь он осознает: только пережитое понятие целого способно действительно постичь жизнь!

Надо только уяснить, что "переживание понятия" - это не пассивное переживание, как все то, что мы воспринимаем органами чувств; это не что иное, как внутреннее восприятие результата нашей собственной деятельности: посредством мыслительной выдержки на границе познания мы укрепили наше мышление, оно снова обрело свои "собственные колебания", и мы воспринимаем его теперь как живое целое. Оживив мысль, мы столкнулись с жизненным элементом в нас самих. Благодаря самоощущению, мы знаем теперь, что такое жизнь, и в то же время мы знаем, что наши мысли, в сущности, и суть "жизнь". В повседневном мышлении мы не осознаем этого только потому, что оно теряет свое "собственное колебание" в отображении внешнего мира. Лишь в результате упорного укрепления мышления на границе познания оно осознает свою собственную сущность. Тогда становится понятно: за счет отображающей функции мышление теряет осознанность и приближается к той ступени сознания, которая соответствует сновидению; благодаря постоянному укреплению оно достигает более высокой степени пробужденности. В то же время оно становится внутренне живее и переходит от чисто пассивного отражения мира восприятий к активному постижению идейных связей*.

* То, на что я попытался указать здесь кратко и более образно, изложено Рудольфом Штайнером в чисто философской форме в его "Философии свободы" Эта книга одновременно является школой для упражнения "свободного от чувственности" мышления

Вот что мы имеем в виду, когда говорим, что требуется мужество познания, чтобы искать решение загадки жизни на пути укрепления сил познания, и что именно страх мешает нам при создании понятий оторваться от чувственного мира. Поэтому, по сути, мы имеем дело с феноменом страха, когда естествознание хочет сконструировать сущность организма из суммы генов или других материальных факторов; у него нет мужества сделать шаг в область идеи.

Гёте сделал этот шаг, правда, гносеологически бессознательно. Его идея "перворастения" не что иное, как поднятое до области самой жизни понятие растения. Когда он формулировал идею "перворастения", он не только в мышлении, но и в своем "живом целом" проделывал тот же процесс, который проделывает растение в области материального.

В определенном смысле это относится к любому процессу познания. Когда мы "сосредоточиваемся" на проблеме, мы на самом деле осуществляем процесс концентрации в нашем сверхчувственном существе. Тем самым мы добиваемся в себе соответствующего состояния, которого растение достигает при образовании семени, когда оно концентрирует всю свою сущность в минимуме материальности. И когда мы затем из процесса концентрации выводим мысль за мыслью, пока наконец, как соцветие, не появится искомая мысль, это опять-таки не просто аллегория, а действительно соответствующие росту растений процессы в нашем "живом целом".

И опять-таки: посредством своего живого целого мы можем внутренне более или менее совершенно отразить все явления мира, в какой-то мере превращаясь в них. Как Гёте внутренне производил от "перворастения" формы всех реальных растений и только так понимал их, так и человек может в действительности понять вообще только то, чему он внутренне таким образом подражает.

В своей собственной организации человек обладает ключом к пониманию природы. Если бы он не был микрокосмом - он не мог бы понять макрокосм: Что - внутри, во внешнем сыщешь; Что - вовне, внутри отыщешь. Так прими же без оглядки Мира внятные загадки*.

* И.В. Гёте Эпиррема. Перевод Н. Вильмонта.

Кто проделал путь от вопросов о границах естествознания до осознания того, что сущность жизни лежит в области сверхчувственного и что понятие целого имеет смысл лишь в том случае, если воспринимать его сверхчувственно-реально, тот с интересом познакомится с сообщениями Рудольфа Штайнера о результатах его исследований в этой области; и тогда он обнаружит, что он - если ему, конечно, удалось поднять понятие "целого" до переживания, - собственно говоря, уже понял, что подразумевает Рудольф Штайнер под "эфирным телом", или "телом пластических (формирующих) сил". В

дальнейшем окажется, что выбранный здесь путь - лишь один из многих возможных. Пути эти указаны в систематических книгах Рудольфа Штайнера, например в "Теософии", "Тайноведении" и "Как достигнуть познания высших миров?".

Но с методической точки зрения, в связи с проблемой смерти, на примере явлений из области биологии, мне представилось важным показать саму необходимость духовнонаучных понятий. Ведь Рудольф Штайнер сам постоянно указывал на то, что не может быть лучшего исходного пункта для достижения сверхчувственных знаний, чем удивление на границе познания. И это принципиальная ошибка, если кто-то думает, что Р. Штайнер не признавал значения естественнонаучных методов или как чуждый миру мечтатель следовал своим мистическим наклонностям. Не было бы ничего несправедливее этого, потому что в действительности не было более понимающего ценителя естествознания, чем он. И в этом также кроется причина, по которой он отказался идентифицировать полученные им на духовно-научных путях понимание и познание "эфирного тела" с тем, что виталисты часто легкомысленно называли "жизненной силой". Он не мог признать удобный уход в абстракции результатом естествознания - он слишком высоко ценил его, чтоб приписать ему такое легкомыслие; только результат духовного исследования, считал он, достоин стать продолжением и венцом честных усилий естествознания.

Однако пути, которые, по мнению Рудольфа Штайнера, ведут к познанию сверхчувственного мира, разнообразны. Это объясняется разнообразием человеческих свойств, каждое из которых по-своему важно в той мере, в какой оно нацелено на познание. И конечно, многие люди просто не сумели бы понять сущность жизни, если бы необходимым условием для этого было знание современной биологии. Более того, всякий наивный, т. е. нормально чувствующий человек, всякий крестьянин или ремесленник, из того, что дает ему повседневное наблюдение, может извлечь те самые знания, которые нужны, чтобы прийти к действительному пониманию жизни. Он может понять, что Рудольф Штайнер подразумевает под "эфирным телом", если, по его указанию, будет снова и снова настойчиво представлять себе разницу между живым телом и трупом. Два этих образа заставляют переживать разницу, и именно из этого переживания сначала рождается более прочувствованное знание сущности жизни как целого, которое при повторении упражнения может в конце концов привести к полному осознанию. На такие ясные переживания разницы наивное сознание ориентировалось во все времена и, опираясь на них, приходило к правильным, хотя и не всегда ясным понятиям. Естествознание и в этой области, так же как в других, привело к познанию бесконечного множества новых подробностей, однако в той же мере именно этими подробностями скрыло из виду целое и существенное.

"Духовная наука" Рудольфа Штайнера претендует на то, чтобы исследовать область по ту сторону границы чувственного восприятия так же строго, как естествознание исследует область чувственного мира. Методы для этого указаны точно, так что каждый, кто хочет составить себе мнение об этом, может самостоятельно проделать путь исследования. То, что удивление на границе познания - лишь первый шаг на этом пути, за которым последует множество более значительных и трудных, прежде чем можно будет говорить о "духовном исследовании", едва ли стоит подчеркивать.

Но даже того, кто не хочет непосредственно становиться на путь исследования, но желает при этом судить о ценности этого исследования, его содержание могло бы заинтересовать, если бы отыскалась связь между описываемой там духовной действительностью и знакомым нам миром восприятий.

Предпосылкой для установления такой связи является то, что в описаниях духовной действительности применяется то же самое логическое мышление, каким мы привыкли пользоваться, имея дело с миром восприятий. Эта предпосылка реализуется у Штайнера. Убедиться в верности этих данных должен, однако, каждый собственным трудом.

Эту работу можно вести в двух направлениях: внутреннем и внешнем. Цель внутренней работы - превратить собственную душу в более совершенный инструмент познания, что происходит благодаря укреплению мышления и другим упражнениям; другая возможность состоит в проверке духовнонаучных данных явлениями чувственно воспринимаемого нами мира.

Даже став на этот последний путь, можно прийти к "переживанию целого": там, где мы до сих пор видели в природе лишь отдельные подробности, мы все больше осознаем и охватываем взглядом целое.

Именно на этом пути становится ясно, что усилия по изучению прежде всего отдельных явлений природы не были напрасны. Потому что чем интенсивнее погружаешься в них, чем сильнее на их примере ощущаешь границы, тем богаче и ярче будет также переживание природы как "целого". То, чего охарактеризованное выше направление в естествознании хочет добиться хитростью за счет стирания границ между природными сферами, на *этом* пути станет полноправным, выдерживающим точную проверку результатом познания.

Прежде чем оценить значение для познания понятия "эфирного тела", приведем несколько выдержек, где Рудольф Штайнер описывает, что представляет собой в его понимании "эфирное тело". При этом надо учесть, что различия в описаниях связаны с разными исходными пунктами в соответствующих работах. Так, в книге "Теософия" Штайнер говорит об эфирном теле как о "духовном, исполненном жизни облике": Для исследователя духовной жизни это представляется следующим образом. Для него эфирное тело не есть только произведение веществ и сил физического тела, но самостоятельная, действительная сущность, которая лишь и вызывает к жизни названные физические вещества и силы. Когда говорят, что простое физическое тело - как, например, кристалл - получает свой облик благодаря физическим формообразующим силам, присущим безжизненному, то выражаются в духе духовной науки; живое тело получает свою форму *не* через *эти* силы, ибо в то мгновение, когда жизнь удалась из него и оно предоставлено только физическим силам, оно распадается. Жизненное тело' есть сущность, благодаря которой в каждое мгновение в течение жизни физическое тело охраняется от распада. Для того чтобы *увидеть* это жизненное тело, чтобы воспринять его у другого существа, необходимо иметь пробужденное *духовное око*. Без этого можно принять его существование в силу логических оснований. Но его можно *увидеть* духовным оком точно так же, как видят цвет физическим глазом. Не надо смущаться выражением "эфирное тело". "Эфир" обозначает здесь нечто иное, чем гипотетический эфир в физике. Пусть это будет принято просто как обозначение для того, что здесь описывается. И как физическое тело человека в своем строении является отражением своей задачи, точно так же дело обстоит с эфирным телом человека. И его можно понять лишь тогда, когда рассматривают его по отношению к мыслящему духу. Своей приспособленностью к мыслящему духу эфирное тело человека отличается от эфирного тела растений и животных.

* "Жизненное тело" употребляется в том же значении, что и "эфирное".

В "Тайноведении" это описание дополнено: ...Пока достаточно сказать, что эфирное тело всюду пронизывает физическое тело и что на него нужно смотреть как на своего рода строителя физического тела. Все органы поддерживаются в их форме и образе течениями и движениями эфирного тела. В основе физического сердца лежит "эфирное сердце", в основе физического мозга - "эфирный мозг" и т. д. Эфирное тело расчленено в самом себе, подобно физическому, но только сложнее, и в нем все находится в живом взаимном проникновении там, где в физическом теле имеются обособленные части.

Это эфирное тело человек имеет общим с растительным миром так же, как с миром минеральным он имеет общим тело физическое. Все живое имеет свое эфирное тело.

Понятие "эфирное тело", как показывает само описание, открыто Штайнером не на интеллектуальном пути, но представляет собой понятийную оболочку сверхчувственного

восприятия. Оно, как понятие, охватывает явления, которые биолог приписывает "целому". Изложения Штайнера, однако, выходят за рамки представлений биолога. Ведь понятие "целого" в общем-то употребляется как абстракция, тогда как собственно реальность принято видеть в физических материях. Штайнер, напротив, понятием эфирного тела представляет жизнь как сверхчувственную *действительность*, самостоятельную по отношению к миру физических материй и даже поставленную над ним. При этом эфирное тело - не общая природная сила, каковой является, к примеру, магнетизм, а конкретная, по-особому проявляющаяся у растения, животного, человека сверхчувственная составляющая существа. Изложения Штайнера идут также дальше того, что мы назвали "переживанием целого". Ведь в то время как последнее - это внутреннее переживание, которое можно считать чисто субъективным, духовнонаучное описание свидетельствует о способе познания, которому присущ характер объективного восприятия.

К абстрактному, темному сознанию нового времени впервые в истории развития человечества присоединяется основывающийся на продолжении естественнонаучного метода духовный взгляд. Поэтому и духовнонаучные понятия Рудольфа Штайнера выступают не изолированно, как "пограничные понятия-ориентиры", а в великой систематической связи со многими другими понятиями. Даже если сначала придется познакомиться с этими понятиями в отдельности, при более широком обзоре они все равно окажутся звеньями духовно-органической связи, в которой каждое понятие занимает свое место так же, как орган в организме. Таким образом, отдельные понятия взаимно поддерживают, дополняют и поясняют друг друга.

Если мы теперь с этой точки зрения исследуем понятие эфирного тела у Рудольфа Штайнера, то из приведенных цитат станет ясно, что оно с двух сторон граничит с другими понятиями: *материи* и *сознания*.

С понятием материи постольку, поскольку речь идет об эфирном теле, которое из пищи посредством обмена веществ строит тело, организм. Пока оно в состоянии делать это, т. е. пока оно может преодолевать присущие питательным веществам их собственные закономерности, организм живет; в тот момент, когда оно теряет способность осуществлять это превращение даже легчайшая пища превращается в "яд", т. е. человек должен умереть, поскольку он лишается физического тела. "Материя", таким образом, - это понятие, граничащее с "эфирным телом" с одной стороны.

С другой стороны, Рудольф Штайнер указал на связь эфирного тела с явлениями сознания. Поскольку понимание именно этой связи имеет наибольшее значение для нашего исследования о смерти, приведем соответствующее место буквально: Благодаря "эфирному телу... в человеке совершается процесс, который возникает не в области закономерного действия сил физического тела, - в его основе тот факт, что физические вещества, попадая под влияние эфирного формообразования, изымаются из сферы присущих им физических сил.

Эти действующие в эфирном теле силы проявляют себя в начале земной жизни человека - наиболее ярко в эмбриональный период - как силы формирования и роста. В ходе земной жизни часть этих сил освобождается от деятельности формирования и роста и становится силами мыслительными, именно теми силами, которые порождают тенеподобный для обычного сознания мир мыслей".

Чрезвычайно важно знать, что обычные умственные силы человека суть утонченные силы формирования и роста. В формировании и росте человеческого организма раскрывает себя духовное начало. Ибо оно проявляется затем в течение жизни как духовные умственные силы.

Согласно этому, действие эфирного тела постоянно ограничивается тем, что оно преобразуется в сознание. Именно эта точка зрения, как будет показано ниже, проливает свет на некоторые в противном случае непонятные связи. Насколько я знаю, Рудольф Штайнер был первым, кто осознал жизнь и сознание как полярности и представил их

метаморфозы. Как раз эта точка зрения дает нам возможность понять связь явлений сознания с жизненными процессами, даже если мы не располагаем наглядным представлением об "эфирном теле", которое имел в виду Штайнер*.

* Fr. Husemann: *Das Bild des Menschen als Grundlage der Heilkunst*, 1. Bd: *Zur Anatomie und Physiologic*. Stuttgart 1979.

Образ и смысл смерти в свете духовной науки

Полярность жизни и сознания

Тысячелетиями смысл вопроса о сущности смерти сводился, собственно говоря, к следующему: что происходит с человеческой душой после ухода из земного мира? Прежние эпохи благодаря религии получали на эти вопросы ответы, которые давали им ясность и уверенность. Но по мере того как естественнонаучные методы все больше определяли постановку вопросов и характер ответов, ответы религии становились все менее убедительными. И очень многие люди решили, что они должны отказаться от веры в бессмертие души, потому что они не пожелали отступить от мнимого вывода из своего естественнонаучного мировоззрения.

В свете последнего факта все это напоминает гротескную иронию, и можно подумать, что действительно "какой-то злой дух водит по кругу" человеческий разум, когда именно естествоиспытатель, зоолог Вейсман*, делает вывод, что в своей специальной области исследований он снова открыл "бессмертие", правда в материальном смысле.

* A. Weismann: *Über Leben und Tod*. Jena 1883.

Вейсман с естественнонаучной точки зрения занимался вопросом: следует ли рассматривать смерть как явление, в силу природной необходимости связанное с жизнью, или ее следует возводить к внешним причинам? Поскольку на первый взгляд всякое живое существо должно рано или поздно умереть, смерть можно было бы считать необходимым явлением, сопровождающим жизнь или следующим за ней. Вейсман же указал на примечательный факт, что такое положение дел не относится к низшему классу животных - одноклеточным протистам (устаревшее название бактерий, простейших, водорослей и грибов). Протисты размножаются за счет того, что их организм делится на две равные части; обе половинки вырастают затем до первоначальных размеров. С логической точки зрения, ни об одном из двух новых организмов нельзя сказать, что он старше другого. А поскольку при таком способе размножения нет стареющей родительской особи и в конце концов не остается никакого трупа, применительно к этим животным нельзя говорить о смерти, по крайней мере в том смысле, как это происходит у высших животных. Протисты тем самым, по мнению Вейсмана, "бессмертны", так как в процессе нормального развития не оставляют трупов*.

* Желающие подробнее познакомиться с проблемой, найдут обширный материал в книге Э. Коршельта "Срок жизни, старение и смерть", равно как у А. Липшица (A. Lipschitz) "Allgemeine Physiologic des Todes". Более краткое примечательное изложение исследований в этой области интересующийся естествознанием найдет в книге Ж. Жаке (J. Jaquet *Wissen und Glauben*).

Целый ряд исследователей посвятил себя дальнейшему разъяснению этого вопроса. Из некоторых экспериментов, казалось, явствует, что и одноклеточные организмы после длинного ряда делений обнаруживают определенные признаки старения и, таким образом, предрасположенность к смерти по внутренним причинам. Более точные наблюдения, однако, показали, что этого не происходит, если животных после каждого деления помещать в свежий питательный раствор. Вудраф, который потратил на этот эксперимент более тринадцати лет, вырастил к тому времени 8 900 поколений протиста *Paramecium aurelia*, причем никаких возрастных или болезненных явлений замечено не было. Казалось, представление Вейсмана о "бессмертии одноклеточных" нашло, таким образом, свое подтверждение.

Правда, можно возразить, правомерно ли вообще употреблять в этой связи понятие "бессмертия". Ведь к нему можно обращаться только тогда, когда отдельный, имеющий свои границы организм, "индивидуум", живет вечно. "Индивидуум" в переводе означает,

как известно, "неделимый". А значит протисты не могут быть названы "индивидуумами", поскольку именно делимость есть одно из их специфических свойств. Кроме того, ясно, что при делении первое поколение может сохранить только половину, второе - четверть, третье - одну восьмую и т. д. животного-родоначальника, не говоря уже о том, что и этот остаток подлежит обусловленному обмену веществ уменьшению.

Впрочем, даже Вудраф вынужден был констатировать некоторые колебания интенсивности жизни протистов. В своих опытах он обнаружил, что деление парамеций происходит не совсем равномерно, даже когда все внешние условия остаются неизменными. Более того, через некоторое время отмечалось определенное снижение скорости деления. Одновременно возникали явления распада в ядре животного, в результате чего образовывалось новое ядро. Р. Хертвиг определил это явление как процесс смерти; Дофлейн, напротив, видит в нем процесс регенерации, с помощью которого организм избегает необходимости смерти.

Здесь мнения ученых разошлись из-за разного понимания вопроса: видеть ли существенное в мертвом выделении или в процессе жизни. В конце концов, бесспорно, речь здесь идет о ритмичном процессе жизни, в результате которого организм отторгает часть, чтобы сохраниться как целое.

Таким образом, не может быть и речи о том, что отдельный протист бессмертен: он каждый раз разлагается при делении - правда, не до мертвого вещества, а до нового живого существа. По сути, то же самое происходит и с веществами, когда умирают высшие живые существа, с той лишь разницей, что они проходят минеральную стадию, прежде чем вступают в новые жизненные связи.

Дифференциация и смертность

Все же примечателен тот факт, что у протистов следующее поколение появляется в результате деления *целого* организма, тогда как у других групп животных для этого служат особые органы размножения. Эти органы обособляются от остального организма уже в период эмбрионального развития, причем на очень ранней стадии. "Зародышевая плазма" не участвует в дальнейшей дифференциации организма; она останавливается в известной мере на ступени протистов. Это самая живая, но и самая "примитивная" субстанция организма. Остальной организм, напротив, дифференцируется на различные органы и на соответствующие им, отличающиеся от первоначальной - шарообразной - клеточные формы. И именно в дифференциации клеток организма Мино увидел причину их смертности. По его мнению, смерть - это кульминационный пункт дифференциации, а значит, "та цена, которую мы должны платить за нашу организацию, за дифференциацию клеток в нас".

Мы подходим, таким образом, к утверждению, которое в первый момент может показаться парадоксальным: менее дифференцированные, т. е. стоящие на низшей ступени органические существа хотя и не в прямом смысле бессмертны, но стоят гораздо ближе к жизни, чем высшие. Однако тем самым еще не ясно, почему сильнее дифференцированный организм должен умереть, в то время как на одноклеточный организм эта необходимость не распространяется.

Дифференциация клеток организма связана отчасти с тем, что органы вступают в более интенсивную связь с минеральными веществами. Особенно типично это проявляется в клетках хрусталика, которые имеют четко выраженную форму кристалла горного хрусталя. В этом органе в какой-то мере взаимопроникают органические силы клеток и минеральные силы кремневой кислоты, причем таким образом, что достигается определенное равновесие. Клетка принимает форму кристалла горного хрусталя, приобретая за счет этого прозрачность, но в значительной мере теряя при этом живость. То, что хрусталик очень близок неорганическому миру, проявляется и в том, что в

преклонном возрасте ему грозит опасность катаракты, т. е. помутнения вследствие сильной минерализации.

Но даже если связь с минеральными веществами не так сильна, как в случае с хрусталиком, появление дифференцированных, жестких форм можно понять только как процесс окоченения и тем самым отмирания.

Но почему высокая степень дифференциации означает в то же время и высокую степень развития? Очевидно, потому что она является предпосылкой для *развития сознания*. Ведь однородный организм не может быть носителем индивидуального сознания; он может лишь участвовать в совокупном сознании.

Дифференцированная клетка, таким образом, подчиняется необходимости смерти, поскольку она слишком сближается с минеральным миром и тем самым отгораживается от жизни. Она умирает, когда мертвая материя в ней достигает такой массы, что жизненный ритм эфирного тела не может больше ни совладать с ней, ни выделить ее. И у протистов мы наблюдаем тенденцию к смерти, но ритмически пульсирующая жизнь оказывается сильнее: клетка совершает процесс регенерации. Иными словами: эфирное тело преобладает над своим физическим продуктом, организмом.

Ритм и сознание

Почему, спросим мы теперь, такие регенерационные процессы невозможны у высших животных и у человека? Ведь и высший организм проявляет жизненные ритмы. Весь процесс обмена веществ пронизан ритмами, которые сосредоточиваются в *сердечном ритме*, а тот встречается с *ритмом дыхания*.

Между двумя этими ритмами есть, однако, принципиальная разница: дыхание в значительной мере контролируется сознанием, сердце, напротив, нет, или только косвенно и непроизвольно. Каждое чувство, каждая мысль находит отражение в нарушении ритма дыхания, и всякий раз в результате этого захватывается также сердечный ритм. В наибольшей мере ритм дыхания прерывается речью. Можно даже сказать, что при этом он порой совершенно расстраивается.

Если же мы поставим вопрос: мыслимо ли, чтобы человек подобно протистам мог преодолевать процесс смерти с помощью жизненных ритмов? - мы должны будем сказать: это было бы мыслимо лишь в том случае, если бы его жизненные ритмы абсолютно ничем не нарушались. Примерно такую картину мы наблюдали еще во время сна здорового человека; при этом возникают регулярные колебания глубины дыхания и ритма, которые показывают, что человеческое дыхание, когда оно совершенно свободно от вмешательств сознания, подчиняется собственному внутреннему ритму. Однако такую картину, как было сказано, можно наблюдать только во время глубокого сна. Мы можем, таким образом, сказать и наоборот: если бы дыхание человека было гармонически ритмичным, каким оно должно было бы быть, чтобы человек мог жить "вечно" или по крайней мере обладал максимумом здоровья, оно не могло бы служить основой для человеческого сознания и в еще меньшей степени оно было бы инструментом речи.

Если мы, таким образом, спросим: что вносит в человеческие ритмы те нарушения, которые приводят к тому, что человек не может жить вечно? - ответ будет следующим: человеческое сознание! Мышление, чувства, воля, речь и действия прерывают космические ритмы. Но именно благодаря этой сознательной деятельности человек становится индивидуумом! *Человек должен умереть, потому что он развивает индивидуальное сознание.*

Итак, если Мино сказал: "Смерть - это цена, которую мы должны платить за дифференциацию", - теперь мы можем добавить: *а индивидуализация - это выигрыш, который мы отвоевываем у смерти!*

Память и воспоминание как метаморфозы жизни

При более внимательном размышлении оказывается, что эти связи внутренне необходимы. Ведь *сознание* может возникнуть только там, где переживаются *различия*. Пока существо беспрепятственно резонирует в космических ритмах, у него не может возникнуть сознание. Если человеку суждено было развить самосознание, то это могло случиться только благодаря обретению организма, который вычленил его из сферы космических ритмов.

Вот что происходит в действительности: чувственные восприятия возникают лишь потому, что космические ритмы - свет, звук - преломляются в органах чувств. Чувственное восприятие поэтому дает прежде всего *мертвый образ* воспринятого. Оно, если бы к нему больше ничего не присоединялось, протекало бы как физиологический процесс в органе чувства и затухало. Но таким образом никогда не смогла бы возникнуть *память*. Чтобы она сформировалась, чувственное восприятие должно быть изъято из организма и оживлено: лишь оживленное изнутри чувственное восприятие превращается в *представление* и заносится в *память*.

И каждый раз, когда мы извлекаем представление из памяти, его надо оживлять; это можно непосредственно наблюдать на себе, вспоминая какое-нибудь чувственное впечатление. Сначала оно всплывает, может быть, в неясной, размытой форме, но в результате продолжительного размышления становится все отчетливее и яснее*.

* H. Poppelbaum: Im Kampf um ein neues Bewußtsein. Freiburg i. B. 1948.

Здесь напрашивается вопрос: откуда человек берет силы, чтобы оживить мертвое чувственное восприятие? Поскольку организм есть целое, в нем должно быть место, откуда они берутся. А раз речь идет об оживляющих силах, здесь должен наблюдаться соответствующий обратный феномен: изъятие этих сил из какого-то органа.

На мой взгляд, здесь можно вести речь только о *мозге*. По поводу мозга можно отметить один любопытный факт: клетки ганглиев вскоре после рождения теряют способность к делению, в то время как в остальном организме еще происходит оживленное деление клеток; этим как раз и обуславливается рост организма. Таким образом оказывается, что, едва пробуждается *сознание* человека, пластические силы эфирного тела уже не находят себе выражения в росте. Итак, мозг в какой-то мере с самого раннего возраста выключается из жизненного процесса. Эфирные пластические силы, которые формировали его в эмбриональной жизни, оставляют его после рождения; они освобождаются, и в последующей жизни освобождаются тем больше, чем больше разрушается мозг.

Эти освободившиеся пластические силы человек использует для построения своей душевной жизни. Это происходит прежде всего, как мы видели, благодаря тому, что чувственные восприятия внутренне оживляются и тем самым "включаются в тело" памяти. (Язык сохранил здесь знание о телесной основе памяти.) Отошедшая от органического процесса и оказавшаяся под влиянием душевной жизни часть эфирного тела образует *память*. Эфирные пластические силы превращаются в образы памяти и тем самым формируют новое целое.

Кроме того, процессы сознания обнаруживают некоторое сходство с явлениями жизни. Так, можно было бы говорить о способности мыслей к регенерации, когда мы восстанавливаем забытые нами ряды мыслей из еще доступных, причем так, что они образуют "органическое целое". Всякое воспоминание есть "феномен целостности".

Мы находим, таким образом, силы, которые вплоть до рождения формируют тело, а впоследствии служат основой душевного развития, словно бы поднимаясь на более высокую ступень.

Это относится прежде всего к эфирным силам мозга, поскольку весь остальной организм сохраняет жизненность в гораздо большей мере, и только во второй половине жизни он так же постепенно покоряется процессу отмирания, который мозг прodelывает сразу после рождения.

Мозг у человека занимает особое место по сравнению с другими органами: он развит наиболее хорошо. А поскольку и в этой связи верно, что организм есть целое, то следует ожидать, что силы, которые используются для формирования мозга, каким-то образом изымаются из этой совокупности сил; а значит, в другом месте этих сил должно быть обнаружено меньше, т. е. перед нами явление компенсации.

И в самом деле, обратившись к сравнительной биологии, мы видим, что в той самой мере, в какой мозг увеличивается в размерах, *способность* соответствующих организмов к *регенерации* уменьшается. Саламандры, к примеру, могут восстанавливать целые конечности; морские звезды, многие черви и т. д. могут из отдельных частей составить целый организм, а вот для высших животных и человека характерно лишь заживление ран.

Отсюда видно: в той мере, в какой нервная система выдвигается на первый план органической структуры, убывает регенерационная сила организма. Таким образом, в ходе филогенетического развития происходит *смещение пластических сил*, так что их уже не остается в свободном распоряжении в любой части организма: они до известной степени поглощаются центральной нервной системой, приобретающей все большее значение. То, что эта часть высших организмов на эмбриональной стадии развития прямо-таки вырывается вперед, становится ясно при одном лишь взгляде на историю развития.

Жизнь и сознание, таким образом, от природы *полярны*: где возникает сознание, там происходит процесс разрушения; и где формируются органы сознания, там должны соответствующим образом угнетаться жизненные функции.

То, что сознание может возникать лишь на основе процессов разрушения, является фундаментальным выводом Рудольфа Штайнера*. Многочисленные микроскопические исследования мозга свидетельствуют о том же. А именно: обнаружено, что с возрастом в клетках ганглиев накапливаются определенные вещества, липоиды, которые, очевидно, являются остатками процессов разрушения, вызванных деятельностью сознания. На то, что появление липоидов можно объяснить именно этими причинами, указывает тот факт, что уже с детских лет - пропорционально возрасту - они обнаруживаются во все большем количестве: как только мозг ребенка начинает подвергаться воздействиям внешнего мира, появляются и липоиды. Их накопление настолько точно соответствует возрасту, что Мюльман по количеству этих веществ мог с изрядной точностью определять возраст соответствующих индивидуумов.

* R. Steiner: *Vnn SeelenrStseIn* (1917), GA 21. Dornach 1975.

Поэтому можно сказать, что мозг стареет уже с момента рождения; с самого начала процессы диссимилиации преобладают здесь над процессами ассимиляции.

Теории причины смерти

С этих позиций дискуссия о *причине смерти у человека* приобретает новый интерес. Два исследователя противостоят здесь друг другу в своих воззрениях: Рибберт и Нотнагель. Последний считает, что смерть, в сущности, всегда наступает в результате остановки сердца, идет ли речь о заболеваниях центральной нервной системы, других органов или инфекционных болезнях: "Человек почти всегда умирает от сердца".

Однако из этого не следует делать вывод, что клетки сердечной мышцы погибают раньше других. Как показал Рибберт, при остановке сердца мышечные волокна могут еще отчасти прекрасно функционировать; Кулябко, пропуская через сердце умерших кислородосодержащую жидкость, в ряде случаев сумел добиться временного восстановления сердечной деятельности.

Смерть, таким образом, - это не локальное и не обусловленное отказом какого-либо отдельного органа явление, но, как и жизнь, целостный феномен: человек как целое уже не может жить, хотя отдельные органы - при иных общих условиях - еще способны какое-то время функционировать. Рибберт различает "естественную" смерть, т. е. наступившую

вследствие естественных возрастных изменений, и смерть "патологическую", которая вызвана болезнью или внешними обстоятельствами. Он убежден, что нормальная смерть в старости исходит от *мозга*. Мозг, как явствует из опытов по регенерации и трансплантации, гораздо более чувствительный орган, чем сердце. И даже в тех случаях, когда смерть, на первый взгляд, наступает от сердца, сначала, по его мнению, погибает чувствительный мозг. Но еще при жизни старческие явления в мозгу выражены особенно ясно, что следует из данных, полученных Мюльманом. По мнению Рибберта, мозг не только умирает в первую очередь, но "его смерть является также основой естественной смерти. Речь идет о том, что старческий организм без явных изменений со стороны какого бы то ни было органа, которые можно было бы назвать собственно патологическими, и, таким образом, без заболевания в узком смысле слова, постепенно вырабатывается, и в этом процессе участвует все тело, хотя отдельные его структуры - с разной интенсивностью. Сердце вообще гораздо устойчивее, чем мозг, который в результате затрагивающей все органы потери жизненной энергии в любом случае скорее, чем сердце, терпит такой функциональный ущерб, с которым несовместимо дальнейшее продолжение жизни. Также и характер наступления смерти: постепенное засыпание, растущую слабость - следует оценивать в том смысле, что прекращение жизненных явлений зависит от мозга... Естественная смерть - это смерть мозга"*.

* Цитируется по Жаке, см. прим. к с 85

Однако Рибберт и Нотнагель сходятся на том, что "естественная смерть", т. е. прекращение жизни без каких бы то ни было болезненных изменений органов, очень редка; большей частью смерть, даже в глубокой старости, вызывается каким-нибудь заболеванием органов.

Итак, кажется, что между взглядами Рибберта и Нотнагеля существует неразрешимое противоречие. Но если мы вспомним сказанное выше о связи жизни и сознания, то, как мне представляется, не остается сомнений, что именно в центральной нервной системе мы должны видеть *то* место, где *берет начало процесс смерти*.

Мы должны научиться обращать внимание на процессы, для которых изменения органов являются лишь симптомами. Пока мы будем искать причину смерти только в *органах*, не рассматривая человека как целое, мы никогда не придем к удовлетворительному решению.

Если же мы ищем начало процесса смерти, мы, без сомнения, должны согласиться с Риббертом. Но с другой стороны, можно согласиться и с Нотнагелем: вследствие нормальных старческих изменений мозга - и даже когда они приобретают патологический характер - человек не умирает, пока не останавливается сердце. Но при нормальном развитии это происходит, когда "жизненная сила" растрочена, состояние же сердца является для этого лучшим критерием. Рибберт прав в определении начала процесса смерти: он проникает в организм через нервную систему; но только когда процесс смерти добирается до сердца, человек умирает - а это точка зрения Нотнагеля.

Однако оба исследователя находятся в плену принципиального заблуждения своего времени: они пытаются объяснить наступление смерти материальными изменениями отдельного органа. И это когда наблюдаемые феномены недвусмысленно свидетельствуют о том, что смерть - это не событие, которое настигает организм в конце жизни, а процесс, который уже в самом раннем детстве берет начало в центральной нервной системе и набирает силу по мере развития сознания. Смерть, как и жизнь, - это манифестация сверхчувственной действительности в физической сфере.

Однако человеческий организм не только инструмент для мышления, он должен также служить "я" *орудием воли*. Всякий акт воли основывается на вмешательстве "я" в систему обмена веществ, которая посредством крови связана со всем телом. Подобно тому как "я" является средоточием духовно-душевной сущности-человека, *кровь* выполняет эту роль по отношению к телу. Кровь образует телесную основу "я".

Но "я" было бы не в состоянии использовать кровь, если бы оно не могло вызвать в ней процессов разрушения. Процессы же эти в самом деле очевидны: эритроциты лишаются ядер и распадаются в огромном количестве. Первоначально и у эритроцитов были ядра. И история развития показывает, что в эмбриональный период жизни исконная ситуация еще сохраняется. А это значит, что в этот период они являются еще полноценными живыми существами. Но уже в ходе эмбрионального развития ядра постепенно исчезают, так что эритроциты новорожденного уже вообще лишены ядер. Безъядерное же кровяное тельце биологически неполноценно; через сравнительно короткое время оно должно погибнуть и замениться новым. Согласно исследованиям японца Она, в человеческом организме ежедневно погибает 500 миллиардов эритроцитов, что соответствует приблизительно 100 куб. см крови. Появляющиеся в красном костном мозге новые кровяные тельца сначала содержат ядро, а затем также становятся безъядерными. Только в патологических случаях в крови взрослого человека обнаруживаются содержащие ядра эритроциты. Кровь, таким образом, без сомнения, тот орган, который подлежит сильнейшему процессу разрушения, а значит, нуждается в сильнейшем процессе регенерации. Пробитая же в системе крови брешь возникает оттого, что сюда вторгается "я" и использует организм в качестве инструмента воли.

То, что этот грандиозный разрушительный процесс действительно связан с вторжением сознания, подтверждается, впрочем, и тем фактом, что количество эритроцитов с утра несколько выше, чем вечером.

Итак, не только в нервной системе коренится процесс смерти - он проникает и в систему крови. Но именно здесь строительные (пластические) силы так значительны, что они безуданно уравнивают процесс разрушения, и это особенно относится к состоянию сна, когда сознание отключается. Человеческая жизнь, таким образом, в результате смены сна и бодрствования заключается в постоянном колебании между процессами ассимиляции и диссимиляции, между двумя полюсами: жизнью и смертью*. Если мы после каждого сна обычно чувствуем себя бодрыми, нам не следует обманываться на сей счет: по крайней мере, во второй половине жизни это можно сравнить лишь с передышкой на изо дня в день ведущем все ниже и ниже пути: несмотря на прекрасный сон, мы стареем день ото дня.

* Знание о полярном строении человеческого организма лежит в основе сказки "Крестный Смерть" (Братья Гримм). В ней описывается жизнь мальчика, крестным отцом которого становится смерть. Когда мальчик вырастает, смерть решает сделать его врачом и показывает ему траву, с помощью которой можно вылечить все болезни, если использовать ее в подходящих случаях. А эти подходящие случаи смерть показывает ему, появляясь у изголовья больного; тогда врач знает: болезнь излечима. Если же смерть появляется у ног больного, участь его решена, все старания врача напрасны.

Иными словами: пока процесс смерти протекает нормально, исходя из нервной системы, опасности для жизни не возникает, даже если человек заболевает; когда же процесс смерти проникает в "нижнюю" область, отвечающую за восстановление, когда, к примеру, кровь уже не может защититься от возбудителя инфекции, болезнь заканчивается смертельным исходом. Эти взгляды лежат в основе библейского повествования о *древе жизни* и *древе познания* (которое является причиной смерти): "древо познания" - это образ центральной нервной системы, "древо жизни" - системы крови.

В юности, правда, жизненный ритм еще преобладает над материальностью организма; средний возраст обычно характеризуется равновесием между жизнью и материальностью; в старости материальность все больше выходит из-под контроля жизненного ритма, отчего она внешне огрубевает и сморщивается. Если определить точнее, процесс старения состоит в том, что специфическая субстанция органов, таких, как печень, легкие, почки, подвергается процессу сморщивания при одновременном относительном повышении содержания соединительных тканей. В результате органы становятся функционально менее пригодными, меньше по размеру и жестче. И сердце, и мозг подвержены этой "старческой атрофии". Костная система, напротив, до определенной степени деминерализуется и становится специфически легче.

Когда берущий начало в нервной системе процесс разрушения полностью возобладает над берущим начало в крови процессом восстановления, наступит "физиологическая смерть от старости". Она должна наступить, когда душа превратила все пластические силы в образы памяти и душевные способности. Тогда смерть является внутренней необходимостью, поскольку организм полностью отдал свои пластические силы для душевной жизни.

То, что мы называем "смертью", является, таким образом, лишь конечным результатом процесса, который продолжается всю жизнь и который только и позволяет нам стать сознательными существами, поскольку составляет основу для превращения жизненных процессов в содержание сознания. Таким образом, мы открываем для себя смысл процесса смерти: он служит нам ферментом превращения. Если бы Коршельт знал эту тайну превращения, он мог бы вложить определенный смысл в свое наблюдение, "что организм уже на очень ранней стадии формирования несет в себе зачаток старения". Он говорит о зачатке - о плоде он не спрашивает, поскольку видит в смерти отрицание жизни.

Процесс смерти как физиологическая основа свободы

Итак, процесс смерти составляет, как мы видим, основу для развития сознания. Более того, величайшая драгоценность душевной жизни человека, *свобода воли*, зиждется на том же основании. Чем бы отличалась душевная жизнь человека от душевной жизни животных, если бы она не заключала в себе возможность свободы!

И животная организация наделена способностью к мудрым действиям. Пчела, птица, муравей проделывают удивительные вещи, приспосабливаясь к изменяющимся условиям внешнего мира. Однако животная "мудрость" - функция не индивидуального сознания, а присущей "виду" душевной жизни; она - функция "групповой души".

Поэтому животное не может свободно распоряжаться проявляющейся в его поведении мудростью, но, напротив, находится в ее власти. "Мышление" животного связано с его организацией и ограничено ею; оно "видовое" и потому от поколения к поколению остается неизменным*.

* H Poppelbaum Mensch und Tier Dornach 1975

У человека же мышление не только меняется от поколения к поколению, но даже отдельный человек претерпевает такие изменения; в душевной жизни человека есть *развитие* и *свобода*. Он может, если он, скажем, вырос в материалистически мыслящем окружении, прийти к духовному мировоззрению; или он может, если он с детства получал одностороннее воспитание, обрести понимание необходимостей материального мира. И далее: человек может возделывать поле, конструировать машины, учиться на художника или растрчивать себя на пустышки повседневной жизни - все зависит от него. Каждая биография привносит новое содержание в понятие человеческой свободы.

Такой подвижностью своего духа человек обязан тому обстоятельству, что его сознание сосредоточено в мышлении. В мышлении мы ощущаем себя свободными существами; посредством обмена веществ, а также чувственного восприятия мы неизбежно связаны с миром. Почему именно мышление дает нам ощущение свободы? Потому что его основа - освобожденные в результате процесса смерти пластические силы.

Смерть для человека, как для всякого живого существа, неотвратима, вот почему можно говорить о естественной необходимости смерти, которой подчиняется человек. Однако это лишь внешний аспект. Потому что, когда мы наблюдаем, что в результате процесса смерти пластические силы постоянно освобождаются от связи с телом, а значит, от необходимостей "фюсис", возникает прямо противоположная точка зрения! Благодаря этому процессу превращения, пластические силы возвращаются как раз к своему первоначальному состоянию, в котором они находились до того, как вступили в связь с телесным началом: они больше не подчиняются земному определению, они снова обладают всеми созидательными возможностями, они могут превращаться в сознании в любые формы и качества.

В результате процесса смерти человек получает исконные пластические силы в свое полное распоряжение, а в каком смысле и для какой цели он их употребит, зависит от него. Эти освободившиеся пластические силы дают - поскольку они свободны от определения - *полную свободу* человеческой индивидуальности.

Это имеет принципиальное значение: ведь только вследствие такого превращения пластических сил в человеческом организме освобождается место для собственно человеческого начала; а оно появляется именно там, где человек свободно развивает свою *духовную* сущность.

Впрочем, человек делает это с раннего возраста, хотя поначалу бессознательно. Ведь уже когда ребенок какие-то впечатления от мира удерживает в памяти, а какие-то забывает, он, очевидно, делает выбор: он оживляет лишь те восприятия, которые сумели пробудить в нем *интерес*. А это и есть непосредственное проявление жизни его собственной духовной сущности, его "я".

Итак, человек обязан возможностью свободного раскрытия своей сокровеннейшей сущности тому факту, что в его организме участвует процесс смерти и что освобожденные благодаря этому процессу пластические силы служат основанием для душевной жизни. Процесс смерти, таким образом, составляет физиологическое основание для возникновения индивидуального мышления, а значит, для развития человека по направлению к свободе.

Душа в старости

Описанный процесс превращения биологически активных эфирных сил в душевное содержание протекает на протяжении всей жизни, и если органы сознания не повреждены, может до конца жизни составлять основу здоровой и продуктивной душевной жизни. Похоже, что для сохранения духовной бодрости до глубокой старости принципиальное значение имеет воспитание, пробуждающее творческие силы ребенка. Такие люди любят деятельность, а если к этому присоединяется готовность к постоянному внутреннему превращению, то создаются условия для старости, которая пожнет плоды всей жизни.

Конечно, немногие сохраняют эту неутомимость до глубокой старости; многие умирают внутренне, приземлившись в работе, признанном положении или обывательской уверенности. Если же гений остается бодр, именно старость может привести к высшей человеческой и духовной зрелости. В своем прекрасном исследовании А.Э. Бринкман* показал, что поздние творения великих мастеров часто обнаруживают внутреннее единство и завершенность, каких нет в юношеских работах. Молодой художник склонен к чувственному освоению мира и к дифференциации в изображении; часто детали объединяются только внешне, за счет общей композиции. В поздних работах, напротив, такие детали, как форма и цвет, переплавляются в одно органическое целое, единство которого заключено не во внешней стороне, но в художественной идее. Подобно внутреннему огню идея охватывает художественный материал, раскаляет его и отливает творение неразрывной чувственности "как из жидкого металла". Какого проникновения достигают Тициан, Тинторетто и Эль Греко; какой свет струится от портретов стариков, которые, несмотря на крайнее затруднение, создавал в преклонном возрасте Рембрандт; какой магической властью сумел восьмидесятидевятiletний Микеланджело наделить скульптуру Пьета Ронданини; и чем было бы творчество Гёте без второй части "Фауста"!

* A.E Bnnckmann: Spatwerke grofier Meister Frankfurt 1925.

И снова мы имеем дело с превращением связанных с телом сил в душевные качества. Ту радость от чувственного мира, тот огненный темперамент, ту телесную воспроизводящую силу, которые молодой человек несет в себе, старый художник преобразует и передает своему творению: оно обретает собственную жизнь, оно дышит, оно окружает себя духовной атмосферой. Художник в духовно-реальном смысле продолжает жить в своем творении.

Конечно, не каждый может быть художником в полном смысле слова; хотя во всех можно было пробудить куда большие художественные способности, чем те, что проявляются при обычном воспитании. Однако процесс созревания в старости приводит некоторых людей к внутренней замкнутости, которая часто оставляет впечатление

лично-художественного качества. И способность к "рассказыванию", которая при здоровой внутренней жизни развивается с годами, делает старых людей естественными эпиками, что также связано с превращением пластических сил в образы памяти.

Старые люди, как известно, живут гораздо больше своими воспоминаниями, чем молодые. Даже в тех случаях, когда огрубение и сморщивание мозга привели к старческому слабоумию, можно наблюдать, что эти люди, хотя они почти ничего не помнят из непосредственно происходящего, прекрасно помнят свою юность и средний возраст. Это связано с тем, что с возрастом эфирное тело отделяется от физического; образы памяти становятся живее, душевная жизнь обретает самостоятельность и теряет (в далеко зашедших случаях) непосредственную связь с чувственным миром.

Если следовать мысли Гёте, то в течение жизни можно наблюдать метаморфозу: в начале физическое тело дает душевной жизни возможность развиваться. Но в той мере, в какой она развивается и становится более самостоятельной, она предоставляет физическое тело самому себе. Постепенно "я" обретает способность к переживанию в относительно свободном от тела состоянии: теперь оно может переживать себя в воспоминаниях, подобно тому как в детстве оно переживало себя в мире чувственных восприятий. А значит, действительно происходит метаморфоза: внешнее превращается во внутреннее.

Именно это имел в виду Гёте, когда Оттилия в "Избирательном сродстве" записывает в дневнике: "В какое положение себя ни поставь, всегда будешь представлять себя видящим... Возможно, что когда-нибудь наш внутренний свет выступит наружу, так что нам не будет надобности ни в каком другом свете"*.

* Перевод Г.А. и А. К. Рачинских

Панорама жизни

Высшая точка этого процесса превращения - сам момент смерти. Смерть от старости наступает, когда все пластические силы эфирного тела превращены в силы сознания. Тогда эфирное тело теряет возможность преобразовывать принятую пищу в субстанций тела, обмен веществ прекращается. В этот момент эфирное тело должно оставить физическое тело, потому что не находит больше точки приложения.

В "Тайноведении" Рудольф Штайнер описывает, как душа, оставив физическое тело, живет сначала в собственном мире образов памяти, который дан ей эфирным телом.

Но еще при жизни может наступить просветление внутреннего мира образов. Вследствие испуга, потери крови, опасности задохнуться, наркоза и т. д. может произойти временное - правда, частичное - освобождение эфирного тела: в результате вся прошедшая жизнь вспыхивает перед человеком будто на огромной картине - возникает "панорама жизни". Мы расскажем здесь о нескольких переживаниях такого рода, взятых из литературы и из собственных наблюдений. Рудольф фон Кошюцки в своей заслуживающей внимания биографии "Путешествие в земную страну" ярко описывает свои переживания во время железнодорожной катастрофы, когда он, сдавленный обломками, провел три часа, рискуя задохнуться.

Вся жизнь пронеслась передо мной. Отдельные картины окружали меня в течение секунды. Такая ясность очертаний и свежесть красок присущи только реальности. Казалось, ожили не старые воспоминания, а сами вещи и события. Я, маленький мальчик, сижу за школьным уроком и вырезаю красивую гладкую метку на кромке стола. Тут до меня доносится голос моего отца: "Выйди-ка, я купил тебе лошадь". Смешавшись от такой сказочной перспективы, я бросаюсь из дома и вижу маленькое серое животное, которое держит под узды старый Юннек. Хвост у лошади как пучок и два длинных уха. Я застываю в изумлении; мой отец и старый Юннек улыбаются, каждый по-своему.

Потом, будучи уже на пол-аршина выше, я встречаю отца на лестнице. Он дает мне звонкую пощечину: "Если у твоей матери нет физической силы усмирить тебя, то я еще здесь!" Это была одна из тех благотворных, пришедшихся вовремя оплеух, которая

заставила меня призадуматься; слово "физический" я услышал тогда в первый раз и с тех пор особо уважаю его.

Неожиданно я снова меньше, везу свою плачущую мать в одноконной коляске. Она сидит позади меня, а рядом со мной сидит Карлик-каретник, который помогал мне очищать дедушкин огород от клубники и гороха, пока моя мать прощалась со своей родиной и родителями, которые оставляли имение. Я с удовольствием поглядываю на захваченную добычу у своих ног, подталкивая маленького педанта и испытывая при этом мучительное чувство в спине - из-за слез моей матери, причины которых я не понимаю.

Так одна картина всплывала за другой с пронзительной ясностью, словно гроза стояла над полем памяти, разрывая то там, то здесь темный покров своими молниями. Яснее же и чаще других появлялись два женских образа: моя мать и Титен. Когда силы мои грозили изменить мне под огромным давлением, когда воля вот-вот готова была оставить меня под натиском страха смерти, когда я слышал, что меня нельзя спасти, и всякая надежда превращалась в безумие, они появлялись передо мной и смотрели на меня так печально, что я снова собирал последние силы и заставлял себя держаться ради них. Величайший стимул был для меня в этой мысли, но одновременно и величайшее мучение; потому что я с пугающей ясностью этих часов видел перед собой все: как пришло известие о моей смерти; как, плача, осела моя мать, как в веселых глазах Титен появилось отчужденное выражение и она не мигая уставилась на бумагу, как на что-то непонятное, - и как потом пришла скорбь, печальный пахарь, и повела свои борозды по милым лицам, медленно и неуклонно, как она умеет это делать!

Геолог из Цюриха, проф. Хайм, рассказывает о следующем переживании, связанном с падением в Альпах, едва не стоившем ему жизни.

Падая, я увидел, что меня непременно бросит на скалу, и ждал сильного удара. Я хватался скрюченными пальцами, за снег, пытаюсь удержаться, и в кровь изодрал кончики пальцев, *не почувствовав боли*. Я четко слышал удары своей головы и спины о каждый выступ скалы и слышал глухой удар, когда я упал. Боль же почувствовал примерно через час. Во время падения передо мной пронесся упомянутый *поток мыслей*. То, о чем я думал и что чувствовал в течение пяти или десяти секунд, нельзя рассказать и за десятикратное большее количество минут. Прежде всего я увидел возможные варианты своей судьбы. Другая группа мыслей и представлений касалась последствий моего падения для близких людей. Я увидел, как мои близкие получили известие о моей смерти, и мысленно утешал их. Затем я увидел, как, словно на сцене, несколько поодаль, *разыгрывалась в многочисленных картинах вся моя прошедшая жизнь*. Сам я выступал в главной роли. Все было словно озарено небесным светом, и все было красиво и без боли, без страха, без мучения. Даже воспоминания об очень горьких переживаниях были ясны, но не печальны. Возвышенные и примиряющие мысли связывали отдельные картины и царили над ними, и божественный покой, словно великолепная музыка, разливался в моей душе. Все больше и больше обступало меня роскошное голубое небо с розовыми и особенно нежно-фиолетовыми облаками. Я мягко и безболезненно влетел в них, видя, что теперь свободно лечу в воздухе, а подо мной расстилается снежное поле. *Объективные наблюдения, мысли и субъективные ощущения протекали одновременно и параллельно*. Затем я услышал глухой удар, и мое падение завершилось. В тот миг мне показалось, что какой-то черный предмет мелькнул перед моими глазами, и я изо всех сил три или четыре раза подряд прокричал: "Со мной ничего не случилось!"

Черный предмет, как, может быть, правильно думает Хайм, был субъективным ощущением возвращения в сознание после получасового обморока, наступившего в результате удара, но при этом не замеченного павшим, так что мыслительная деятельность продолжилась именно с того момента, на котором оборвалась.

Писатель Густав Штуцер описывает в своей книге "В Германии и Бразилии" похожее переживание. Он время от времени страдал сердечными спазмами, которые достались ему в наследство от малярии. Жуткий страх сменялся лихорадкой, которая казалась ему

благодатью. "Потом температура падала, и я превращался в ледяную глыбу. Один английский врач из Сан-Паулу показал мне позже сообщение об этом в одном медицинском журнале, которое он опубликовал "как нечто едва ли когда-нибудь наблюдавшееся"; такая низкая температура означала, по всем учебникам медицины, бесспорную смерть. У пациента все прочие органы абсолютно здоровы, и сам он никогда не испытывал пристрастия к алкогольным напиткам. Компрессы, морфий, эфир - эти средства применялись во время очень частых припадков. Оцепенение зачастую было очень продолжительным и т. д.". Свои внутренние переживания во время этих "сердечных спазмов" Штуцер описывает следующим образом: Вся моя жизнь проходила передо мной в быстро сменявшихся, но не беспокойных картинах. Чаще всего они проходили передо мной, как мы сказали бы теперь, кинематографически, несколько раз я видел их как картины без рам на длинной стене, а также как огромное полотно с высоты птичьего полета, всегда отчетливо. Среди них каждый раз бывали такие, которые стерлись из моей памяти, но которые я признавал достоверными. Моя мысль, рефлектируя, работала при этом так ясно, что я говорил себе: "Это представления совести", - потому что они относились к упущениям, которые сами по себе были, правда, незначительны. Все чувства, кроме слуха, находились в покое (я даже не ощущал резкого запаха эфира, и веки оставались плотно сомкнутыми и неподвижными), нервное же осязание было настолько сильным, что я даже замечал, как врач пожимает плечами.

Страх я не испытывал. Даже ощущение постепенного погружения не пугало меня.

Потом каждый раз появлялся озноб, я вздыхал, потягивался всем телом, причем голова запрокидывалась на руки моей жены, судорога плача сотрясала меня, глаза открывались, оцепенение в теле отпускало. Через несколько дней постельного режима и сильной слабости все проходило до следующего припадка, который протекал точно так же и повторялся через сколько-то недель или месяцев - и так в течение двадцати лет.

Однажды в конце 1908 года случилось так, что вечером позвали доктора фон Ашена - и по сей день нашего доброго друга в Сантосе. Он застал меня в начальной стадии лихорадки, употребил все средства и оставался до следующего утра у моей постели, пока я снова полностью не пришел в сознание.

Я попросил его высказать свое мнение совершенно откровенно, я сказал ему, что отношусь к тем людям, которые надеются на вечность, и потому не боюсь смерти. Ответ врача неизгладимо врезался мне в память "Мне было очень интересно наблюдать за ходом припадка. Я не мог поверить, что измерения температуры моего коллеги были правильными, потому что такая низкая температура означает смерть. Но я должен полностью подтвердить их, как и то, что обычные средства не возымели действия. Вас никогда не кусала змея?" - "Нет, господин доктор, никогда". - "Ваш недуг обнаруживает замечательное сходство с последствиями змеиного укуса. Я не приверженец гомеопатии, но у нее есть средство, которое, может быть, пойдет вам на пользу. Мы можем попробовать лахезис (змеиный яд) в гомеопатической дозе". И средство помогло мне"

Следующие описания принадлежат знакомым мне медсестрам, и я могу поручиться за их достоверность.

Одна из них следующим образом описывает пережитое во время острого отита (1911): Я не спала ночи напролет, потому что боль в ушах и голове была слишком сильна. Однажды ночью я сидела на постели и снова не могла уснуть. Голова была такая тяжелая, словно из свинца, и мне требовалась вся моя сила, чтобы держать ее высоко и прямо. И тут вдруг у меня появилось чувство, что я должна умереть. (До сих пор я никогда не думала о своей смерти.) То, что я теперь должна была умереть, казалось мне чем-то бесконечно прекрасным. У меня была уверенность или какое-то чувство, что я засну, вся боль и все мучение оставят меня, и затем наступит вечный сон или вечный покой. Я видела, как вся моя жизнь в картинах проходит передо мной, до самого детства, лет до четырех-пяти. Всплывало и такое, о чем я никогда не вспоминала. Вся жизнь была прекрасна, не было ничего, что беспокоило бы меня, кроме одного. Недели за две до своей

болезни я заняла у одной сестры 50 пфеннигов и не вернула их, и они не давали мне покоя! Пятьдесят пфеннигов страшно мучили меня. Они пугали меня снова и снова... Между этими пугающими мыслями я почувствовала себя уже умершей, после смерти. Смерть я переживала так: я заснула, вся боль и весь страх отпустили меня, и, освобожденная, я продолжала спать. Но сон был какой-то другой. Я ощущала себя во сне как существо, соединенное или скорее во внутренней связи с другими умершими, но тем не менее живыми. Это было неопределимо прекрасное состояние. Полное мира и покоя. При этом у меня было чувство: так будет вечно. Однако взятые в долг пятьдесят пфеннигов не подпускали смерть. Они снова и снова пугали и мучили меня, хотя я и тосковала по "избавлению". Отит стал проходить после самопроизвольного разрыва барабанной перепонки. Когда дела шли на поправку, я снова очень хотела выздороветь. Но смерть для меня после того ночного переживания сохранила прекрасный смысл.

Другая медсестра пишет следующее: В восемнадцать лет я лежала в больнице по поводу операции на лобных пазухах. Перед тем я узнала, что врач приготовил моего отца ко всему и что операция была очень серьезная. В день операции мне первым делом впрыснули морфий, но, несмотря на это, в 9 часов, когда я пришла в операционный зал, я была очень взволнована. Я очень боялась умереть. И очень сопротивлялась наркозу. Я сосчитала от трехсот до ста двадцати в обратном порядке и затем забыла о том, что окружало меня. Теперь вся моя жизнь, от настоящего момента и до самого раннего детства, ясно проходила передо мной; было такое чувство, будто я все переживаю заново. Я могла различать очень четко: это хорошо, а это нет, и за многое с удовольствием попросила бы прощения. Вдруг я очутилась в море света, я не видела и не чувствовала ничего, кроме света, было удивительно красиво. Когда я снова проснулась, был полдень, и я не могла вспомнить, где я. Только после того, как сестра сказала мне об этом, воспоминания стали постепенно возвращаться ко мне, но они только огорчали меня, когда я вспоминала, как прекрасно было там, где я побывала... Я не сразу смогла привыкнуть к мысли, что придется жить дальше в этой грубой действительности.

Таким образом, здесь идет речь о явлении, когда наркотическое средство парализует функцию мозга и весь мир воспоминаний выступает как самостоятельная структура и предстает перед человеком как нечто объективное. В этот момент происходит и кое-что еще: человек смотрит на все не просто как на события, но становится своим собственным судьей и оценивает свои поступки. В последнем описании это заметно очень отчетливо. Тут возникает нечто такое, что самостоятельно противопоставляет себя миру воспоминаний: то, что мы называем "я", обнаруживает себя в своей моральной функции. В то время как разные компоненты души устремляются от земли, "я" чувствует обязанность и потребность исправить несправедливость, т. е. снова связать себя с земной жизнью.

Тяжело раненный на войне солдат описывает свои переживания непосредственно после взрыва шрапнели и гранаты следующим образом: В ушах у меня шумело, я больше ничего не слышал, я чувствовал только теплую кровь, которая текла у меня изо рта и носа, - пелена была перед глазами, и мне показалось, что я не чувствую под собой земли. У меня было ощущение, будто я кружусь между небом и землей, казалось, я спокойно, без всякой боли поднимаюсь все выше и выше, а затем вдруг падаю вниз. Я уже не лежал на поле боя - нет, я не видел и не слышал ничего, что происходило внизу. Успокоительное ощущение кружения в воздухе между небом и землей неожиданно исчезло, мне показалось, оно оборвалось молниеносно, а дальше ничего - меня больше не было... Как долго я лежал так, не знаю, во всяком случае, я очнулся с картинками из своего прошлого. Бои, просто служба на фронте, которая предшествовала атаке, во время которой я был ранен, и не только это: форсированные марши из Гента на фронт, высадка поздно вечером в Генте, переброска откуда-то в Гент, - все это я пережил еще раз. Путь через Вестфалию, воинственное настроение, погрузка наших войск в Цоссене - короче: картины переживаний, которые были далеко позади. Эти впечатления доходили до моей

конфирмации, может быть, и еще дальше, я уже не помню. Картины пронеслись разрозненно, отрывочно, и чем более далекими они мне представлялись, тем быстрее, казалось, они проносятся, иногда, подобно молнии, они обрывались. Подобранный санитарями, я лежал в маленьком городке за Изером, с застрявшими в легких и руке осколками как нетранспортабельный.

Очень похожие описания дали и другие люди, в том числе один учитель, который, будучи гимназистом, чуть не утонул. Он видел отрывочные картины из своего детства. Особенно он удивился, увидев себя четырехлетним мальчиком, когда он что-то покупал себе на ярмарке, стащив деньги у матери; он давно забыл этот случай, но позже вспомнил его во всех подробностях.

Следующее описание также принадлежит медсестре: Был конец лета. Мне было шесть лет, я как раз научилась плавать, в Рейне, на мелководье. Однажды солнечным днем мы с подружкой решили плыть на глубину. Мы с радостью обнаружили: вода сама несет нас! Неожиданно подруга схватила меня, и мы вместе ушли под воду. Сначала мы пытались вместе, потом в одиночку выплыть на поверхность. Ей это удалось, и ее вытащили. Я же после короткого удушья замерла, забыла обо всем и совершенно увлеклась становившейся все более удивительной зеленью воды. Я видела, как солнечные лучи, словно золотые нити, дрожали в колышущейся зелени, они проходили сквозь меня, я лежала, раскинув руки. Зелень все светлела, казалось, она светится изнутри. Я подумала, что никогда не испытывала ничего прекрасней, мной овладело благочестивое настроение, я чувствовала что-то родное. Но тут вдруг меня поразили вопросы: что происходит, где я, что мне надо?.. И, словно молния, меня пронзила уверенность: сейчас ты умрешь! Это было похоже на властный призыв, я снова совершенно успокоилась, но была теперь внимательна и ждала. Теперь мои раскинутые руки стали словно смыкаться в широкое О, а я смотрела снаружи внутрь. И там стали вдруг появляться растягивавшиеся вширь, закруглявшиеся картины - передо мной и вокруг меня, - на которых я видела саму себя. Это было похоже на живую книгу с картинками И я просматривала ее, я бы даже сказала, читала ее, как молитву. Сначала было лето, и в нем бабушка, и ее доброта пронизывала все. Также там будто были рядом родители и сестры, совершенно такие же и все-таки другие, как будто окружавший каждого из них ореол тоже стал видимым. Потом возникла картина Пасхи - время шло назад, - а затем засверкало последнее Рождество, как-то изнутри. Эти последние картины были самыми яркими. Потом я вдруг почувствовала толчок снаружи, сияние погасло, сознание исчезло. В тот же миг я очнулась на берегу, меня рвало водой, и я испугалась серого мира. Хотя светило солнце, все казалось мне серым по сравнению с удивительными красками, прежде всего пронизанными зеленым и золотым светом. Только отдохнув несколько часов на берегу, я наконец почувствовала радость, оттого что вернулась, пошла домой и никому ничего не сказала.

Английский адмирал Бофорт описывает происшествие из своей юности*: ...лодка перевернулась, и я оказался в воде. Поскольку я не умел плавать, я тщетно пытался схватиться за перевернувшуюся лодку или за одну из других лодок... Торопливо, но тщетно пытаюсь позвать на помощь, я наглотался воды, и вскоре в результате отчаянных усилий силы мои были истощены. Прежде чем кто-нибудь пришел мне на помощь, я, потеряв всякую надежду, погрузился в воду; всякая работа мышц прекратилась; я определенно чувствовал, что смерть приближается ко мне. Вот до какой степени я сумел после моего спасения либо сам вспомнить эти внешние обстоятельства, либо они были дополнены теми, кто наблюдал эту сцену со стороны. Ведь в момент опасности тонущий слишком озабочен тем, чтобы схватиться за любую соломинку, или слишком поглощен сменяющимися друг друга надеждой и отчаянием, чтобы точно фиксировать отдельные события в их последовательности. Совершенно иначе обстоит дело с внутренними процессами, которые последовали затем... С того момента, как прекратилось всякое движение членов и мускулов, что, на мой взгляд, было следствием полного удушья, место прежних взволнованных и беспорядочных ощущений заняло чувство полного покоя, я мог

бы назвать это апатией, но не отчаянием, поскольку удушье уже не было для меня болезненным. У меня не было больше мыслей о спасении, я не испытывал никакого физического неудобства; напротив, все мои чувства теперь были очень приятны; они до некоторой степени походили на смутные, но прекрасные ощущения, которые являются предвестниками сна, вызванного усталостью от физического труда. И хотя внешнее чувство было умерщвлено, этого нельзя было сказать о духе. Его оживленная деятельность была такого рода, что ее едва ли можно описать. Одна мысль пронеслась за другой с такой быстротой, которую не только нельзя описать, но которая просто должна быть непонятна тем, кто не оказывался в подобном положении. Однако я и теперь в состоянии восстановить ту последовательность представлений, во всяком случае в значительной мере .. Тысячи мыслей, связанных с родительским домом, составляли первый ряд представлений, которые жили во мне. Затем они охватили более широкий круг; наше последнее путешествие, предыдущее плавание, во время которого мы потерпели кораблекрушение, мои школьные годы, успехи, которые я делал, время, которое я бесполезно растратил, даже мои мальчишеские приключения - все проснулось в моей памяти. По мере того как я подходил все ближе к началу моей жизни, мне казалось, что каждое ее событие оживает в обратной последовательности, но при этом без тех обычных ограничений, которые были присущи моей памяти, а в полностью развернутых картинах, со всеми, даже незначительными, побочными обстоятельствами *Короче, все содержание моей жизни было передо мной словно в панорамном, обзоре, мне казалось, что оно в каждой своей части сопровождается сознанием справедливого и несправедливого и размышлением о причинах и следствиях.* Многие маловажные события, которые давно стерлись из моей памяти, снова появлялись перед моим взором, причем так, словно я пережил их совсем недавно...

* Цитируется по Georg Friedrich Daumer. Der Tod des Leibes - kein Tod der Seele. Dresden 1865

Как долго или, скорее, как коротко я находился среди этого обилия мыслей, я сейчас уже не могу определенно сказать; но едва ли прошло две минуты между тем мгновением, когда я захлебнулся, и моим спасением...

Мои ощущения, когда я приходил в себя, были прямо противоположны описанным выше. Только одна путаная мысль, что я чуть было не утонул, заполняла мое сознание - вместо многих ясных и определенных картин, которые только что проносились передо мной. Неопишуемый страх, свинцовое удушье, казалось, тяготели над каждым чувством и исключали возникновение всякой разумной мысли; и лишь с трудом я убедился, что еще жив. Когда я тонул, я был избавлен от всякой боли, теперь же вновь боролся со многими физическими мучениями.

Эти описания не совпадают во всех подробностях, и различия между ними характерны. Где речь идет о внезапном освобождении эфирного тела, возникает обычно синхронный обзор, при постепенном же убывании жизненных сил (например, при длительном кровотечении) скорее наблюдается постепенное разворачивание картин, причем в обратном временном порядке. Важно, конечно, то, что при полном возвращении сознания, т. е. при восстановлении функции мозга, панорама жизни исчезает*.

* Это свидетельствует, что мозг по отношению к памяти обладает "тормозящей" функцией. С одной стороны, он способствует тому, что панорама нашей жизни не стоит перед нами постоянно и возникающие воспоминания не кажутся столь объективно пластичными, как в панораме жизни, с другой стороны, он с помощью логического мышления позволяет выбирать из потока воспоминаний.

Перевоплощение и судьба

На вопрос: что происходит с душой после смерти? - люди разных времен получали ответы, которые соответствовали широте или узости их мировоззрения. Для индийской культурной эпохи все определял свет древней мудрости, которая видела смерть как Майю и знала о возвращении души в повторных земных жизнях. Как мы видели, это знание померкло только в греко-римскую эпоху, и лишь у северных народов оно продержалось несколько дольше. Как убедительно показал на огромном материале К.А. Экхарт*, вера в перевоплощение первоначально была присуща всем индогерманским народам.

* K.A. Eckhardt: *Irdische Unsterblichkeit, germanischer Glaube an die Wiederverkörperung in der Sippe*. Weimar 1937.

Как могло случиться, что такое повсеместно распространенное воззрение за относительно короткое время полностью исчезло? Это становится понятно, если вспомнить, что у германцев лишь в первом тысячелетии от Р.Х. произошел переворот в сознании. До тех пор они находились еще на той стадии сознания, когда древнее (атавистическое) ясновидение дает возможность заглянуть хотя бы в мир мертвых. "Сага о Снорри Годи" конца IX века повествует так: Осенью того же года Торстейн отправился на рыбную ловлю. Как-то осенним вечером захотел пастух Торстейна к северу от Святой Горы погнать овец домой. Тут увидел он, что с северной стороны холм открыт. Он увидел в холме большие костры и слышал оттуда веселый шум и звуки рога. А когда внимательно прислушался, чтобы различить какие-нибудь слова, он услышал, как там приветствовали Торстейна Трескоеда и его спутников и говорили, что он скоро сядет на почетном месте против своего отца.

Это известие пастух Торстейна принес вечером госпоже Горе, жене хозяина. Она не стала поднимать из-за этого шум, но заметила, что это, может быть, предзнаменование важных событий. На следующее утро пришли мужчины с моря и сообщили, что Торстейн Трескоед утонул во время рыбной ловли.

Пастух, таким образом, ясновидчески пережил переход души своего господина в мир душ. (Не случайно именно пастух смог пережить это, поскольку связанные с природой люди дольше других сохраняют атаквистические формы сознания.)

Сновидчески-примитивное сознание, сталкиваясь одновременно с римским и христианским миром, проходит при этом колоссальный процесс превращения: оно, собственно говоря, только теперь пробуждается к "дневному сознанию".

(Германцы, как известно, еще во времена Тацита считали время "ночами".) И как сновидения - часто быстрее, чем нам хотелось бы, - блекнут при свете дня, так за относительно короткое время исчезает древнее видение и знание наших германских предков, едва только в их души проникает римский интеллектуализм. Лишь в немногих уединенных уголках атаквистические способности сохранились до сравнительно недавнего времени.

Собственно говоря, вполне естественно, что вера в перевоплощение должна была уступить христианским представлениям. Народ сохраняет воспоминание о ней лишь в символической форме, веками надеясь, что однажды снова придет Фридрих Барбаросса, или рассказывая себе сказку о "Госпоже Метелице".

Однако сказание есть сказание, оно не претендует на истину. Такую претензию может выдвинуть только наука, которая полагает, что в форме естествознания она способна установить исключительное господство.

Но в предрассветных сумерках эпохи естествознания снова вспыхивает знание о перевоплощении. Джордано Бруно - один из первых, кто был пленен им, и он сохраняет свою веру в пламени костра. Вскоре свидетелей древней истины становится все больше: Юм, Вольтер, Фридрих Великий, Лессинг, Шиллер, Фихте, Гегель, Гёльдерлин и, наконец, Гёте и его круг высказывают эту истину (наряду со многими другими) как личное убеждение. При этом исторической традиции не придают значения. Она разве что служит источником знаний, но ни один из новых свидетелей не обращается к ней - все находят доказательство истинности этой идеи в своей собственной душе: они в состоянии понять *самих себя*, только когда мыслят свое становление в повторных земных жизнях.

Гёте в этом отношении пришел к весьма конкретным представлениям. Он переживает в себе возрождение греческой души. Он чувствует, как низший человек в нем умирает и возникает высший. Между прошлым и будущим он переживает себя в вечном процессе становления. Перевоплощение поэтому есть само собой разумеющееся следствие его мировоззрения: "Ведь если я до самого моего конца неутомимо деятелен, природа обязана предоставить мне другую форму существования, если теперешняя не может долее вмещать мой дух".

Фихте зажигает сознание своего вечного существования огнем чистой мысли: "Только полностью просвечивающее самое себя и свободно владеющее всем своим внутренним существом пламя ясного познания гарантирует - посредством этой ясности - свое неизменное продолжение". И он настолько надежно чувствовал себя обоснованным в элементе мысли, что был уверен в "бесконечном ряду" будущих жизней.

Яснее всего предстает эта идея в сочинении Лессинга "Воспитание рода человеческого". Он понимает, что развитие человечества состоит не в продолжении внешних знаний и институтов, но в динамике духовно-морального становления. То, что это выражается прежде всего в развитии *сознания*, он еще не сумел осмыслить. Но в то время, как большинство упомянутых личностей - что вначале вполне естественно - исходят из своей собственной душевной жизни и оттуда поднимаются до идеи перевоплощения, т. е. в конечном счете остаются на эгоцентрических позициях, для Лессинга эта идея становится средством понимания развития *человечества*: он рассматривает отдельную личность как носителя этого развития. У Лессинга идея перевоплощения сбрасывает шелуху личной душевной жизни и выступает, живя своей собственной жизнью, доказывая свою истинность тем светом, который она излучает. Лессинг поэтому единственный среди этих мыслителей, для кого наличие перевоплощения не только убеждение, но и познание. В этом отношении он предшественник Рудольфа Штайнера, который сделал следующий решительный шаг: он разработал методы исследования сверхчувственной сущности человека; поэтому перевоплощение человека для него - не просто познанная в целом идея, но подлежащий конкретному исследованию сверхчувственный факт, т. е. *знание*.

Но опять-таки примечательно, *каким образом* Рудольф Штайнер излагает свое знание: он исходит из доступного всякому человеку способа чувственного наблюдения и оформляет мысли так, что они сами превращаются в тонкий орган восприятия для сверхчувственного мира. Взятые именно из естествознания понятия наполняются здесь более высоким смыслом. В маленьком сочинении "Перевоплощение и карма, необходимые представления с точки зрения современного естествознания" (1903) это демонстрируется, к примеру, следующим ходом мыслей: подобно тому, как естествознание признало, что все живое может произойти только от живого, причем того же вида, так и радикальное мышление должно признать, что душевное начало может произойти только от душевного начала. Но поскольку душа человека выступает всегда в индивидуальной форме (что находит отражение в своеобразной биографии каждого человека), придется последовательно заключить, что человеческая биография может быть объяснена только из биографии, предшествующей ей.

Штайнер отдает себе отчет в том, что ведет себя в духовной области так же, "как естествоиспытатель в области внешних фактов". Но он знает, с другой стороны, что как исследователь духа он не нуждается в заимствовании понятия развития из естествознания, - напротив: "Только тот имеет внутреннее право говорить о развитии в области внешней природы, кто признает это развитие также в духовно-душевной сфере". Тем самым недвусмысленно выдвигается требование автономии духовной науки.

То, что она была для него не просто целью, но инструментом познания, он показал в последующие десятилетия, когда описал связь человека со сверхчувственными мирами и путь души через них после смерти вплоть до нового воплощения. Он показал при этом, что идея метаморфозы только здесь и обнаруживает свое полное значение, поскольку на пути от одного воплощения до другого духовно-душевное начало одной жизни становится причиной формирования тела в следующей жизни.

Наиболее существенное из почти необозримого объема указаний систематически изложено Г. Ваксмутом в его книге "Перевоплощение человека как феномен метаморфозы" (G. Wachsmuth: Die Reinkarnation als Phanomen der Metamorphose). Благодаря идее метаморфозы человеческий организм становится до определенной степени прозрачен: компактнопространственное начало понимается как выражение

развертывающегося во времени духовно-душевно-телесного превращения. И если основополагающее достижение медицины состоит в том, что она научилась видеть в отдельных симптомах выражение болезней, то будущая медицина должна научиться понимать тело со всеми его особенностями и недугами опять-таки как симптом истории развития индивидуальности. Конечно, это далекая цель! Но снова надо сказать: данные, которые приводит Рудольф Штайнер, очень конкретны, на их основе надо стараться понять взаимодействие духовного и телесного начала пациента, и тогда станет ясно, что этот путь познания для врача очень продуктивен.

В трех эпохах протекает развитие сознания европейского человечества. В древности оно жило в сновидческом *групповом сознании*, которое еще знало о перевоплощении, хотя и в не совсем верной форме*.

* Германское представление не совсем верно, поскольку оно отмечает слишком короткие интервалы между воплощениями и, по-видимому, учитывает перевоплощения исключительно в пределах одного племени. Основания, которые Экхарт подводит под это представление (прежде всего обычай выбора имени, когда новорожденному давалось имя умершего предка), делают его допущение весьма убедительным. По данным Рудольфа Штайнера, между воплощениями в целом проходит от 1000 до 1100 лет. ("Таинovedение", последняя глава.) В этой книге он также говорит о том, что люди далекого прошлого чувствовали себя связанными со своими предками посредством группового "я". Со сменой поколений это общее сознание утрачивалось, поскольку память становилась все короче. "Лишь в сновидческих состояниях, в которых люди соприкасались с духовным миром, снова появлялось воспоминание о том или ином предке. Люди считали себя тогда тождественными этому предку и верили, что он вновь воплотился в них. Это было ошибочное представление о перевоплощении, которое возникло особенно в последнюю атлантическую эпоху". Похожие переживания, видимо, и у германцев стали предпосылкой для их взглядов. - Ср. также: Ernst Uehli: Atlantis und das Ratsel der Eiszeitkunst. Stuttgart 1970.

Вторая эпоха приводит к формированию ограниченного рождением и смертью *личного сознания*, которое утрачивает знание о перевоплощении.

Третья эпоха зарождается, когда из индивидуального сознания снова возникает знание о духовном мире и убеждение в перевоплощении. Сегодня идея перевоплощения нуждается не просто в убежденных сторонниках - она может стать *познанием*.

"Я" как ядро существа и целостная функция

С помощью фермента смерти душевная жизнь развивается на телесной основе. Из космически юного тела пластических сил в течение жизни возникает мир образов памяти. Но он не в состоянии сохранить тело, не говоря уже о том, чтобы построить его; именно разрушению тела он обязан своим существованием. Душевный внутренний мир (память - это в какой-то мере лишь самая материальная его часть) в ходе своего развития все больше освобождается от связи с космосом. Он должен был бы, оставив тело, пребывать в вечной изоляции от космоса, если бы для него не существовало возможности превращения.

Можно ли предположить, что душа в состоянии раствориться в космосе? Мне кажется, что воспитанное на наблюдении за природой мышление не может примириться с таким предположением.

С тех пор как Юлиус Роберт Майер открыл закон сохранения энергии, мы знаем, что в области физических сил постоянно происходит превращение одной формы энергии в другую: движение превращается в теплоту или электричество, последнее - в теплоту, движение или свет и т. д. Даже там, где на первый взгляд кажется, что энергия исчезла, при ближайшем рассмотрении оказывается, что это не так: всегда происходит превращение. Весь космос образует "целое", в котором сохраняются воспринимаемые энергии.

Нечто похожее можно наблюдать и в сфере жизни. Здесь мы тоже обнаруживаем превращение - но только в рамках биологического целого. Можно в процессе выращивания или разведения изменить растение или животное, но лишь в пределах, которые обеспечивают сохранение целостности "вида". Так, у коров в процессе селекции можно поднять удои на невероятную высоту; но оказывается, что такие животные страдают повышенной чувствительностью к туберкулезу. Иными словами: животновод может сместить силы внутри биологического целого, но в то время как в результате этого один орган начинает функционировать интенсивнее, другому наносится ущерб. Можно привести множество подобных примеров. Мы видим, таким образом, что биологические

процессы совершаются внутри целого, в котором объем биологических сил остается постоянным. Усиление одной функции происходит только за счет другой.

У человека, напротив, наблюдается нечто новое: часть пластических сил поднимается в душевную сферу. Но этого было бы недостаточно, чтобы оформить душевное начало как целое. Память, например, ясно обнаруживает две разные стороны: произвольную - что-то приходит нам в голову - и непроизвольную - мы вызываем в себе какое-то воспоминание, а когда нам это не удается в необходимой мере, мы тренируем память. Непроизвольная память основана на предрасположении и, видимо, ослабевает в той мере, в какой человек развивает свой интеллект. Иными словами: непроизвольно развивающаяся душевная жизнь не образует (по крайней мере, сегодня) никакого целого из своих собственных сил; мы вынуждены прибегать к волевому вмешательству "я", если надо совершить нечто толковое.

Это относится, естественно, и к мышлению; простое нанизывание случайных мыслей - еще не мышление, как и беседа за чашкой чая - еще не философская академия. Точно так же и во всей душевной жизни: все непроизвольное, неосознанное сегодня больше и больше становится негодным; душевная жизнь может быть оформлена как целое только при вмешательстве "я". "Я" - это не абстракция, как хотели бы представить его некоторые философы и психологи, "я" - это *силовой центр*, из которого исходит оформление душевной жизни как целого; духовный зародыш, который на основе отмирающего организма вырастает до "духовного человека".

Как тело пластических сил для физического организма является образующим целое, так и "я" является тем же для души. Без вмешательства "я" душа имеет склонность распадаться, подобно тому как это происходит с физическим телом, когда тело пластических сил перестает сохранять его единство. Только душа, которую пронизывает "я", может ставить цели, использовать энергию, накапливать жизненный опыт, развивать способности и в конце концов достигать жизненной зрелости. Лишь душа, которую пронизывает "я", может быть здорова.

Для целенаправленного развития душевной жизни большую роль играет, конечно, память; но столь же большую роль играет и способность забывать. Вспомним, сколько частных надо усвоить, чтобы научиться писать или овладеть каким-нибудь другим умением. Но пока мы удерживаем эти частности в сознании, способность не может развиваться. Для этого необходимо, чтобы частности внутренне переплавились, образовали новое "целое" - ведь с помощью каждого вновь обретенного умения (изучение нового языка; технические, художественные навыки) человек в какой-то мере формирует в себе нового человека. То, что могут протисты в биологической сфере - делиться, - человек может в душевной сфере.

Для этого в качестве основы требуется сознательная работа, но собственно развитие способностей осуществляется, как и все созидательные процессы, не при свете сознания, но во время сна. Каждую ночь мы забываем несметное количество подробностей: они проходят процесс превращения, переплавляющий их в способности. Никакие чисто человеческие способности не наследуются - они приобретаются человеком в результате упражнения. Они образуют - противоречие только кажущееся - частичные целостности, и то, что мы называем "личностью", есть составленное из них обширное целое. Правда, личность - это только "личина", "маска", поскольку подлинный человек - это личность, наполненная "я". От "я" исходят силы преобразования; "я" - это исходный пункт и цель развития душевной жизни.

Это преобразующее вмешательство в душевную жизнь "я" может осуществлять только во сне. Во время сна оно не осознает себя, поскольку не отражается в организме, но как раз поэтому оно может глубже погрузить отдельные элементы сознания в область тела пластических сил и тем самым превратить их в целостности.

Во время бодрствования "я" связано с органами сознания; оно развивает различающее, анализирующее сознание. Во сне оно связано с созидателями, образующими целое

силами тела пластических сил. Только благодаря попеременному действию "я" в обоих состояниях сознания возможно развитие душевной жизни. "Я" объединяет жизнь бодрствования с жизнью сна *в целостности человеческой индивидуальности*, которая в биографии проявляет себя в своем временном виде "Я" - "архитектор" душевной жизни, как тело пластических сил - "архитектор" физического организма. И как тело пластических сил порождает организм того же вида (который потому и подчиняется законам наследственности), так "я" производит только ему присущий душевный организм; тело пластических сил действует в рамках вида, "я" определяет своеобразие.

"Я", таким образом, шире, чем сознание "я", поскольку последнее основывается только на процессах диссимилиации в организме. "Я", напротив, как реальное ядро существа человека объемлет и ассимиляцию, и диссимилиацию. Но оно не может само по себе определять и то и другое. Силы, которые в общем недоступны его сознанию, ведут его к воплощению; в один прекрасный день оно произносит в детском организме: "Я есть". Но "я" уже давно работало изнутри над этим организмом, а теперь все активнее делает этот организм выражением своего существа. Однако силы наследственности оказывают сопротивление, и "я" лишь в малой степени может покорить себе организм в процессе ассимиляции. Однако то, в чем ему отказано в процессе ассимиляции, удается ему в процессе диссимилиации. Процесс смерти - это поистине его "крестный отец", который превращает юное "я" в "великого человека" - великого прежде всего за счет разрушения природы и себя самого!

Греки называли сон братом смерти - конечно, не только из-за внешнего сходства. У этого сравнения есть и положительный смысл: равно как только сон в состоянии переплавить отдельные дневные переживания в способности, результат жизни только благодаря смерти и примыкающей к ней жизни в духовном мире может быть превращен в новую, жизнеспособную структуру.

Тенденция к такому преобразованию обнаруживается уже в переживаниях панорамы жизни: "я" занимает по отношению к своей собственной жизни духовно-моральную позицию; оно не может сохранить эгоцентрические позиции земной жизни, поскольку теперь чувствует себя окруженным духовным миром с его духовно-моральными законами. Подобно тому как "я" в земной жизни усваивает способности, пригодные для этой жизни, так после смерти оно испытывает настоятельную потребность преобразовать весь результат жизни исходя из восприятия закономерностей духовного мира.

Поскольку после смерти влияния дневного сознания спадают, преобразование души происходит гораздо интенсивнее, чем при жизни. И подобно тому как во время сна мы должны многое забыть, чтобы приобрести что-то новое, так мы забываем после смерти все, чем душа обязана лишь чувственному восприятию мира. Мы не приобретаем новых способностей, но все переживания, которые "я" может одобрить перед лицом духовного мира, так сильно внутренне ассимилируются им, что оно составляет с ними полное единство; напротив, поступки и переживания, которые отвергаются законами духовного мира, рождают в "я" сильный импульс к изменению их там, где это изменение единственно возможно: в земном мире.

Когда духовно-душевный микрокосм, таким образом, переживает себя в духовно-душевном макрокосме, между ними зарождается связь, которая затем в земной жизни проявляет себя как "судьба". Руководствуясь широким взглядом на мировые необходимости, "я" дает согласие и на такую судьбу, которую оно позже - в силу ограниченности земного сознания - воспримет, быть может, как тяжелую. Но во время воплощения "я" погружается в состояние сумеречного сознания, которое дает нам возможность вообще искать и переносить неизбежные события и удары судьбы. Сколь многое, что принесло нам самые тяжелые, а потому важные переживания, мы вначале переживали совсем по-другому, чем в конце, когда оно превратилось во что-то новое.

Мы весьма склонны жаловаться на судьбу. Однако если мы осознаем, что существо человека не исчерпывается биологической ипостасью, но что человеческое "я" без судьбы

вообще не смогло бы развиваться, мы постепенно научимся не роптать на судьбу, а затем узнаем, что силы, нужные для преодоления жизненных трудностей, растут по мере того, как мы перестаем бороться сами с собой.

Даже тяжелую судьбу мы искали сами, чтобы развить силы, которых у нас прежде не было. О том, что этих сил у нас не было, свидетельствуют как раз те поступки, из которых мы сами слагаем свою судьбу. Положительное отношение к нашей судьбе постепенно приводит нас к углубленному самопознанию и пониманию нашего собственного прошлого.

Подобно тому как в макрокосме действует закон, по которому никакая энергия не пропадает, но лишь подлечит превращению, действует он в высшем смысле и для микрокосма человека: ни одна работа и ни одно усилие, даже на первый взгляд бесплодное, в действительности не проходит даром; все сохраняется в измененной форме и в конце концов превращается в собственное существо "я".

От "я" исходит функция целостности, объемлющая противоположности чувственного мира явлений в бодрствовании и сне, в запоминании и забывании, в жизни и смерти.

Жизнь и смерть - на первый взгляд непримиримые противоположности, игра враждебных друг другу сил! И тем не менее, эти силы за пеленой видимого мира протягивают друг другу руки, чтобы сквозь череду рождений и смертей нести своего первенца: человека - "я"!

Рождается ребенок. Тело формируют действующие из поколения в поколение мудрые пластические силы. Из духовного мира спускается "я" для нового воплощения. Оно пытается подчинить себе тело, которое представляет собой еще такой неуклюжий инструмент. С первым вздохом, появление которого по-прежнему остается загадкой для физиологии, душа через воздух прикасается к телу и с ритмом дыхания постепенно проникает все глубже и глубже, пока к середине жизни дыхание не достигает максимальной глубины, и вот, словно зеркально отражая первую половину жизни, объем дыхания начинает постепенно сокращаться.

Но дыхание - это еще не развитие. Вокруг колыбели должен играть свет, чтобы ребенок действительно воплотился; в комнате, выходящей на север, он заболевает. Силы света проникают до самых костей; без их формирующей власти кости остаются мягкими и недоразвитыми. Весь организм пронизывается светом и формируется таким образом, что однажды человек говорит о своем теле: "Я есть Я". Ощущая свое тело, он пробуждается к познанию своего духовного существа. Потому что как человек формирует свою душевную жизнь исходя из "я", так свет формирует тело. И с лучами света "я" витает возле детского тела, формируя его по своему образу и подобию. Тайнства творения повторяются в появлении и становлении каждого человеческого тела. Когда "я" с помощью лучей света сформировало тело как свой образ, тогда только оно может соединиться с этим образом и заявить из тела о своем существе: "Я есть Я".

С этого момента "я" наблюдает из тела за проявлениями света в наружном мире. Тайнственным образом оно соединяет то, что свет распространяет по земле в виде красок и теней, со своими собственными пластическими силами и сплетает из этого память. Когда же световая ткань готова, она выскользывает из мертвого земного тела и формирует отныне оболочку из образов памяти для "я", которое озирает в ней панораму своей жизни.

Снова начинается мудрый процесс переплавки - словно гусеница превращается в куколку. Из световой ткани как шлак удаляется то, что было лишь тенью земного мира, что "я" еще не сумело сформировать из своих сил. Образы переплавляются, и то, что "я" выносит из этой жизни как духовный итог, оно может теперь как чистую световую субстанцию соединить со своим сокровеннейшим существом.

Пока, по прошествии мирового дня, оно снова не будет доверено тем силам, которые на лучах света спустят его в земную обитель.

Рождается ребенок. И если он помнит о своем происхождении в свете, ему откроется однажды, какая глубокая, охватывающая рождение и смерть истина заключена в словах: "Я свет миру".

Самоубийство и преждевременная смерть

Нет большей противоположности такому восприятию жизни, чем факт самоубийства. Из года в год тысячи людей проходят этим темным путем, проникшись ложной верой в то, что, уничтожив тело, они могут прекратить свое духовное существование. Понятно, что это заблуждение уже в греко-римскую эпоху распространилось настолько широко, что философы и законодатели стали размышлять о выходе из создавшегося положения; в последнее же столетие оно приобрело пугающий размах. Кто непредвзято посмотрит на год от года ползущую вверх кривую самоубийств, не сможет отделаться от впечатления, что эта кривая - духовный итог материализма. Для душ прежних эпох самоубийство не могло иметь того значения, какое оно имеет в наши дни. "Я" не было еще так сильно воплощено, как сегодня, и если оно преждевременно избавлялось от тела, то оно переживало последствия своего деяния в духовном мире примерно так же, как в случае с испуганным ребенком, который решается на отчаянный поступок.

Сегодня же самоубийство в подавляющем большинстве случаев является следствием такого взгляда на мир, согласно которому жизнь между рождением и смертью - единственная. И если находящийся в плену этого мировоззрения человек, может быть, теряет единственное, что доставляло ему радость в мире, будь то имущество, честь или любовь, если в период экономической депрессии количество самоубийств растет, то нам это представляется психологически объяснимым.

Существует, таким образом, великое множество людей, которые из-за разбитых надежд или неисцелимых недугов, сталкиваясь с безнадежными жизненными трудностями, идут этим путем, и мы, учитывая психологические условия, понимаем их решение.

Но не будем обманывать себя: несметное количество случаев остается для нас загадкой; эти люди уносят в могилу свою последнюю тайну. Сколь мало мы можем понять, вооружившись естественнонаучными методами, в том, что происходит в этих душах! Статистика, к примеру, показывает, что количество самоубийств в весенние месяцы увеличивается так, что в июне в большинстве стран оно примерно вдвое превышает уровень декабря-января. В период с лета до зимы цифра самоубийств каждый год регулярно уменьшается и достигает к Рождеству своего минимума. Таким образом, именно экономически трудное, темное и безрадостное время года отличается наименьшим количеством самоубийств! А когда дни становятся светлее, когда солнце пригревает и люди свободно вздыхают, тогда каждый год уходят многие из тех, кто пережил зиму.

Очевидно, поверхностная психология окажется здесь бессильна. Когда мы из той же статистики узнаем, что так же, как кривая самоубийств, ведет себя кривая зачатий и сексуальных преступлений, мы приходим к предположению, что у многих из этих несчастных именно конфликт с природой страстей стал причиной самоубийства. Не на внешние трудности указывает "весенняя кривая", а на внутренние, может быть, никогда не высказанные, может быть, даже не осознанные.

Это явление указывает на исконное противоречие в человеке: между инстинктивной природой и сознательным "я". Весной биологические процессы активизируются, влечение усиливается; сознанию, напротив, становится труднее утверждать себя, "я" теряет бдительность. Отмечаемая всеми весенняя усталость, снижение успеваемости в школе - следствия этого смещения биологического равновесия. Но все это могло бы вызвать приятное мечтательное состояние, какое наблюдается у здоровых людей весной или вследствие полуденной жары. Что же именно весной приводит людей к самоубийству?

По моим наблюдениям, прежде всего люди с сильным кроветворением, "полнокровные", более других подвержены риску в этом отношении. Ведь, как мы уже видели, "я" может использовать кровь в качестве своего инструмента лишь настолько, насколько она разрушается. Если же в кроветворении нарушается равновесие из-за преобладания процесса ассимиляции, "я" должно постоянно противостоять последнему. В душевной сфере эта борьба против естественного кроветворения проявляется как тенденция к самоуничтожению. Поскольку эти люди внутренне борются со своим кроветворением, многие из них склонны вскрывать себе вены. Если вовремя оценить состояние и пустить пациентам кровь, то часто сразу наступает улучшение.

Но и это относится не ко всем. Есть много людей, которые страдают от депрессии (особенно весной) вследствие переполнения кровью, не обнаруживая при этом склонности к самоубийству. Это лишь физиологически обусловленная депрессия; склонность к самоубийству - индивидуальная душевная реакция на нарушение физиологического равновесия.

Осень и зима, напротив, - благоприятные для развития духовной жизни времена года. И не случайно рождение духовного дитяти, "я", относят ко времени Рождества. Пусть даже современное сознание ничего не знает об этом - в подсознательных глубинах оно все равно затрагивается реальными духовными событиями годового круга и испытывает влияние в своих волевых решениях.

Если, рассматривая эту первую группу, мы имели дело с душами, которые в какой-то мере слишком глубоко погружаются в тело, так что из-за биологических процессов у них меркнет сознание вечного существования, то, с другой стороны, есть много людей, с которыми происходит прямо противоположное: они не могут достаточно прочно связать себя с телом, неосознанное отвращение к жизни на земле мешает им в этом. Часто это тонко чувствующие, духовно устремленные и художественно одаренные люди. Они могут даже быть убеждены, что смерть не означает действительного конца, и они оставляют землю, поскольку думают, что с помощью "жизни в духе" они быстрее могут развиваться. Эти люди, несмотря на духовное стремление, обнаруживают некоторую мечтательную поверхностность. Это тот самый душевный склад, который обнаруживается у некоторых естествоиспытателей в тенденции к стиранию границ. И подобно тому, как мы наблюдаем там неясное, эмоциональное стремление к единству, так обнаруживается оно и у этой категории самоубийц: они хотят непосредственно подняться к духовному. Часто они хотят своей смертью принести "жертву", не подозревая, что происходит обратное: они сами становятся жертвой своих иллюзий.

Такие судьбы потрясают, ведь известно, что эти души идут по ложному пути. И тем не менее удержать их невозможно, потому что власть иллюзии слишком сильна. Здесь стоит упомянуть, что от многих самоубийц остается впечатление, что не проводимые ими житейские причины влекли их к смерти, а глубокие подсознательные противоречия их существа. Если вникнуть в биографию таких людей, то можно обнаружить, что "двоедушная природа" присуща им в большей степени, чем другим. Из-за этого они проявляют какую-то непредсказуемость: они могут выступать то в одном, то в другом качестве. Общепринятые психиатрические определения ничего здесь не объясняют. В конце концов можно действительно понять этих людей лишь в том случае, если удастся понять противоречия в их существе как последствия прежних земных жизней. Часто такие люди хотят наказать себя за мнимые поступки, которые даже не стоят упоминания. Когда пытаешься объяснить им бессмысленность их представлений, наталкиваешься на упорное сопротивление. Эту "тенденцию к самонаказанию" следует воспринимать очень серьезно, поскольку она часто ведет к самоубийству.

Само собой разумеется, у каждого человека наблюдаются такие последствия прежних земных жизней, но совершенно разные вещи, представляет ли собой человек "цельную личность" или заключает в себе до такой степени противоречащие друг другу элементы, что кажется раздвоенным. Если последнее состояние выражено очень сильно, можно

говорить о "двойнике", от которого такие люди страдают. В литературе это понятие играет большую роль. Здесь, правда, я не могу останавливаться на этом подробно; это будет сделано позже, в другом месте.

Альберт Штеффен в своем романе "В поисках себя"* описал такой случай: его герой - историк искусства, который всей душой расположен к восточноазиатскому искусству. Причина этой склонности, как явствует из описания, - в слишком сильном влиянии одного прежнего воплощения в его душе. Связанная с этим раздвоенность души приводит его к такому глубокому презрению ко всей западной цивилизации, что он в конце концов кончает с собой. Гениальное изображение этого отвернувшегося от мира чудака, его роковой сплетенности с другими душами позволяет настолько всесторонне раскрыть подоплеку современного душевного трагизма, что я настойчиво указываю здесь на эту книгу.

* "Sucher nach sich selbst", 2 Auflage, Dornach 1977

Из этого описания становится также ясно - а кто беспристрастно изучает такие судьбы, может подтвердить правильность описания Альберта Штеффена, - что самоубийца ни в коем случае не "выключает" себя из бытия, но что от него исходят разрушительные душевные воздействия.

Он не хотел смириться с тяжелой судьбой. Но, похоже, здесь имеет место нечто аналогичное тому, что происходит в физической и биологической сфере: то, что действительно существует, не может исчезнуть, оно может быть лишь преобразовано. И пока человек живет на земле, он всегда может что-нибудь преобразовывать. Какие мощные силы исходят от человека, который терпеливо переносит тяжелое страдание! Мы чувствуем, что эти силы укрепляют нас, ведь они показывают нам пример победы духа. Я с благодарностью вспоминаю одного больного, у которого злокачественное заболевание суставов отняло подвижность не только рук и ног, но в конце концов и головы. И тем не менее к нему каждый день приходило множество страждущих и нуждающихся в утешении, поскольку он в своем страдании сохранил полную свободу духа, которая выражалась в его неиссякаемом юморе. Собственно говоря, трагедия положения самоубийцы заключается в том, что в результате своего деяния он полностью лишается свободы. Ведь это деяние основано на ложном предположении, что с разрушением тела приходит конец и духу. Поэтому сразу после смерти у самоубийцы должно возникнуть сильное желание сделать так, чтобы этого деяния не было. Но для этого он должен вернуться в земной мир. Нам понятно, таким образом, утверждение Рудольфа Штайнера, что самоубийца после смерти страдает именно оттого, что его мучит сильная тоска по земному телу. Это продолжается ровно столько, сколько эфирное тело (которое он не смог разрушить своим деянием) могло бы в нормальных условиях сохранять физическое тело. То, что Рудольф Штайнер сообщает как потрясающий результат своего духовного исследования, литература и народная традиция знает в тысячах описаний.

Мы не будем здесь подробно рассматривать дальнейшую судьбу этих душ. Конечно, совершенно неправильно было бы считать их "несуществующими" - это та самая ошибка, которая стала для них роковой. Эти души еще настоятельнее, чем души других умерших, нуждаются в доброй памяти живущих*. Но было бы слишком мало и даже неверно, если бы мы захотели удовлетвориться этим. Потому что мы не должны недооценивать серьезность положения, которое проявляет себя в подымающейся каждый год кривой самоубийств. Действенная профилактика здесь - как и вообще - возможна только при условии правильного понимания причин. То, что эти причины в широком смысле коренятся в материалистическом мировоззрении, явствует из связей, которые мы проследили. Но при этом нельзя искать материализм исключительно там, где он заявляет о себе как о мировоззрении, потому что в этом случае можно даже ошибочно заключить, что он преодолен. Мы сегодня живем скорее во второй фазе материализма, когда он сам провозглашает себя преодоленным, в то время как он давно проник в бытующие науки и в

жизненную практику. Распознать его здесь гораздо труднее, но тем важнее это для жизненной практики. В последней главе мы еще вернемся к этому вопросу.

* Более подробные рассуждения на эту тему, равно как и об отношении живых к мертвым, см.: Fr Doldinger- Alter, Krankheit, Trennung, Tod. Stuttgart 1930; а также R. Meyer: Vom Schicksal der Toten Stuttgart 1979.

Как уже было сказано выше, причины самоубийства - это почти всегда не те мотивы, которые приводит сам потерпевший, а все те факторы, которые определяли его жизнь. Не говоря уже о воспитании в семье, здесь прежде всего обращает на себя внимание школа. Если в школе заведен такой порядок, что учитель сознает: индивидуальность, которая заключает в себе все прошлое человечества, надо ввести в современность; если ему удастся так руководить душами детей, что они сначала чувствуют, а потом и узнают в явлениях чувственного мира действие духовного мира, в котором они жили до рождения, тогда в этих душах возникает здоровое доверие к самим себе и к жизни на земле. А это в конечном счете самая эффективная профилактика склонности к самоубийству.

Кроме того, учитель должен бы разглядеть односторонность ученика и выровнять ее: слишком сильную привязанность к телу, которая может привести к духовной слепоте, или склонность к поверхностно-иллюзорному взгляду. Обе крайности создают основу для развития эгоцентрической душевной жизни, которая в конце концов все больше и больше теряет связь с окружающим миром, пока не погибнет сама по себе.

Ведь человеческая душа непременно нуждается в духовно-душевной связи с социальным окружением - так же, как в пище для тела. И во временном отношении она представляет собой единицу, которая вместе с другими душами образует более обширные единицы, такие, как народ и т.д. Человеческая душа поэтому относится к определенному времени и определенному месту. Рождение и смерть - моменты, обусловленные связью с прежними воплощениями и с другими душами. И - не станем обманывать себя - рожденные с нами души принадлежат именно *нашему* времени, и если одна из них добровольно исключает себя, то это неизбежно пагубно отразится на целом.

У каждого отдельного человека есть обязанности по отношению к обществу, в котором и за счет которого он живет; и с другой стороны, самоубийство - не только индивидуальная, но и социальная проблема; общество должно чувствовать ответственность за слабых, которые думают, что у них нет силы жить.

Насколько иначе духовный исследователь описывает судьбу безвременно умерших! В то время как самоубийца, содрогаясь, мучительно прокладывает во мраке свой путь, безвременно умерший благодаря приливу еще не использованных эфирных сил испытывает величайший подъем своего переживания после смерти. Благодатные силы струятся от них. Недалеко от Амальфи на могильном камне полуторагодовалого мальчика я обнаружил надпись: "Он устремился к небу, чтобы молиться за своих милых". Это звучит по-детски - таковы там люди, - но в сущности это верно.

Все это относится лишь к тем случаям, когда преждевременная смерть наступает в соответствии с судьбой. Конечно, она приносит близким боль; но если знание о возвращении действительно превратится для нас в жизненное ощущение, мы узнаем полное надежд, оптимистическое настроение людей, расстающихся до поры.

В полной мере относится это и к действительно жертвенной смерти - смерти за отечество. То, что приносится здесь в жертву, - это ростки духа, колоссальное значение которых для всего развития человечества обнаружится только в будущем. Нам же остается надеяться на новый "Ренессанс".

Преодоление сознания смерти

Прибегнув к историческому рассмотрению, мы попытались представить проблему смерти для начала в перспективе развития человечества, чтобы поднять ее на тот уровень, где она не затмевается эгоцентрическими ощущениями. Можно возразить, что в этом рассмотрении не было обращено внимания на значение христианства. Но прямо говорить об этом предмете значило бы выйти за рамки выбранного здесь метода*.

* С точки зрения современного христианства, вопрос перевоплощения и связанные с ним проблемы подробно рассматриваются Фридрихом Риттельмайером (Fr. Rittelmeyer: *Wiederverkörperung - im Lichte des Denkens, der Religion, der Moral.* Stuttgart 1931).

С другой стороны, ответ на вопрос косвенно вытекает из того, как изображены дохристианские культуры и послехристианская эпоха. Из этого описания явствует, что душа в дохристианских культурах была в большей или меньшей степени групповой сущностью и только благодаря глубокому погружению в телесную сферу пробудилась к индивидуальному сознанию. Этот процесс воплощения человечества Рудольф Штайнер часто наглядно изображал в виде опускающейся и поднимающейся кривой, в самую нижнюю точку которой попадало явление Христа. Это изображение может показаться противоречивым, поскольку наиболее сильная тенденция к материализму, как мы видели, возникла только в новейшее время. Как совместить этот факт с пониманием христианского импульса как центрального для человечества события*, которое призвано снова вести человечество к духовности? Коснемся этого вопроса хотя бы вкратце, поскольку он оказался в рамках нашего исследования.

* Штайнер Р. *Духовное водительство человека и человечества.* Калуга, 1992.

Для ранних христиан импульс Христа знаменовал победу над смертью. Преодоление страха смерти, которое в дохристианских культурах душа переживала лишь в посвящении, стало благодаря Христу доступно всем людям. Особенно это относится к Египту, поскольку души там были подготовлены верой в Осириса; Христос явился египтянам как исполнитель веры в Осириса.

Вообще в эти времена еще сознавалась реальность понятия "человечества": ранние религии воспринимались как разные формы выражения одной и той же истины. Еще Августин был убежден: "То, что в наше время называют христианской религией, существовало уже у древних и было в самом начале рода человеческого, пока Христос не явился во плоти, и с этих пор истинная религия, которая была уже прежде, получила имя христианской".

В этом смысле, с учетом и дохристианских эпох, Христос воспринимался в раннем христианстве как духовный водитель человеческого развития. Благодаря этому души не чувствовали себя внутренне ограниченными своей единичной формой проявления. Но разве можем мы, оглядываясь назад на явление Христа, сказать сегодня, что развитие человечества с тех пор мы осознаем как выражение деятельности Христа?

Если мы не хотим впасть в иллюзию, нам придется признать, что дело обстоит совсем не так.

Конечно, поток внутренней христианской жизни течет от явления Христа и до наших дней; во всех конфессиях есть носители* этой жизни. Снова и снова пламенные свидетели духа разрушают слой пепла повседневного сознания. В немецкой мистике¹ от Мейстера Экхарта до Ангелуса Силезиуса и Новалиса живет сознание, которое внутренне преодолело смерть.

* Ср. Штайнер Р. *Мистика на заре духовной жизни нового времени* Ереван, 1993.

Но внешние формы жизни в результате этого не изменились. Сознание народов, их деятельность, их цели не имели к этому никакого отношения. Приходится даже констатировать, что в первую очередь дохристианские формы сознания определили христианское сознание. С тех пор как римское понятие права вторглось в веру, с тех пор, как "правую веру" стали "защищать" средствами закона и в конце концов силой, педантическая несговорчивость раскалывает христианскую общину на конфессии.

Если рассматривать распространение материализма в последние века, можно подумать, что христианская вера окончательно преодолена. Поток мистически-внутренней жизни, казалось бы, практически иссяк. До сего дня теология сторонится естествознания и считает, что, если "христианская вера" добавляется к внешней науке, все будет в порядке.

Однако, когда речь идет о развитии человечества, приходится выбирать не малый масштаб. В противном случае ближайшее по времени может показаться чересчур важным, в то время как по-настоящему значительные линии потеряются из виду. "Доказать" в этой

области никогда ничего не удастся, а потому да будет позволено автору поделиться личным переживанием.

Когда я впервые попал во Флоренцию, обилие вызванных искусством впечатлений подействовало сначала оглушающе. *Просто* наслаждаться ими оказалось невозможно - Ренессанс превращался в проблему познания: как могло случиться, что здесь каким-то образом "воскресла" древность и в то же время непосредственно ощущалась бьющая ключом новая жизнь? Вопрос разрешился, когда я понял: в художниках Ренессанса пульсирует живая христианская кровь. Здесь впервые христианская вера стала по-настоящему грандиозно художественно-продуктивной. Если мы хотим понять это не абстрактно, а конкретно, то это может значить только одно: здесь мы видим в работе души, художественная плодovitость которых объясняется тем, что они приняли христианскую веру уже в предыдущей жизни, так что теперь она живет в них не только как вера, но действует как пластическая сила в их теле формирующих сил. Не *те* ли это души, которые приняли смерть за веру?

Все искусство этого времени обнаруживает тягу к универсальности. Границы конфессий внутренне преодолеваются, мадонны Рафаэля обращаются ко *всем* открытым душам. И в "Диспутах", и в "Афинской школе" он соединяет христианство с философским развитием древности. Он завещает похоронить свое тело в Пантеоне, единственном сохранившемся храме дохристианской эпохи.

И тем не менее художественная деятельность этой эпохи имеет свои границы. Сотни художников соревнуются в изображении жизни Христа. В этом творчестве проявляется непосредственное, личное участие душ в этом событии. Но, собственно, к духовному значению событий жизни Христа художники этого времени редко приближаются настолько, чтобы произведение искусства обрело внутреннюю прозрачность. Был написан ряд "Вознесений" и "Воскресений", но картины отражают большей частью *птиц* представление о воскресении; само воскресение остается внутренне мертвым, поскольку абстрактное представление не может вдохнуть жизнь в художественное творчество.

В этой области есть лишь немногие исключения. К ним, без сомнения, относится последняя картина Рафаэля, "Преображение". Написать же "Воскресение" в полном смысле удалось лишь Грюневальду. Он сумел преодолеть в живописи смерть, проделав путь от сознания смерти до сознания духа. Таким образом, его картина стала свидетельством действия сил воскресения в его душе. Можно даже сказать: его картина - это доказательство воскресения. Потому что художник наглядно показал, как космический человек вырывается из земной оболочки. И тому, кто не запирает душу от воздействия красок, эта картина покажет: так духовный человек освобождается от смерти. Силы воскресения сотворили себе в Грюневальде художественного провидца. Ведь духовные импульсы устремляются из сверхчувственного мира в земной; они ищут себе орудие в человеческих душах. И тот, кто подготовил себя самопревращением, жертвой и преданностью, может стать сосудом для этих импульсов. Эти импульсы могут действовать в различных формах и обликах.

То, что пульсирует в картинах Грюневальда и столетиями было скрыто от глаз мира, снова появляется в учении Гёте о цвете. Поэт, который хотел стать художником, с помощью чистой мысли раскрывает тайны света.

Более того: естественнонаучные работы и открытия Гёте являются свидетельствами сил воскресения человеческого духа. То, что в храмах Персии и Египта некогда почитали как являющийся в свете дух, для Гёте - личное знание. Христианский импульс - вот что заставляет его преодолеть материалистические представления в науке.

У материализма как формы мировоззрения была своя миссия: он дал душе возможность с помощью погружения в мировоззрение, которое не считается с жизнью до рождения и не надеется на жизнь после смерти, развить те личные силы, которые ей не могло бы дать мировоззрение, озаренное духом. Сформировавшееся в одиночестве духовного мрака "сознание смерти" было тяжелейшим испытанием для развития сознания

"я". И "я" не смогло бы выстоять в этом испытании, если бы в его душевных глубинах не действовал импульс Христа. Эпоха материализма - это погребение человеческого духа.

Если бы современный человек сделал вывод из своего научного мировоззрения, он должен был бы почувствовать, что он словно похоронен в пространстве и во времени. Законы природы превращают его в несвободное, детерминированное существо; он замкнут во временных границах рождения и смерти. Обе границы "я" хочет сегодня разрушить: в застывшей неизбежности законов природы оно хочет разглядеть обман и осознать себя свободным существом, хочет прорваться сквозь границы рождения и смерти и почувствовать себя вечным существом.

В прежние века души могли ощутить исполнение своей христианской веры в том, что она давала им уверенность в личном бессмертии. Задачи же настоящего и будущего могут быть решены только тогда, когда мы перестанем ограничиваться удовлетворением наших личных душевных потребностей. Все рассуждения в этой книге были обращены к тем душам, которые чувствуют, что им недостаточно только верить, как это делали прежние эпохи, но что настоящее и будущее развития человечества требуют от них более сильного и глубокого напряжения сил.

"Я" постепенно настолько окрепло, что оно может сегодня снова выйти из своей тесной душевной сферы и преобразовывать материалистическое мировоззрение. Потому что это воздвигнутое им мировоззрение - гигантское сооружение, которое начало громоздить человеческое "я", - не оставляет больше места для создателя; за строительством "я" забыло цель, а ведь оно само хотело жить там. Словно перед пирамидой с замурованным входом бесприютное "я" блуждает перед своим творением. Если не удастся изменить представление о мире так, чтобы "я" снова смогло проявить в нем свою духовную динамику, то будущее человечества должно вызывать тревогу. Силы сфинкса, атавистические остатки древних групповых душ, снова поднимут голову, и лишенные "я" души не сумеют совладать с их суетой; они сочтут себя просто высокоразвитой животной расой. Сознание смерти передаст их во власть "антихриста".

Из этой перспективы вытекает цель, к достижению которой должно стремиться христианское сознание: преодолеть материалистический обман в мировоззрении. То, что раньше было *верой*, сегодня должно стать *познанием*. Исследования Гёте шли в этом направлении, и весь труд жизни Рудольфа Штайнера сознательно преследовал лишь одну цель: поднять человеческое "я" из могилы, куда его вверг материализм. С этой точки зрения его деятельность можно рассматривать как соответствующее эпохе продолжение изменения сознания, начало которому положил христианский импульс. И в этом смысле прямая линия ведет от его первых гносеологических работ к его "Христорологии", образованной из хрустального вещества чистой мысли.

Это отвечает требованию эпохи, потому что несущая себя сама полная света мысль - это переживание воскресения современного человека, и она гарантирует вечную жизнь.